
Дэвид Лодж
Академический обмен

Академический обмен

Дэвид Лодж

Аннотация
Дэвид ЛОДЖ. АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОБМЕН. (Повесть о двух кампусах)
Перелет
На новом месте
Переписка
Из газет
Обмен
Конец

Аннотация

В основу книги положен банальный, на первый взгляд, сюжет — обмен профессорами американского и британского университетов. Обычно все проходит гладко и рутинно. Однако на этот раз в обмен вовлекаются два антипода, и на противоположных берегах Атлантики происходят события, закручивающие в свой водоворот всех — студентов, коллег и даже жен. Не давая читателю заскучать ни на одной странице, автор приводит его к финалу, который, похоже, удивляет и его самого.

Дэвид ЛОДЖ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ ОБМЕН
(Повесть о двух кампусах)

Посвящается Ленни и Присцилле, Стенли и Эйдриен и всем моим друзьям на Западном побережье

Несмотря на то, что ряд мест и событий, о которых идет речь в романе, имеет определенное сходство с реальными местами и событиями, все персонажи, будь то отдельные лица или коллективы, являются вымышленными. Раммидж и Эйфория — это точки на карте комической планеты, похожей на нашу без точного совпадения и населенной народом, который есть плод авторского воображения.

Перелет

Высоко-высоко в небе над Северным полюсом в первый день 1969 года с суммарной скоростью в две тысячи километров в час стремительно сближались два профессора английской литературы. От стылого разреженного воздуха их защитили герметичные «Боинги», а риск столкновения был сведен к нулю мудрыми устроителями воздушных коридоров. Оба профессора, не будучи знакомы, тем не менее знали друг друга по фамилии. Более того, в тот самый момент между ними происходил академический обмен постами на ближайшие полгода, и во времена неспешных путешествий скрещенье их маршрутов было бы отмечено каким-нибудь интересным человеческим жестом: они могли бы, глядя в телескоп, помахать друг другу с палубы пересекающих Атлантику океанских лайнеров или, что более правдоподобно, вежливо раскланяться из вагонного окна остановившихся рядом поездов, и тот, кто позастенчивей, был бы рад почувствовать, что поезд, наконец, тронулся, и тут же обнаружил бы, что это движется не он, а незнакомец

напротив… Но те времена прошли. И оттого, что профессора сидели в самолетах, причем один из них томился от скуки, а другой не мог от страха даже глянуть в окно, а также оттого, что самолеты были друг от друга далеки и не видны невооруженным глазом, пересечение их путей в самой неподвижной точке медленно вращающейся планеты прошло незамеченным для всех — кроме, конечно, повествователя этой, так сказать, дуплексной хроники.

Хитрое словцо «дуплексный» на языке связистов означает «двусторонний» и применяется по отношению к системам, в которых сообщения посылаются одновременно в противоположных направлениях. Если поднапрячься, можно представить себе, что каждый из профессоров английской литературы (кстати, им обоим по сорок лет) соединен с родной землей, рабочим местом и домашним очагом безмерно растяжимой пуповиной, сплетенной из переживаний, ценностей и социальных установок, и эта пуповина тянется до бесконечности и не рвется даже тогда, когда профессор летит по воздуху со скоростью тысяча километров в час. Теперь вообразим, что, пролетая над полярной шапкой, пилоты обоих «Боингов», вопреки инструкциям и техническим

возможностям, начинают заниматься веселой акробатикой: летят крест-накрест, заходят в пике, взмывают вверх, закладывают петли — ни дать ни взять спаривающиеся стрижи — и, безнадежно запутав пуповины, чинно продолжают свой путь по заданному маршруту. Так вот что получается: когда профессора, приземлившись в положенном месте, принимаются задело или пускаются в развлечения, любой сигнал, посланный одним из них в края родные, немедленно почувствует другой. Сигнал вернется к отправителю, слегка преобразованный реакцией партнера, и даже может залететь в чужой канал, берущий, кстати, свое начало тут же, рядом. И вот уже система пуповин звенит и вибрирует от колебаний, бегущих в разные концы между двумя профессорами. Поэтому неудивительно, что, поменявшись на полгода местами, они вмешаются один в судьбу другого и отразят, как в зеркале, чужой житейский опыт — при всех различиях в культурах и в характерах, а также в том, как отнеслись они ко всему этому мероприятию.

С высоты нашего привилегированного положения (а место повествователя будет повыше любого из самолетов) одно из таких различий видно сразу. О том, что летящий на запад Филипп

Лоу не привык к воздушным путешествиям, двух мнений быть не может — достаточно взглянуть на его напряженную позу и на то, как суетливо благодарит он стюардессу, предложившую ему стакан апельсинового сока. А вот развалившийся в кресле устремленного на восток авиалайнера Моррис Цапп, который хмуро уставился в свой бурбон с тающей в нем льдинкой и жует погашенную (по настоятельной просьбе стюардессы) сигару, — этот воспринимает дальний перелет как дело привычное и утомительное.

Вообще-то Филиппу Лоу раньше летать приходилось. Но столь редко и с такими перерывами, что всякий раз это событие наносит ему травму — потоки страха и спокойствия волнами накатывают на него и доводят до изнеможения всю его натуру. Будучи на земле и собираясь в путь, он радостно предчувствует полет — вот он взмывает ввысь в голубые эмпиреи, устроившись, как в люльке, в самолете, который так естественно парит, как будто сам порожден небесами. Вся эта безмятежность рассеивается в аэропорту, стоит только ему услышать истошный вой реактивных двигателей. В небе самолеты кажутся такими маленькими, а на взлетной полосе — что-то уж слишком большими. А вблизи они должны

казаться еще больше — так ведь нет. Вот его самолет, например, который виден из окна, — разве может он вместить всех пассажиров, желающих в него попасть? Войдя в салон через рукав, Филипп укрепляется в своем мнении — ни дать ни взять консервная банка, битком набитая сплетенными человеческими конечностями. Но стоит всем рассесться по местам, и снова воцаряется спокойствие. Сиденья так удобны, что и вставать не хочется, а если уж понадобится — проход всегда свободен… Тихо звучит музыка… Мягко струится свет… Стюардесса предлагает свежие газеты… Багаж в надежном месте где-то в хвосте самолета, а если его там нет, то пассажир тут ни при чем, и в этом-то все и дело. В конце концов, иначе как на самолетах теперь не путешествуют.

И вот лайнер выруливает на взлетную полосу. Филипп выглядывает в окно, и совершенно напрасно — он видит подрагивающие крылья, все эти панели и заклепки, и размытые непогодой надписи, и язычки копоти на обшивке двигателя, и до него постепенно доходит, что он доверил жизнь свою машине, творенью рук людских, подверженному разрушению и тлену. И так далее и тому подобное. До тех пор пока самолет не наберет высоту, его то и дело будет бросать из

безмятежности в отчаянье.

Больше всего его удивляет хладнокровие попутчиков, и он внимательно следит за их непринужденным поведением. Воздушный перелет для Филиппа Лоу — это драматическое действо, которое он принимает как храбрый самоучка, решивший показать себя в компании блестящих лицедеев. Честно говоря, и на вызовы судьбы он отвечает в таком же духе. Он подражатель, неуверенный в себе, всегда готовый угодить и быстро поддающийся внушенью.

Предположение о том, что Моррис Цапп на борту своего самолета ничего подобного не испытывал, было бы не вполне верным. Закаленный ветеран внутренних авиалиний, посетивший чуть ли не все штаты с лекциями, докладами на конференциях и ради деловых встреч, он все-таки не мог не заметить, что время от времени самолеты разбиваются. С большим скептицизмом относясь и к мирозданию в целом, и к его организующему началу («Как можно называть это расточительство "Божьим промыслом"?» — говорит он, указывая на усыпанное звездами ночное небо), он частенько поднимается по трапу самолета с мыслью о том, не будет ли его имя фигурировать в еженедельном телевизионном

выпуске «Жертвы авиакатастроф». Как правило, такие мысли посещают его лишь в начале и по завершении полета — он где-то вычитал, что восемьдесят процентов авиакатастроф приходится на взлет или посадку. Статистика, прямо скажем, неудивительная для тех, кому хоть раз пришлось в ожидании посадки покружиться с часок в компании других самолетов над аэропортом, с которого каждые полторы минуты взлетает еще полсотни стальных птичек, и всей этой стаей жонглирует компьютер, и достаточно короткого замыкания, чтобы летные соревнования перешли в воздушный бой с участием специально нанятых авиакомпаниями отставных камикадзе, сокрушающих друг друга в небе и сталкивающих в лоб соперничающие «челноки», и с неба посыпались бы дождем хвосты, крылья, двигатели, пассажиры, биотуалеты, стюардессы, листочки с меню и пластиковая посуда (Моррис Цапп апокалиптически представлял себе эту картину — да и кого в Америке не посещают в наши дни подобные видения?), нанося непоправимый урон окружающей среде.

Предпочтя беспосадочный полярный перелет в Лондон рейсу с остановкой в Нью-Йорке, Цапп сообразил, что он на целых пятьдесят процен-

тов сократил риск быть ввергнутым в великое побоище. Правда, это утешение несколько обесценивалось тем, что он летел чартерным рейсом, а чартеры (об этом тоже писали) разбиваются гораздо чаще, чем рейсовые самолеты. Обычно, как полагает Цапп, это отслужившие свой срок машины, от которых избавляются большие авиакомпании и которые по цепочке перепродаются дешевым фирмам — он, например, летел самолетом компании «Орбис» и готов был поспорить, что под липовым латинским названием на снимке в ультрафиолете, как на древней рукописи, обнаружилось бы еще с дюжину подобных начертаний. А за штурвалы чартеров обычно попадают вышедшие в тираж летчики, шизоиды и алкоголики с трясущимися руками, свихнувшиеся от вынужденных посадок, снежных бурь и многочисленных угонов самолетов, которыми балуются чокнутые арабы и скучающие по родине кубинцы, ловко манипулируя динамитными шашками и купленными по дешевке пистолетами. К тому же Моррис впервые в жизни летел над водой (да-да, он никогда не покидал надежной тверди североамериканского материка — редкий и вызывающий уважение рекорд факультета), а вот плавать-то он не умел… Незнакомый ему

ритуальный инструктаж перед началом полета с демонстрацией надувных спасательных жилетов несколько вывел его из равновесия. Эта хитроумная одежка с завязками и клапанами была прямо-таки мечтой фетишиста, но влезть в нее в экстремальной ситуации у него было столько же шансов, сколько примерить надетый на стюардессу пояс с резинками для чулок. Более того, попытки нащупать жилет там, где он должен был находиться, то есть под сиденьем, кончились неудачей. Впору было опуститься на четвереньки и продолжить поиски, но нежелание предстать в нелепой позе перед соседкой, блондинкой в циклопических очках, остановило его. Он ограничился тем, что, свесив длинные, как у гориллы, руки, непринужденно провел ими вдоль сиденья — жест, с помощью которого люди приклеивают к стульям жевательную резинку или то, от чего они освобождают свой нос. Заведя руку подальше, он наткнулся на нечто, близкое к искомому, но это оказалась соседкина нога, которая тут же была с негодованием отдернута. Он повернулся к соседке — не для того, чтоб извиниться (этого от него не дождешься), но чтобы просверлить ее знаменитым Взглядом Цаппа, способным на расстоянии обездвижить любое живое существо

— от ректора университета до члена агрессивной молодежной банды. Но взгляд его уперся в плотную белокурую завесу.

В конце концов он оставляет поиски спасательного жилета, сообразив к тому же, что внизу под ним не вода, а твердокаменные льды океана — мысль, впрочем, далеко не обнадеживающая. Что и говорить, этот перелет — не самый счастливый день в жизни Морриса И. Цаппа («Иегова», — небрежно роняет он на вопросы девушек о его втором имени, и успех обеспечен: все женщины только и мечтают согрешить с царем небесным; «Достаточно посмотреть на мифы — Леда и Лебедь, Изида и Осирис, Мария и Святой Дух», — вещает Цапп на семинаре, и под его цепким взглядом замирает стайка беспокойно ерзавших на стульях студенток католического колледжа). Нет, что-то все-таки не гак с этим самолетом, думает он про себя; и дело не только в дутом латинском имени авиакомпании, не только в отсутствии спасательного жилета, не только в миллиардах тонн льда внизу и крошечной льдинке у него в стакане — нет, есть что-то еще, чего он пока не осознал. Пока Моррис Цапп решает эту проблему, мы отвлечемся, чтобы прояснить обстоятельства, которые занесли его и Филиппа

Лоу в полярные небеса в один и тот же не поддающийся определению (часы у обоих сбились) момент времени.

Между университетами штата Эйфория и английского города Раммидж уже давно существует соглашение об обмене преподавателями во втором семестре учебного года. Причина, связавшая столь разные и столь далекие учебные заведения, довольно проста. Случилось так, что архитекторов обоих кампусов совершенно независимо посетила идея сделать доминантой своих проектов копию падающей Пизанской башни. В Эйфории башня в два раза превысила по высоте оригинал и была сложена из белого камня, а в Раммидже построена в натуральную величину из красного кирпича, но в обоих случаях перпендикулярность сооружения была восстановлена. Благодаря этому совпадению и было заключено соглашение об обмене.

Согласно условиям обмена, приезжающий гость получал зарплату соответственно званию по ставкам приглашающей стороны, но поскольку ни один американец не мог протянуть на те деньги, что платили в Раммидже, и нескольких дней, университет Эйфории за свой счет восполнял своим людям разницу, а британским

визитерам платил суммы, выходящие, по их понятиям, за рамки здравого смысла, а также награждал их всех без разбора почетным званием «профессор». И не только по этой причине соглашение было явно в пользу британского партнера. Эйфория, небольшой, но плотно заселенный штат на западном побережье Америки, расположенный между Северной и Южной Калифорнией, с его горами, озерами и реками, с его рощами красных деревьев, светлыми песчаными пляжами и восхитительной бухтой, с противоположных берегов которой смотрят друг на друга эйфорийский университет в Плотине и сверкающий огнями, манящий город Эссеф, — так вот, по мнению знатоков-космополитов, Эйфория — это самый подходящий для обитания земной уголок. А что до Раммиджа, то даже отцам города нечего сказать о нем. Потому что это большой, начисто лишенный обаяния промышленный центр в срединной части Англии, пересеченный тремя автострадами, двадцатью шестью железнодорожными ветками и полудюжиной затхлых каналов.

Щедро растрачивая свои богатства, штат Эйфория создал один из крупнейших в Америке университетов: американцы скупали на корню

именитых профессоров и предлагали им в обмен на их лояльность лаборатории, библиотеки, исследовательские гранты, а также прелестных длинноногих секретарш. К нынешнему, шестьдесят девятому году, слава университета как образовательного центра уже достигла зенита и стала клониться к закату — возможно, по причине нарастания студенческих волнений и противодействия им губернатора штата Рональда Дака, бывшего киноактера и человека правых взглядов. Однако академические ресурсы университета были столь велики, что и в этих условиях он мог продержаться еще долгие годы. Одним словом, в эйфорийский университет попрежнему тянуло как магнитом профессоров со всех концов земли.

В противоположность ему университет Раммиджа никогда не выходил за рамки учебного заведения средних масштабов и репутации, и за последние годы его постигла печальная участь, не пощадившая и другие английские университеты подобного типа: в тот момент, когда близка была его победа в полувековой борьбе за место в лагере «старых», его нахально обошла на финише команда, чья популярность и престиж возросли благодаря их месту в лагере «новых». Понятно,

что после этого в Раммидже впали в досаду и уныние — в таком же настроении пребывает средний класс в обществе, которое, минуя буржуазную революцию, переходит от власти аристократии к власти пролетариата.

По этим и другим причинам профессура Раммиджа усердно боролась за честь представлять свой университет в штате Эйфория. Напротив, тамошний университет порой испытывал трудности в том, чтобы убедить своих ученых ехать в Раммидж. И вообще, академическая эйфорийская элита, на которую фанты и стипендии сыпались дождем, менее всего стремилась на преподавательскую работу в Европу, не говоря уж о Раммидже, о котором многие эйфорийцы и слыхом не слыхивали. Поэтому если кто из американцев и залегал в Раммидж, то это были молодые и/или ничем не примечательные англофилы, которые иначе не могли попасть в Англию, или, что случалось гораздо реже, специалисты в одной из тех экзотических научных областей, где Раммидж благодаря поддержке местной промышленности совершил впечатляющий прорыв; таковыми были технология бытовых электроприборов, теория автомобильных покрышек и биохимия какао-бобов.

Однако обмен между Филиппом Лоу и Моррисом Цаппом являл обратную ситуацию. У Цаппа было научное имя, у Лоу — нет. Цапп был из тех, кто публиковал научные статьи в престижных академических журналах еще в студенческие годы. Получив свое первое предложение занять вакансию в эйфорийском университете, он согласился на него, лишь когда обещанный ему оклад был удвоен. К тридцати годам он опубликовал пять чертовски умных книг (четыре из них о Джейн Остен) и в том же далеком от зрелости возрасте добился полного профессорского звания. Лоу же едва ли был известен за пределами своей кафедры, а из публикаций у него была лишь горстка эссе и рецензий. Он медленно карабкался по штатной лестнице преподавательских ставок в основном за счет обычных ежегодных надбавок и теперь застрял на подходе к максимуму, имея мало шансов на дальнейшее продвижение. Нельзя сказать, что Филиппу недоставало ума или способностей к работе, — он, увы, страдал отсутствием воли и амбиций, того инстинкта профессионального киллера, которым был с лихвой наделен Моррис Цапп.

В этом отношении оба они отразили черты воспитавшей их образовательной системы. В

Америке можно получить степень без особых хлопот. Предоставленный по большей части самому себе, студент играючи сдает зачеты, обычно выезжая на шпаргалках, и окончательный итог бывает никак не связан с беспокойством и тревожным ожиданием. Поэтому он может полностью переключить свое внимание на все нормальные соблазны молодого возраста — спорт, выпивку, развлечения и противоположный пол. И только в аспирантуре начинается суровая жизнь, и достойными высокого звания будут признаны лишь те, кто пройдет через жаркое горнило спецкурсов и устоит под пытками экзаменаторов. На тот момент так много времени и средств вкладывается в процесс преодоления препятствий, что ни о какой другой карьере уже и помыслить невозможно, и все в ней нацелено только на победу. В полной боевой готовности молодой ученый вступает на стезю своей профессии, которая по духу соперничества не уступает крутой Уолл-стрит, и, заключая контракт с работодателем, труженик ума предлагает свои услуги по самой высокой ставке.

В британской образовательной системе конкуренция начинается и заканчивается гораздо раньше. Соответственно правилам, человече-

ская колода четырежды перетасовывается и прореживается: в одиннадцать, шестнадцать, восемнадцать и двадцать лет — и счастливы те, кому всякий раз удается удержаться, особенно под конец. Последнее испытание называется «финалом», и само это слово предполагает, что дальше ничего существенного произойти не может. Британский аспирант — одинокая, забытая душа. Он и сам толком не понимает, чем он занимается и кому он должен угодить. Его легко можно опознать в буфетах Бодлеанской библиотеки в Оксфорде или Британского музея по застывшему взгляду — с подобным безучастьем глядит на мир контуженный на поле боя ветеран, навсегда потерявший связь с реальностью.

Когда выпускнику удается заполучить свою первую работу, особых затруднений в ближайшей перспективе можно не опасаться — контракты в британских университетах продлеваются автоматически и все получают одинаковые зарплаты. Но вот наступает срок, когда вдруг начинает беспокоить мысль о перевыборах и о кресле заведующего кафедрой, и с ностальгией вспоминаются деньки, когда голова работала быстрее, а цель впереди была ясной и определенной.

Филиппа Лоу британская система протащила

по тем же самым кочкам. А вот экзамены он полюбил и всегда сдавал их с блеском. «Финал» во многих отношениях был величайшим моментом его жизни. С тех пор ему часто снилось, что он снова и снова сдает экзамен, и сны эти были одними из приятнейших. Проснувшись, он без труда мог вспомнить все вопросы, которые достались ему в том далеком жарком июне. Все предыдущие месяцы он посвятил усердной подготовке, капля по капле наполняя свою голову дистиллированным знанием, и накануне первого экзамена (староанглийские тексты) голова его была полна до краев. В последующие десять дней он по утрам вносил свой драгоценный сосуд в экзаменационный зал и отливал потребное количество на бумажные страницы. День ото дня уровень знаний снижался, и на десятый день чаша опустела. Спустя годы он вновь пытался напитать свой мозг, однако без особого успеха. Отсутствовала цель, великий Выбор, который мог мобилизовать всю силу его знаний, и теперь по мере их накопления голова начинала давать течь.

Филипп Лоу отличался неподдельной любовью к литературе во всех ее многообразных проявлениях. Его радовали и «Беовульф», и Вирджиния Вулф, и в те редкие минуты, когда под рукой не

оказывалось более достойных образцов печатного слова, он внимательно прочитывал надписи на пакетах с кукурузными хлопьями, мелкий шрифт на железнодорожных билетах и рекламный текст на почтовых марках. Этот всеядный энтузиазм помешал ему обосноваться в своей собственной «области» и заняться ее разработкой. Начинал он с изучения Джейн Остен, но с тех пор не раз переключал свое внимание на такие разнообразные темы, как средневековые проповеди, циклы сонетов времен королевы Елизаветы, героическая трагедия Реставрации, инвективы 18 века, романы Элизабет Браунинг и предпосылки театра абсурда в пьесах Бернарда Шоу. Но ни одно из этих начинаний не было доведено до конца. Стоило ему подобрать предварительную библиографию, как внимание его отвлекалось на нечто совсем иное и по-новому интересное. Он сновал между стеллажами английской литературы, как ребенок в магазине игрушек, не желая выбрать одно в ущерб другому, и в конце концов вышел оттуда с пустыми руками.

В одном деле Филипп был признан непререкаемым авторитетом — правда, лишь в стенах своей кафедры. Ему не было равных во время экзаменационной сессии. Он был педантичен,

дотошен, строг и, конечно, справедлив. Да и кто кроме него мог поставить такую тонкую оценку, как 4+/4+?+, будучи совершенно в ней уверенным и способным обосновать ее с неопровержимой убедительностью? На заседаниях кафедры, посвященных обсуждению экзаменационных билетов, коллеги опасались его зоркого взгляда, разом замечавшего неоднозначные заголовки, прошлогодние темы, любой досадный недосмотр, позволявший студентам подогнать один ответ под два вопроса. Составленные им билеты являли собой произведение искусства, над которым он трудился часами с увлечением и самоотдачей, приукрашивая стиль и полируя слог, взвешивая каждое слово, искусно манипулируя всякими там «как… так и» и по заслугам наделяя доступных авторов замысловатыми вопросами, а заумных — вопросами полегче. Он приглашал студентов к размышлению, комментарию, анализу, разграничительной оценке и, наконец, к обсуждению блестящих эпиграмм своего собственного изобретения, выдаваемых им за цитаты из анонимных критиков.

Кто-то из коллег раз высказался, что Филиппу стоит опубликовать свои экзаменационные вопросы. В предложении таилась насмешка, но идея

захватила его — поразмыслив над ней пару часов, он почувствовал, что сам Бог указывает ему путь избавления от профессионального бесплодия. Это будет новая, революционная форма, сжатый, но исчерпывающий обзор английской литературы в вопросах, элегантно напечатанных на белоснежной бумаге с большими промежутками. Каждый вопрос, это чудо средоточия, лаконизма и многозначительности, немедленно вызовет желание читать и перечитывать его, раздумывать над ним, он будет столь же переполнен скрытым смыслом и загадочен, как хайку, и так же легок для запоминания, как поговорка, — вопрос, таящий в своем чреве намек, зародыш мудрого ответа. «Избранные вопросы по литературе» Филиппа Лоу. Книга, с которой могут сравниться разве что «Мысли» Паскаля или «Философские исследования» Витгенштейна…

Но проект этот зачах, как и предыдущие, более традиционные, а тем временем студенты Раммиджа начали кампанию за отмену принятой формы экзаменов, и единственный талант Филиппа Лоу оказался под угрозой. Потом его стали посещать сомнения в том, вполне ли он соответствует карьере, избранной пятнадцать лет назад скорее не осознанно, а под влиянием успешно

сданных выпускных экзаменов.

…В аспирантуре Филипп был оставлен автоматически и принял предложение научного руководителя заняться ранними сочинениями Джейн Остен. Спустя два года работа была еще далека от завершения, и решив, что смена декораций окажется полезной, Филипп без долгих размышлений подал заявку на стипендию в Америке и одновременно на место преподавателя в университете Раммиджа. К его великому удивлению, ему предложили и то и другое (вот что значит диплом с отличием), и Раммидж благородно согласился придержать его вакансию на год, чтобы ему не пришлось выбирать одно из двух. Однако в тот момент желание попасть в Америку поугасло, и причиной тому была сердечная привязанность к аспирантке Хилари Брум, которая трудилась над неоклассическими пасторалями. И все-таки Филипп смог убедить себя, что стипендиями разбрасываться не стоит.

Итак, он уехал в Гарвард и несколько месяцев протомился там, чувствуя себя глубоко несчастным. Работая в одиночку над диссертацией, он так и не завел знакомств; не имея машины и даже не умея водить ее, он был ограничен в передвижении. Робость и неосознанная верность

Хилари Брум не позволяли ему ухаживать за бойкими гарвардскими девицами. У него вошло в привычку совершать долгие одинокие прогулки по улицам Кембриджа и его окрестностям, в которых его неотступно сопровождали машины с полицейскими, уверенными в том, что беспричинный променад внушает подозрение.

Вдобавок все зубные пломбы, которые Филипп предусмотрительно поставил, покидая объятия британского здравоохранения, вдруг разом выпали, и высокомерный бостонский дантист сообщил ему, что он нуждается в срочной врачебной помощи на сумму в тысячу долларов. Поскольку это составляло треть его годовой стипендии, Филипп решил, что подходящий предлог, чтобы прервать занятия и с честью вернуться в Англию, наконец найден. Однако стипендиальный фонд, черпающий из бездонного финансового колодца, немедленно предложил покрыть все расходы. Тогда Филипп взял и написал Хилари, прося ее руки. Девушка, которой порядком наскучила пасторальная поэзия, сдала в библиотеку книги, купила в первом попавшемся магазине свадебное платье и прилетела к нему первым же рейсом. Их брак был заключен в Бостоне священником англиканской церкви спустя три недели после того,

как Филипп предложил Хилари руку и сердце.

Одним из условий стипендии были непременные поездки в разные концы Америки, для чего исследователям предоставлялся взятый напрокат и оплаченный автомобиль. Желая убежать от суровой зимы восточного побережья, а заодно и отпраздновать медовый месяц, молодожены решили сразу же отправиться в путь. Хилари села за руль новехонького гигантского «шевроле», и они помчались к югу в сторону Флориды, то и дело съезжая с автострады, чтобы заняться любовью на широченном заднем сиденье. После Флориды они с не менее приятными остановками пересекли все южные штаты и, добравшись до Эйфории, остались там до лета в квартире на верхнем этаже дома, стоящего на холме в центре Эссефа. С их двуспальной кровати открывался вид на бухту и противоположный берег, где на зеленеющих склонах раскинулся Плотин, колыбель эйфорийского университета.

Подзатянувшийся медовый месяц стал тем ключом, который помог Филиппу Лоу наконец открыть Америку. Вдруг он обнаружил в себе явно неудовлетворенную склонность к чувственным наслаждениям, которым он предавался не только разделяя двуспальное ложе с Хилари, но

и пользуясь такими бесхитростными мелочами американского быта, как душ в ванной и всегда холодное пиво, а также супермаркеты, открытые бассейны с подогретой водой и разноцветное мороженое. В Америке солнце сияло вовсю. Филипп стал менее зажатым, обрел уверенность в себе и научился радоваться жизни. Теперь он умел управлять машиной и с лихостью аборигена носился по холмам на своем шикарном «шевроле», включив на полную катушку магнитолу. Он стал завсегдатаем винных погребков и ночных клубов, где в те времена царили джазисты и поэты, и с восторгом приобщался к *духу времени.* И без особых затруднений закончил диссертацию. Это была первая и последняя в его жизни работа, не только начатая, но и доведенная до победного конца.

Ко времени возвращения в Англию у Хилари пошел четвертый месяц беременности. В тот день, когда они пришвартовались в Саутгемптоне, шел сильный дождь, и Филипп подхватил простуду, которая не отпускала его целый год. Они сняли в Раммидже на полгода сырую и продуваемую насквозь квартирку и после рождения ребенка перебрались в небольшой сырой и продуваемый насквозь одноквартирный домик, откуда, спустя

три года, уже с двумя детьми и ожидая третьего, переехали в сырой и продуваемый насквозь дом на окраине, но с садом. Из-за детей Хилари так и не вышла на работу, а зарплата у Филиппа была отнюдь не велика. Жизнь стала подбрасывать задачки на сведение концов с концами. Впрочем, в те времена многие подобные семейства испытывали такие же проблемы, и, не вкуси Филипп в Америке безбедной жизни, он и не стал бы жаловаться на судьбу. Глядя на эйфорийские снимки, запечатлевшие его и Хилари — с бронзовым загаром, веселых и уверенных в себе, — он начинал порою сомневаться, почесывая редеющий затылок, они ли это в самом деле, или, быть может, это их дальние зажиточные родственники, которых он не знает и никогда не видел во плоти.

Вот почему в глазах Филиппа Лоу, сидящего в «Боинге» и потягивающего апельсиновый сок, зажегся огонек, и вот почему, невзирая на угрожающее подрагивание и покачивание самолета, который, по успокаивающему заверению командира, проходит зону «умеренной атмосферной неустойчивости», он не мог бы оказаться где-либо еще. И даже проследив недавние американские события по газетам и умом понимая, что страна эта, еще более раздираемая расовыми и

идеологическими противоречиями, страдает от избытка насилия и прочих страстей, содрогается от политических убийств, студенческих бунтов, запруженных транспортом городов, отравленной и опустошаемой природы, в душе своей он запечатлел ее как рай земной, в котором он был когда-то счастливым и свободным человеком и, возможно, снова станет им. Он с детским нетерпением предвкушает солнце, лед в напитках, вечеринки, дешевый табак и бесконечно разнообразное мороженое, звание «профессор», комплименты по поводу английского акцента от невидимых телефонисток и всеобщее внимание только потому, что он британец, а также припоминает американские словечки, которые за эти годы порядком выветрились у него из головы.

По возвращении Филиппа из Штатов вся его коллекция американизмов зачахла под непонимающими и неодобрительными взорами студентов и коллег. Спустя десяток лет примесь американского жаргона (как научного, так и просторечного) вошла в оборот и даже стала модной в британских академических кругах, но Филиппу уже было поздно (как всегда!) менять свой стиль традиционного английского дона, стоящего на страже родного языка. И все же американское

наречие сохранило для него свое тайное и робкое очарование. Считать ли это наследием военного детства — влиянием голливудских фильмов и потрепанных номеров американских журналов для семейного чтения, накрепко связавших американизмы с конфетами, которых не давали даже по талонам? Возможно, была в этом и чисто эстетическая, не поддающаяся анализу привлекательность — нежная музыка смещенных ударений, смелые сокращения, причудливое многословие и яркие сравнения, оживающие в его памяти по мере удаления от английских берегов и стремительного приближения американских. И, в точности как старая дева, внезапно получившая баснословное наследство, которая немедленно срывается в Париж и мчится дальше к югу, и, сидя в нетерпении в купе, твердит французские слова, знакомые еще из школьных уроков, ресторанных меню или давнишних экскурсий в ближайший портовый городишко, Филипп, вжатый в кресло «Боинга», неслышно шевеля губами, под шум реактивных двигателей пробует на язык полузабытые интонации и обороты.

Филипп Лоу, хоть он и не старая дева, а отец троих детей и единственный муж единственной

жены, на сей раз путешествует в одиночку. Это отсутствие иждивенцев — конечно, удовольствие из редких, и, хотя ему стыдно в том признаться, он с такой же легкостью отправился бы без них хоть в Монголию. Вот, например, стюардесса ставит перед ним неопределенное во времени (то ли обед, то ли ужин — кто знает, да и не все ли равно на высоте в шесть километров над вращающейся планетой?), но аппетитное на вид съестное: копченый лосось, цыпленок с рисом, персиковое мороженое — все ловко расставлено на пластиковом подносе, а еще есть сыр и печенье, упакованные в целлофан, одноразовые приборы, персональные солонка и перечница кукольных размеров. Он поглощает принесенную еду медленно и с удовольствием, не отказывается от второй чашки кофе и открывает пачку роскошных длинных сигарет из магазина дьюти-фри… И больше ничего не происходит. Никто не просит его разрезать цыпленка или гарантировать качество лосося; соседские подносы не взлетают в воздух и не соскакивают с грохотом с колен; никто не выхватывает у него чашку кофе и не опрокидывает ее дымящееся содержимое ему на гульфик; костюм его не хранит воспоминаний о еде в виде жирных крошек от печенья, пятен

от мороженого и майонезных клякс. Все это, как полагает он, похоже на невесомость в космосе или на не отягощенные притяжением прогулки по лунным тропам — непривычная легкость и свобода, резкое сокращение усилий, столь необходимых для ежедневных земных забот. И все это враз не кончится. Мысль эта наполняет его душу тайным ликованием. Тайным — потому что он не вполне свободен от чувства вины перед оставленной им Хилари, которая в этот момент, возможно, мрачно взирает на шалящую за столом троицу юных Лоу. И утешает его лишь то, что в данных обстоятельствах поездка эта состоялась не по его почину.

Филипп Лоу, собственно, и не подавал заявки на обмен с Эйфорией — частично потому, что от природы был весьма скромен в своих притязаниях, а частично оттого, что уже давно считал себя связанным по рукам и ногам семейными заботами и не способным на подобные авантюры. Декану факультета Гордону Мастерсу на его вопрос об обмене с Эйфорией он ответил:

— Да что вы, Гордон. Куда я поеду, когда у детей в школе решающий момент — в следующем году у Роберта выпускные экзамены для одиннадцатилеток, а у Аманды на носу экзамены за пятый

класс?

— Ну-мнэ-мнэ-мнэ-мнэми не справятся? — ответил Мастерс. Его манера проглатывать первую часть фразы превращала общение с ним в тяжкое испытание, равно как и то, что, глядя на собеседника, он прищуривал один глаз, словно смотрел на него в прицел ружья. Он и в самом деле был заядлым охотником, и его кабинет, по стенам которого были развешены злобно оскалившиеся чучела животных, служил ярким подтверждением его снайперского искусства.

Сжеванные начала фраз, как полагал Филипп, декан принес с собой из армии, где в любом высказывании имеет значение лишь последнее слово. Годы практики научили Филиппа извлекать смысл из этого нечленораздельного потока, и потому он не затруднился с ответом:

— Да нет, как я могу оставить Хилари одну с детьми на шесть месяцев?

— Ну мнэ-мнэ-мнэнятно, — пробормотал Мастерс, переминаясь с ноги на ногу и тем самым выказывая свое разочарование или даже недовольство. — Ну мнэ-мнэ-мнэ-мнэможность, вообще-то.

Напрягая все мозговые извилины разом, Филипп постепенно уразумел, что нынешний

претендент на обмен с Эйфорией в последний момент отказался, получив кафедру в Австралии. В результате комиссия по обмену стала срочно искать другого кандидата, и Мастерс (а он был ее председателем) был готов протолкнуть Филиппа, если бы у него возник к этому делу интерес.

— Ну мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-майте об этом, — сказал напоследок декан.

И Филипп стал об этом думать. Думал он весь день, а вечером, помогая Хилари мыть посуду, упомянул об этом как бы между прочим.

— Соглашайся, — ответила Хилари после минутной паузы. — Тебе нужно передохнуть, переключиться. Ты здесь уже порядком выдохся.

Филипп не стал этого отрицать.

— Но как же дети? Экзамен Роберта? — спросил он, сжимая в руках, как последнюю надежду, мокрую тарелку.

Пауза, сделанная Хилари на этот раз, была дольше.

— Нет, ты все-таки поезжай. А я останусь с детьми.

— Но это несправедливо, — возразил он. — Да нет, куда я поеду?

— Я справлюсь, — ответила Хилари, забирая у него тарелку. — В любом случае, совершенно

очевидно, что вот так сорваться с места впятером мы не можем. И дом оставить не на кого, тем более зимой. Я уж не говорю о расходах…

— Вот тут ты права, — сказал Филипп, наполняя раковину чистой водой и с чувством взбалтывая пену, — один бы я смог, пожалуй, здорово сэкономить. Может, хватило бы и на центральное отопление.

Установка центрального отопления в их большом холодном и промозглом доме давно была несбыточной мечтой семейства Лоу.

— Вот и поезжай, милый, — сказала Хилари с решительной улыбкой. — Нельзя упускать такую возможность. И неизвестно, как долго Гордон будет председателем комиссии.

— Вообще-то он молодец, что обо мне подумал.

— А ты все сетуешь на то, что он тебя недооценивает.

— Да, пожалуй, я был к нему несправедлив.

На самом же деле Гордон Мастерс решил поддержать кандидатуру Филиппа, желая перевести в старшие преподаватели куда более молодого сотрудника факультета — многообещающего лингвиста, которого давно заманивали к себе новые университеты, и передать ему эту ставку в отсутствие Филиппа было бы куда проще. От Фи-

липпа, конечно, все это тщательно скрывалось, хотя, будь он более искушен в вопросах политики, он мог бы обо всем догадаться.

— Так ты действительно не против? — переспросил он Хилари и задавал ей этот вопрос ежедневно вплоть до самого отъезда. И на вокзале в Раммидже снова спросил:

— Ты и в самом деле не против?

— Милый, ну опять ты за свое. Конечно, мы будем без тебя скучать. И ты тоже, я надеюсь? — мягко поддразнила она его.

— Да-да, конечно.

Вот здесь-то и коренилось чувство вины. Если честно, не так уж он будет и скучать. Вовсе не питая к своим детям неприязни, он прекрасно проживет без них шесть месяцев и еще спасибо скажет. Что же до Хилари, то за все эти годы она так срослась со своим потомством, что превратилась в единую с ним онтологическую категорию. В поле зрения Филиппа она существовала лишь как передатчик новостей, предупреждений, требований и обязательств по отношению к Аманде, Роберту и Мэтью. Вот если бы она уехала в Америку, а он остался дома с детьми, он бы сразу о ней заскучал. А так, без детей, какие могут быть резоны в том, чтобы рядом была жена?

Конечно, были дела постельные, но в последние годы их роль в жизни четы Лоу заметно приуменьшилась. Ничего похожего на американский медовый месяц у них больше не было (и разве это вообще возможно?). В Америке, например, в момент наивысшего наслаждения у Хилари вырывался резкий вскрик, еще более возбуждавший Филиппа; а в первую же ночь по возвращении в Раммидж, стеля постель в снятой ими квартире кое-как перестроенного дома, они явственно услышали негромкое покашливание за стеной, и с тех пор, даже после переезда в жилье с лучшей звукоизоляцией, оргазм у Хилари (если таковой вообще случался) сопровождался свистящим вздохом, напоминавшим звук спускающегося пляжного матраца.

За всю их семейную жизнь в Раммидже Хилари никогда не отказывала Филиппу в постели, но никогда и не побуждала его к любви. Его объятья она принимала с той же спокойной, слегка озабоченной доброжелательностью, с какой подавала ему завтрак или гладила его рубашки. С годами Филипп стал постепенно терять интерес к физической стороне брака. При этом он старался убедить себя, что в этом нет ничего ненормального.

Впрочем, внезапно разразившаяся в середине шестидесятых сексуальная революция поколебала его устои. Воскресная газета, которой он не изменял с тех пор как оказался в университете, этот серьезный печатный орган, изобилующий книжными рецензиями и отрывками из мемуаров государственных деятелей, вдруг вызывающе расцвел фотографиями сосков и эротического женского белья; его студентки вдруг стали одеваться как панельные девицы, а юбки так укоротились, что он мог, запамятовав имена, различать девушек по цвету трусиков; в доме стало неудобно читать современные романы, так как в любой момент ребенок мог заглянуть в книгу через плечо. И кино, и телевидение твердили об одном: у остальных людей секс куда более интенсивен и разнообразен, чем у Филиппа.

Да так ли это? Общеизвестно, что в романах куда больше супружеской неверности, чем в жизни, и несомненно, то же касается и оргазма. Вглядываясь в физиономии коллег по факультету, он убеждался: ни единой Приметы Утоленного Желанья. [1] Но были еще и студенты — все знали, что они гуляют налево и направо. Как научный

---

[1] Примечания: 1

Из записных книжек Уильяма Блейка. — Здесь и далее примеч. пер.

руководитель, он сталкивался, впрочем, лишь с отрицательными последствиями: секс изматывал их, отвлекал от учебы, студентки беременели и пропускали экзамены или же страдали от побочного действия противозачаточных пилюль. И все же он завидовал окружающему их миру неприкрытых страстей, пособий по сексу в привокзальных киосках, эротической музыки и обнаженной натуры на сцене и на экране. Его собственная юность была гораздо беднее в том, что касалось удовлетворения любопытства, а вслед за ним и желания: все сводилось к чтению наиболее смелых пассажей из книг серии «Классика для всех», а на выпускном вечере, когда во время последнего вальса пригасили свет, появилась возможность прижаться к партнерше, обернутой полудюжиной метров скользкой тафты, так, чтобы бедром почувствовать застежку на ее поясе для чулок.

И вот что еще вызывало его искреннюю зависть у молодых — их новая манера танцевать, хотя в этом он не смог бы признаться ни единой душе. Под предлогом потакания капризам детей и тщательно скроив на лице мину удивленного презрения, он смотрел вместе с ними хит-парады и тому подобные передачи с щемящим чувством

сожаления и удовольствия. Как завораживали эти мелькающие бедра и виляющие попки, дергающиеся головы и подпрыгивающие грудки, как все это раскрепощало и как все это было восхитительно безумно! И с какой бесконечной тоской вспоминались ему танцы его молодости, эти чопорные, схематичные фокстроты и квикстепы, и какой чудовищно неловкий был он кавалер! А в новых танцах все казалось просто: никто не мог ошибиться фигурой, наступить партнеру на ногу или налететь с ним на другую нескладную пару, как в парковом аттракционе с автомобильчиками. Все было так просто, и он нутром чувствовал, что и он так смог бы, но увы — пробовать уже слишком поздно, как поздно зачесывать волосы на лоб, носить цветастые рубашки или пытаться убедить Хилари попробовать в постели новые позы.

Одним словом, если Филипп и ощущал себя обделенным в чувственных наслаждениях, то это был чисто элегический настрой. Ему и в голову прийти не могло, что еще не поздно присоединиться к дионисийской толпе. Так же далек он был от идеи изменить Хилари с какой-нибудь из соблазнительных девиц, роящихся в коридорах филологического факультета. Такие мысли были

чужды его английскому сознательному «я». Подсознание же его занимали иные помышленья, и где-то глубоко-преглубоко, в самом истоке его нынешнего торжества, таилось предвкушение любовных приключений. Но даже если это так, то до его сознательного «я» слухи об этом еще не добрались. На тот момент самый нескромный план, созревший в его голове, состоял в том, чтобы все ближайшее воскресенье проваляться в постели перед телевизором с сигаретой и газетами.

Какое счастье! Не надо вставать к семейному завтраку, мыть машину, стричь газон и исполнять прочие обряды Священной Британской Субботы. Более того, не надо тащиться на послеобеденную воскресную прогулку. Не надо, с трудом выбираясь из кресла после сытного обеда, помогать Хилари одевать детей, выдумывать новые бесцельные маршруты для поездок на машине или брести в соседний парк, по которому, как грешники в аду, гонимые пыльным ветром, слоняются кучки людей, обходя завихрения из мусора и мертвых листьев, скрипящие качели, пустые футбольные площадки, тухлые пруды и рукотворные озера с прикованными к берегам шлюпками, символизирующими невозможность спасительного бегства. Сартрова «Тошнота» в

окрестностях Раммиджа… Не видеть этого целых шесть месяцев!

Филипп гасит сигарету и тут же закуривает новую. Смотрит на часы. Осталось меньше половины пути. В салоне начинается какая-то суета. Он озабоченно озирается, боясь что-либо пропустить. Пассажиры надевают пластиковые наушники, которые при посадке лежали в прозрачных пакетах на каждом сиденье. У передних рядов стюардесса возится с похожим на трубу аппаратом. Какая прелесть, сейчас им покажут фильм! За это — дополнительная плата. Филипп с готовностью отдает деньги. Сидящая через проход старушка — божий одуванчик показывает ему, как подключить наушники, через которые, как он обнаруживает, его уже развлекают по трем каналам. Барток, музыкальный серпантин и какой-то вздор для детей. Культурно более предрасположенный к Бартоку, он через несколько минут переходит на серпантин — на спокойный, пульсирующий ритм — что это? — ах да, «Эти маленькие глупости»…

Тем временем в другом «Боинге» Моррис Цапп наконец догадался, в чем странность выбранного им рейса. Догадка сия — запоздалый результат похода через весь салон в туалет, и посетила она

его, как медленно раскрученный трюк в кинокомедии, аккурат в финале справления им малой нужды. На обратном пути он укрепился в своем подозрении, тщательно рассмотрев пассажиров во всех рядах. Он тяжело опускается в кресло и, как имеет обыкновение делать в глубокой задумчивости, кладет ногу на ногу и исполняет сложное соло, барабаня ногтями по подошве правого ботинка.

Все до единого пассажиры в салоне, кроме него, — женщины.

И как это прикажете понимать? Вероятность случайного совпадения представляется бесконечно малой. Опять милые шутки Небесного Провидения. Интересно, каковы будут его шансы в случае чрезвычайного происшествия — женщины и дети вперед, а он стоит в очереди за спасательной лодкой под номером сто пятьдесят шесть?

— Извините, пожалуйста.

Это очкастая блондинка на соседнем сиденье. На коленях у нее раскрытый журнал с заложенным на нужной странице пальцем.

— Можно узнать ваше мнение по поводу этикета?

Покосившись на журнал, Цапп ухмыляется:

— Что, и в религиозных журналах завели колонку по этикету?

— Если женщина видит, что у мужчины расстегнута ширинка, должна ли она сказать ему об этом?

— Определенно.

— У вас, мистер, ширинка расстегнута, — говорит девушка и возобновляет чтение, прикрыв журналом лицо, в то время как Цапп торопливо приводит одежду в порядок.

— Послушайте, — продолжает он как ни в чем не бывало (Моррис Цапп не верит в то, что требуется время, чтобы замять неловкость). — Вам не кажется странным этот рейс?

— Странным?

— Да. В том, что касается пассажиров.

Журнал опускается, и толстые линзы обращаются в его сторону.

— Единственная странность здесь — это вы.

— А, вы тоже догадались! — вскрикивает Цапп. — А до меня только что дошло. Стукнуло прямо в темечко. Пока я был в сортире… Именно так… Кстати, спасибо, что сказали мне, — он ткнул пальцем себе в пах.

— Всегда к вашим услугам, — ответила девушка. — А как вас угораздило попасть на этот чартер?

— Одна из моих студенток продала мне свой билет.

— Теперь все понятно, — сказала девушка. — Я так и думала, что аборт вы делать не будете.

Бац! Вот теперь все стало на свои места! Цапп украдкой оглядывается на соседние ряды. Сто пятьдесят пять жен-шин — все в разных позах, кто спит, кто вяжет, кто смотрит в окно, и все они (теперь он знает почему) странно молчаливы, погружены в себя, подавлены. Он перехватывает чей-то взгляд и отворачивается от его смертоносного блеска. Ему становится не по себе, и, повернувшись к блондинке, он хрипло спрашивает ее, указывая большим пальцем через плечо:

— Так что, все эти женщины?..

Она кивает.

— Японский бог! (Весь запас ругательств и непристойностей, подрастраченный Цаппом в ежедневном обиходе, в моменты больших потрясений сводится к подобным ласковым заклинаниям.)

— Извините за вопрос, — говорит блондинка, — но мне просто интересно. Вы оплатили весь комплекс услуг — обратный билет, гонорар хирургу, пятидневный стационар в одноместной палате и экскурсию в Стратфорд-он-Эйвон?

— А при чем здесь Стратфорд-он-Эйвон, лопни моя селезенка?

— Чтобы поднять настроение. Предполагается посещение спектакля.

— «Все хорошо, что хорошо кончается»? — в мгновенье ока парирует он. Однако за шуткой скрывается сильное смущение. Разумеется, он слышал об этих чартерах, летающих из Штатов, где получить разрешение на аборт довольно трудно, в Англию, где новый закон предоставляет в этом смысле более широкие возможности. В обычном разговоре Цапп попросту отмахнулся бы от подобной темы, переведя ее в разряд простых примеров закона спроса и предложения в действии, и язвительно заметил бы, что англичашки здорово нагреют на этом руки. Нет, он вовсе не блюститель нравов и не реакционер. Во всех опросах общественного мнения он выступал в поддержку пересмотра закона Эйфории об абортах (а также законов, запрещающих блуд, мастурбацию, супружескую неверность, гомосексуализм, орально-генитальный секс и половые акты в положении «женщина сверху»: штат Эйфория был основан кучкой узколобых пуритан, чьи закостенелые моральные запреты легли в основу гражданского кодекса, при строгом соблю-

дении которого пришлось бы лишить свободы девяносто процентов нынешнего населения). Но оказаться в самолете с полутора сотнями женщин, ожидающих расплаты за грех, — это совсем другое дело. При мысли о других полутора сотнях обреченных на смерть безбилетных пассажиров у него волной пробегает по спине холод, а недавно пережитая Филиппом Лоу вибрация самолета, проходящего зону атмосферной неустойчивости, бросает его в нервную дрожь.

А дело все в том, что Моррис Цапп по сути своей номинальный атеист, сиречь современный вариант свифтова номинального христианина. Под твердым панцирем еврея-вольнодумца (как раз тот тип, без которого, по мысли Т. С. Элиота, прекрасно обошлось бы идеальное общество) прячется нежная сердцевина старомодного иудео-христианского страха Божьего. Если бы побывавшие в космосе астронавты доложили о том, что на обратной стороне Луны обнаружена высеченная гигантскими буквами надпись «Слухи о Моей смерти сильно преувеличены», то это не столько удивило бы Цаппа, сколько подтвердило его глубоко укорененные предчувствия. И именно сейчас, как никогда, он ощущает, что до боли уязвим перед Господней карой. Да разве

можно поверить в то, что этот Старикан-на-Небе сквозь пальцы будет смотреть на снующие у него под носом погибельные челноки, к тому же загрязняющие воздух и доводящие ангелов, которые записывают грехи, до писчего спазма? Ну уж нет, не сегодня-завтра он грохнет один из самолетов с небес на грешную землю, и почему бы не именно этот?

Цаппа охватывает жалость к собственной персоне. С какой стати он должен страдать за компанию со всеми этими бесчувственными бабами? За всю свою жизнь он лишь однажды сделал женщине ребенка и, как честный человек, на ней женился (правда, через три года она с ним развелась, но это уже другая история, и просьба не предъявлять в одном иске больше одного обвинения!). Провокация! Эту подлянку подстроила ему мерзавка, продавшая ему свой билет меньше чем за полцены — конечно, он не устоял, хотя и удивился, откуда такая щедрость, когда неделю назад он на экзамене поставил ей то, чего она заслуживает. Наверное, у нее случилась задержка, она и помчалась заказывать место на аборт-экспресс, а потом, когда все обошлось, подумала: профессор Цапп собирается в Европу, толкну-ка я ему свой билет, а там, глядишь, в самолет попадет

молния. Прекрасное вознаграждение за попытки сохранить высокий уровень образования!

Очнувшись, Цапп обнаруживает, что девушка на соседнем кресле с интересом разглядывает его:

— А вы преподаете? — спрашивает она.

— Да, в университете штата Эйфория.

— Правда? А что вы преподаете? Я изучаю антропологию в Эйфорийском колледже.

— В Эйфорийском колледже? Это то самое католическое заведение в Эссефе?

— Точно.

— Тогда что ты делаешь в этом самолете? — шипит Цапп, разряжая все свое негодование и весь свой суеверный страх на этой белобрысой финтифлюшке. Уж если католики пошли косяком делать аборты, то на что может надеяться остальное человечество?

— Я принадлежу к католикам андеграунда, — отвечает она серьезно. — Я не цепляюсь за догмы, а подхожу к ним критически.

Взгляд ее, за гигантскими линзами очков, невозмутим и ясен. Моррис Цапп испытывает прилив миссионерского одушевления. Он должен совершить благое дело, научить эту простушку различать добро и зло, отговорить ее от богопро-

тивного намерения. Быть может, одной души, спасенной от греха, будет достаточно, чтобы обеспечить ему успешную посадку? Он торопливо склоняется над ней:

— Послушай, детка, позволь мне дать тебе отеческий совет. Не делай этого. Ты никогда себе этого не простишь. Роди ребенка. Отдай его на усыновление — проблем не будет, детские дома остро нуждаются в пополнении. А может, отец ребенка, увидев его, захочет на тебе жениться — такое часто бывает.

— Он не может жениться.

— Уже женат, да? — Моррис Цапп качает головой, осуждая греховность представителей своего пола.

— Нет, он священник.

Склонив голову, Цапп прячет лицо в ладони.

— Вам плохо?

— Обычный приступ утренней тошноты, — бормочет он сквозь пальцы. Потом поднимает глаза на соседку.

— Этот поп, он оплачивает твою поездку из приходских пожертвований? Или организовал специальный сбор?

— Он ничего об этом не знает.

— Ты не сказала ему, что беременна?

— Я не хочу, чтобы ему пришлось выбирать между мной и данными им обетами.

— Он еще давал какие-то обеты?

— Бедность, воздержание, послушание, — задумчиво отвечает девушка. — Но я думаю, что он по-прежнему беден.

— А кто оплатил твою поездку?

— Я по вечерам работала на Южной улице.

— Это там, где полуголые танцовщицы?

— Нет, в магазине пластинок. Хотя, правду сказать, на первом курсе я подрабатывала танцовщицей без верха. Но когда мне стало ясно, какие они шкуродеры, я ушла оттуда.

— Да, в этих заведениях дерут три шкуры.

— Я не о посетителях, а об эксплуатации женского труда, — ответила девушка с легким презрением. — Как раз тогда я и заинтересовалась движением феминисток.

— Движение феминисток? Это еще что такое? — спрашивает Моррис Цапп, которому явно не понравилось название. — Ничего об этом не слышал. (Да и мало кто слышал об этом в первый день 1969 года.)

— Еще услышите, профессор, дайте срок, — обещает девушка.

Тем временем и для Филиппа Лоу нашелся

собеседник. Посмотрев фильм (шумный вестерн, от которого у него разболелась голова, так что финальную перестрелку он смотрел, переключившись на музыкальный серпантин), он вдруг почувствовал, что радость жизни в нем куда-то испарилась. Он уже утомился от неподвижного сидения, он ерзает в кресле, пытаясь найти для своих конечностей более удобное положение, приглушенный шум моторов уже действует ему на нервы, а вид за окном вызывает головокружение. Он пытается читать бесплатный номер «Таймс», но не может сосредоточиться. Что ему сейчас совсем не помешало бы, так это чашечка крепкого чая — по его часам уже за полдень, — но, набравшись смелости попросить об этом проходящую мимо стюардессу, он получает отрывистый ответ, что через час им подадут завтрак. Но он сегодня уже завтракал и больше не хочет! А дело конечно же в разнице во времени. Сколько там сейчас в Эйфории, на семь или восемь часов раньше, чем в Лондоне, или позже? Надо прибавлять или вычитать? Сейчас еще сегодня или уже завтра? Или вчера? Так, солнце встает на востоке… Он хмурится от напряжения мысли, но результат выходит бессмысленный.

— Ба, разрази меня гром!

Хлопая ресницами, Филипп всматривается в остановившегося в проходе молодого человека. Вид у него сногсшибательный. На нем замшевые брюки клеш, а поверх рубахи в желто-розовую полоску надета непомерных размеров домотканая жилетка с бахромой до колен. Волнистые рыжие волосы спускаются до плеч, а над верхней губой — бандитские усики более темного оттенка. На жилетке в три ряда, как воинские медали, расположилось с дюжину значков психоделических расцветок.

— Вы че, не узнаете, мистер Лоу?

— А-а… — Филипп мучительно старается припомнить. — Да, кажется, мы знакомы, но… — И тут молодой человек резко стреляет левым глазом вбок, словно успев поймать взглядом падающий с крыла самолета двигатель. Филипп наконец узнает его.

— Бун! Господи, теперь узнал. А вы слегка изменились.

Бун довольно хмыкает:

— Улет! А вы, часом, не в Эйфорию летите?

— Да, так оно и есть.

— Классно! Я тоже.

— Вы?

— Вы че, не помните, вы же мне характеристи-

ку писали?

— Я их много написал, Бун.

— Это точь-в-точь игральный автомат, знай дергай себе за ручку. Дергай и дергай. И вдруг — бац! С вами кто-нибудь сидит? Нет? Я мигом. Отолью — и к вам. Не убегайте. — Он возобновляет прерванное шествие в туалет, чуть не налетает на стюардессу, идущую ему навстречу и удерживает ее, обхватив обеими руками за плечи. «Пардон, милочка», — слышит Филипп и видит ее ласковую ответную улыбку. Да, Бун все тот же!

Случайная встреча с Чарлзом Буном в нормальной обстановке отнюдь не согрела бы Лоу душу. Этот малый года два назад закончил мучительный и явно затянувшийся курс обучения в университете Раммиджа. Он относился к той категории студентов, которых Филипп за глаза называл факультетскими стилягами. Это были неглупые молодые люди плебейского происхождения, которые, в отличие от нормальных студентов (таковым был когда-то и Филипп), не выказывали никакого почтения к общественным и культурным ценностям принявшего их в свое лоно заведения и вплоть до последнего дня сохраняли неотесанность в одежде, поведении и речи. Они опаздывали на занятия, ходили немытые,

небритые и в той же одежде, в которой, очевидно, и спали. Сидели они развалясь, окурки тушили о мебель. Старательность и тяга однокурсников к знаниям вызывали у них презрительную усмешку, а на вопросы преподавателей они отвечали невразумительно и односложно. Зато в курсовых громили все и вся с изощренной агрессивностью и высокомерием. Возможно, борясь с собственными предрассудками, университет ежегодно зачислял в студенты трех-четырех подобных типов, неизменно становящихся возмутителями общественного спокойствия. В приснопамятные студенческие годы Чарлз Бун втянул редактируемую им университетскую газету «Раскаты грома» в дорогостоящую судебную тяжбу по поводу клеветы в адрес жены мэра; комендант общежития из-за него был вынужден досрочно уйти на пенсию по состоянию здоровья и до сих пор не оправился от нервного расстройства; затем Бун явился на телевизионную викторину для интеллектуалов пьяным вдрызг; пытался (безуспешно) организовать кампанию за выдачу бесплатных презервативов на балу у первокурсников, а также защищал себя (на этот раз успешно) в городском суде в связи с обвинением в краже книг из университетской лавки.

Как куратору Буна на последнем курсе, Филиппу пришлось принять скромное, но изнуряющее участие в перипетиях его судьбы. На заседании экзаменационной комиссии, продлившемся десять часов, девять из которых были потрачены на обсуждение письменных работ Буна, ему была выставлена оценка «условно хорошо» — компромисс, со скрипом принятый теми, кто хотел провалить его, и теми, кто намеревался поставить ему высший балл. На выпускном вечере Филипп пожал Буну руку с радостной надеждой, что этим дело и кончится, но его чаяния оказались преждевременными. Не поступив в аспирантуру, Бун продолжал еще несколько месяцев слоняться по коридорам факультета, давая студентам понять, что он принят на работу научным сотрудником, и явно рассчитывая на то, что руководство устыдится и в конце концов пойдет на это. Когда сей номер не прошел, Бун наконец исчез из Раммиджа, но Филиппу не было суждено забыть о его существовании. Редкая неделя проходила без конфиденциального запроса о характере, способностях и пригодности мистера Чарлза Буна к тому или иному занятию на планете Земля. На первых порах преобладали преподавательские вакансии и места в аспирантуре как дома, так и за

границей. Со временем заявления Буна о приеме на работу приняли случайный и сумасбродный характер, словно кто-то взялся играть в кости, мало заботясь о выпадающих числах. Порой Бун метил до абсурда высоко, порой — до гротеска низко. То он намеревался стать культурным атташе на дипломатической службе или главным координатором программ на телевидении республики Гана, то мастером цеха металлообработки или уборщиком в туалете. Если же Буна и принимали на то или иное место, долго он там не задерживался, поскольку поток запросов не иссякал. Поначалу Филипп прилежно писал ответы; потом до него дошло, что таким образом он обрекает себя на пожизненную переписку, и он стал выносить за скобки наименее лестные определения характера и способностей своего бывшего студента. В конце концов составился беззастенчивый панегирик на все случаи жизни, который Филипп постоянно держал под рукой среди кафедральных документов, — возможно, с его помощью Бун и получил место в университете штата Эйфория. И вот теперь грех *лжесвидетельства* настиг Филиппа, как это всегда случается с подобными грехами. Надо же было так влипнуть — встретиться по пути в штат Эйфория! Лишь бы

никто не обнаружил, что он и есть поручитель Буна. И уж в любом случае нельзя допустить, чтобы Бун записался к нему на лекции.

Однако, невзирая на все эти опасения, Филипп не так уж и огорчен, что оказался в одном самолете с Чарлзом Буном. И даже ожидает возвращения последнего с некоторым нетерпением. Это, наверное, оттого, — объясняет он себе, — что полет его утомил и он рад хоть кого-то встретить, лишь бы скоротать это бесконечное путешествие; но, если честно, это оттого, что ему хочется произвести впечатление. Ведь блеск его авантюры требует отражателя, кого-нибудь, кто смог бы оценить его превращение из неприметного преподавателя университета Раммиджа в приглашенного профессора Филиппа Лоу, члена академической элиты, готового на крыльях самолета нести английскую культуру в отдаленные места земного шара — только покажи ему авиабилет. И с его прошлым американским опытом преимущество перед Буном будет явно на его стороне. Уж Бун-то наверняка начнет его расспрашивать и просить советов — например, как переходить улицу (посмотри налево, а потом направо). Он, конечно, слегка припугнет Буна суровостью американских требований к аспирантам. Да, ему есть о чем

поведать Чарлзу Буну!

— Ну а теперь, — говорит Бун, непринужденно опускаясь в кресло рядом с Филиппом, — я сориентирую вас насчет ситуации в Эйфории.

Филипп бросает на него изумленный взгляд.

— Вы хотите сказать, вы там уже побывали?

Бун удивляется в ответ.

— Так я уж второй год там учусь. Это я домой на Рождество летал.

— Вот оно как, — говорит Филипп.

— А вы, наверное, уже не раз бывали в Англии, профессор Цапп, — говорит блондинка, которую зовут Мэри Мейкпис.

— Никогда не бывал.

— Да вы что? В каком вы должны быть нетерпении! Столько лет преподавать английскую литературу и наконец увидеть место, откуда все это пошло!

— Как раз этого я и опасаюсь, — отвечает Цапп.

— Если у меня будет время, я съезжу навестить могилу прабабушки. Она где-то в церковном дворе в деревушке в графстве Дарем. В этом есть какая-то идиллия…

— Хочешь похоронить там своего неродившегося ребенка?

Мэри отворачивается к окну. У Цаппа в голове

крутится слово «извини», но он не дает ему слететь с губ.

— А ты ведь не хочешь реально смотреть на вещи, правда? Ты делаешь вид, что это вроде визита к дантисту. Зуб удалить.

— Мне еще ни разу не удаляли зуба, — говорит Мэри, и Цапп ей верит. Она продолжает смотреть в окно, хотя там нет ничего, кроме облаков, раскручивающихся за горизонт, словно огромный рулон стекловаты.

— Ну извини, — говорит он, удивляясь самому себе.

Мэри отворачивается от окна.

— Какая муха вас укусила, профессор Цапп? Вам не хочется в Англию?

— Ты догадалась.

— Но почему? А в какое место вы летите?

— В какую-то дыру под названием Раммидж. И можешь не делать вид, что ты о нем слышала.

— А зачем вы туда летите?

— Долго рассказывать.

История эта была действительно довольно долгая, и вопрос, заданный Мэри, вызвал много толков на факультете, когда было объявлено, что в нынешнем академическом обмене между Раммиджем и Эйфорией участвует Моррис Цапп.

С какой бы стати Моррис Цапп, всегда гордившийся тем, что он стал знатоком английской литературы не благодаря, а вопреки тому, что нога его никогда не ступала на английскую землю, с чего бы вдруг он решил податься в Европу? И вот что еще более непонятно: как мог этот человек, которому раз плюнуть получить стипендию Гуггенхайма и с приятностью провести год в библиотеках Оксфорда, Лондона или на Лазурном берегу, приговорил себя на полгода к каторжным работам в Раммидже? И вообще, что такое Раммидж? Где это? Те, кто знал, недоуменно пожимали плечами. Те, кто не знал, шли искать его в энциклопедиях и атласах и потом озадаченно делились полученными знаниями с коллегами. Если Цапп собирался таким образом продвинуть свою карьеру, то никто не мог взять в толк, где тут связь. Наиболее приемлемым было объяснение, что Моррису осточертели студенческие выступления, забастовки, протесты, бескомпромиссные требования, и он готов был податься куда угодно, хоть в Раммидж, лишь бы обрести мир и спокойствие. Однако никто не осмелился проверить эту гипотезу, спросив самого Цаппа, поскольку его стойкость перед студенческими угрозами была такой же притчей во языцех, как и его сарказм.

Потом вдруг прошел слух, что Моррис Цапп едет в Европу один, и все стало ясно: у Цаппов разлад в семье. И слухи утихли — в конце концов, что тут необычного. Просто еще один развод.

На деле же все было гораздо сложнее. Дезире, вторая жена Морриса, хотела развестись, а Моррис — нет. И больше всего он не хотел расставаться не с Дезире, а с детьми, Элизабет и Дарси, единственной усладой во всех отношениях не склонного к сантиментам человека. Разумеется, детей оставят с матерью — ни один судья, даже самый справедливый, не станет делить близнецов, и его общение с ними ограничится прогулками в парке или походом в кино раз в месяц. Через все это он уже прошел с дочерью от первого брака, и в результате сейчас у нее к нему не больше уважения, чем к страховому агенту (в таком облике она, очевидно, сохранила его в своей детской памяти — периодически возникающего на пороге с застенчивой и вкрадчивой улыбкой и с карманами, набитыми дивидендами в конфетных обертках). На сей раз все это обойдется ему в триста долларов за визит, поскольку Дезире намеревалась перебраться в Нью-Йорк, а у Морриса, хотя он там родился и вырос, не было ни малейшего желания туда возвращаться. И вообще, он не стал бы

переживать, если бы никогда больше не увидел этого города: его последний визит туда показал, что до момента, когда кучи мусора на улицах дорастут до крыш, а люди начнут задыхаться от выхлопных газов, остались считанные дни.

Да, уж очень ему не хотелось еще раз пройти через все передряги бракоразводного процесса. Он умолял Дезире попробовать начать все заново — только ради детей. Это ее не тронуло. Что касается детей, то отец он был никакой, а она в браке с ним так и не смогла реализовать себя.

— Ну что я такого сделал? — риторически вопрошал он, воздев руки.

— Ты сосешь из меня соки.

— Я думал, тебе это нравится!

— Так я и знала, у тебя только одно на уме! Я говорю — психологически! Мой брак с тобой — это медленное заглатывание питоном. Сейчас я просто непереваренная масса в твоем эго. Я хочу выбраться, хочу быть свободной. Хочу снова стать человеком.

— Послушай, давай-ка прекратим эту групповую психотерапию. Ты что, имеешь в виду студентку, с которой *я*… прошлым летом?

— Нет, но этого достаточно, чтобы получить развод. Оставить меня на приеме у декана, а са-

мому пойти домой, чтобы трахнуть няню, — это произведет впечатление в суде.

— Но я же тебе говорил — она теперь на восточном побережье. Я даже не знаю ее адреса.

— Мне это все равно. Как ты не можешь понять, что мне плевать, куда ты суешь свой толстый обрезанный член! Да ты можешь иметь каждую ночь хоть всю женскую футбольную команду! Между нами все кончено!

— Послушай, давай поговорим спокойно, — сказал он, явно выказывая озабоченность разговором и даже выключив телевизор, по которому передавали футбол и который он все это время смотрел вполглаза.

После долгих и утомительных пререканий Дезире согласилась на компромисс: она не будет подавать на развод еще полгода при условии, что он съедет в другое место.

— Но куда я съеду? — жалобно спросил он.

— Найди себе комнату, Можешь пристроиться к одной из своих студенток — я думаю, у тебя большой выбор.

Моррис нахмурился, представив себе, какое впечатление он будет производить в университете: муж, которому отказали от дома, стирающий себе рубашки в университетской прачечной и

одиноко сидящий за столом в профессорской столовой.

— Я уеду, — сказал он. — Возьму полугодовой отпуск после окончания семестра. Потерпи до Рождества.

— И куда же ты уедешь?

— Куда-нибудь. — Тут на него нашло вдохновение, и он сказал: — Может быть, в Европу.

— В Европу? Ты?

Он искоса наблюдал за ее реакцией, Дезире уже давно уговаривала его вместе уехать в Европу, но он все не соглашался, поскольку принадлежал к редкой разновидности американских гуманитариев, привязанных к родным пенатам.

Ему нравилась Америка, особенно Эйфория. Потребности у него были простые: умеренный климат, хорошая библиотека, всегда готовые к известного рода услугам студентки и зарплата, которой хватало бы на сигары, выпивку, а также на содержание приличного дома и пары автомобилей. И если первые три условия являли собой, так сказать, местные природные ресурсы, то четвертое, а именно зарплату, он обеспечил себе, приложив к тому немало долголетних усилий. И потому было непонятно, чего еще он мог добиться, кочуя по Европе с детьми и Дезире.

«Путешествия сужают кругозор», — любил повторять он. Но теперь, когда дело приняло такой серьезный оборот, он был готов поступиться принципами во имя семейной гармонии.

— Может, нам всем вместе в Европу прокатиться? — спросил он.

— Катись ты сам к чертовой матери, — ответила Дезире и вышла из комнаты.

Моррис налил себе чего покрепче, поставил на проигрыватель меланхоличный соул Ареты Франклин и уселся пораскинуть мозгами. Делать было нечего. Теперь, чтобы сохранить лицо, придется ехать в Европу. Однако организовать такую поездку за столь короткий срок будет непросто. За свой счет он едва ли потянет — хоть зарплата у него была немалой, изрядные суммы шли на дом и на то, чтобы Дезире жила в свое удовольствие, не говоря уже об алиментах первой жене, Марте. Оплачиваемый академический отпуск ему тоже едва ли дадут — он брал его в прошлом году. Подавать на фанты Гуггенхайма или Фулбрайта было уже поздно, а что касается европейских университетов, то, насколько он знал, попасть туда приглашенным профессором куда сложнее, чем в Штатах.

На следующее утро он позвонил проректору.

— Билл? Ты знаешь, мне нужно уехать в Европу на полгода, и желательно сразу после Рождества. Давай-ка что-нибудь сообразим. У тебя там есть что-нибудь?

— А где именно в Европе, Моррис?

— Где угодно.

— В Англии?

— Пусть будет в Англии.

— Эх, Моррис, что б тебе раньше не позвонить! Была чудная вакансия в Париже, в ЮНЕСКО, но я отдал ее Эду Уорнингу с кафедры социологии буквально неделю назад.

— Не трави душу, Билл! А что осталось?

Послышалось шуршание бумаг.

— Ну вот, есть академический обмен с Раммиджем, но едва ли это тебя заинтересует.

— А что там такое?

Билл объяснил ему и сказал напоследок:

— По-моему, это не твой масштаб, Моррис.

— Я поеду.

Сначала Билл пытался отговорить его, но затем ему пришлось признаться, что место в Раммидже уже отдано молодому преподавателю с кафедры металлургии.

— Скажи ему, что он не поедет. Скажи, вышло недоразумение.

— Это невозможно, Моррис, сам подумай.

— Срочно переведи его в старшие преподаватели. Он спорить не станет.

— Ну ладно… — В голосе Билла прозвучало сомнение, затем послышался вздох. — Попробую что-нибудь придумать.

— Спасибо, Билл. Я твой должник.

Слегка понизив голос, Билл доверительно спросил:

— С чего это вдруг тебя в Европу потянуло, Моррис? Студенты достали?

— Все, что угодно, только не это. Нет, мне просто нужна смена обстановки. Новый взгляд на вещи. Соприкосновение с другой культурой.

Билл Мозер расхохотался.

Моррис Цапп не удивился, что Биллу верится с трудом. И все же в его ответе прозвучала доля правды, которую он мог высказывать только под видом неприкрытой лжи.

Все эти годы Моррис Цапп, наделенный отменным здоровьем, принимал уверенность в своих силах как нечто само собой разумеющееся и считал, что личностный кризис, то и дело случавшийся с кем-либо из коллег, есть не что иное, как симптом душевной ипохондрии. Но с недавних пор он стал замечать за собой потребность

в размышлениях о смысле жизни — не больше и не меньше. В чем-то это было следствием его собственных достижений. Он имел полное профессорское звание в одном из самых престижных американских университетов, к тому же расположенном в райском уголке, и уже три года просидел заведующим кафедрой в соответствии с принятой в штате Эйфория системой ротации персонала. Он был весьма уважаемым исследователем и имел длинный и внушительный список публикаций. Значительной прибавки в зарплате он мог бы добиться, лишь уехав в какое-нибудь Богом проклятое место в Техасе или на Среднем Западе — но никто в здравом уме не поехал бы туда и за тысячу долларов в день. Или же он мог пойти по административной части, приискав себе ректорское место в каком-нибудь колледже, — хотя при нынешнем состоянии студенческих кампусов это было бы прямой дорогой в могилу. Одним словом, в возрасте сорока лет Моррис Цапп не мог придумать ничего такого, чего бы он хотел достичь, и этот факт стал угнетать его.

Конечно, всегда оставалась наука, но она уже исчерпала себя как средство достижения цели, вследствие чего азарту у Морриса поубавилось. Теперь он мог не улучшить, а скорее испортить

себе репутацию, добавив пару строчек к своей библиографии, и, осознав это, стал осмотрительней. Несколько лет назад он с большим энтузиазмом взялся за грандиозный литературоведческий проект — комментарии к Джейн Остен, охватывающие весь корпус ее текстов и объясняющие все, что только можно объяснить. Моррис поставил себе целью исчерпать все вопросы до конца, исследовать романы со всех мыслимых точек зрения: исторической, биографической, риторической, мифологической, фрейдистской, юнгианской, экзистенциалистской, марксистской, структуралистской, христианско-аллегорической, этической, лингвистической, феноменологической, архетипической — список можно продолжить. После такого комментария дальнейшие разговоры об этих романах сразу прекратятся. В задачи предприятия входило, как терпеливо объяснял интересующимся Цапп, не доставить удовольствие читателям Джейн Остен и не позаботиться о том, чтобы они лучше ее поняли, и уж менее всего и далее прославлять саму писательницу, но решительно и бесповоротно остановить поток ахинеи, которую несут так называемые ученые знатоки. Комментарии предназначались не для широкого читателя, но для

специалиста, который, заглянув в работу Цаппа, сразу понял бы, что задуманная им книга, статья или диссертация уже упреждена и теперь, скорее всего, несостоятельна. После Цаппа дальнейшее — молчанье. Мысль эта приносила ему глубокое удовлетворение. В свои фаустианские моменты он помышлял продолжить это дело и, покончив с Джейн Остен, проделать то же самое с крупнейшими английскими писателями и даже поэтами и драматургами, вовлекая в работу компьютеры и команды университетских выпускников и неумолимо сокращая зону английской литературы, свободную от комментариев, что должно будет привести в смятение всю отрасль и оставить без работы немалое число его коллег. В журналах воцарится тишина, а кафедры литературы будут напоминать покинутые призрачные города…

Не стоит сомневаться в том, что Моррис Цапп не слишком высоко ценил своих собратьев, обихаживающих литературный палисад. Они казались ему какими-то расплывчатыми, немощными и безответственными существами, погрязшими в релятивизме, как бегемоты в луже, откуда едва торчат их ноздри, символизирующие здравый смысл. Они вполне миролюбиво уживались с подходами, отменявшими их собственный, а порой

дело даже доходило до того, что они меняли точку зрения. Их жалкие потуги на фундаментальность лопались, как мыльные пузыри, и сводились в основном к вопросам, а не к ответам. Обычно они начинали свои статьи словами: «Мне хотелось бы сформулировать ряд вопросов по поводу того-то и того-то» и тешили себя тем, что исполнили таким образом свой интеллектуальный долг. Эти уловки приводили Морриса Цаппа в ярость. Любой осел на двух копытах, негодовал он, способен придумать вопрос, но если ты хочешь показать себя зрелым мужем, изволь найти ответ. А уж если ты сам неспособен ответить на собственные вопросы, то это значит, что ты над ними толком не работал или это вообще не вопросы. Тогда сиди и помалкивай. В современном литературоведении невозможно никуда продвинуться без того, чтобы не налететь на вопросы без ответов, повсюду понатыканные этими беспечными недоумками. С тем же успехом вы можете пытаться залатать прохудившуюся крышу, пробираясь на чердак сквозь груды старой развалившейся мебели. Нет, его комментарий должен будет покончить с этим раз и навсегда — по крайней мере, в том, что касается Джейн Остен.

Однако работа продвигалась медленно. Едва

дойдя до середины «Чувства и чувствительности», он осознал, что объем комментария потянет на несколько томов. Да и в печати у него за эти годы ничего не появилось, если не считать одной случайной статьи. Бывало и такое, что он брался за проблему и после нескольких часов раздумий вспоминал, что он успешно с ней расправился уж сколько лет тому назад. Примерно в это же самое время — он затруднялся сказать, где следствие, а где причина, — Цапп почувствовал, что он не в ладах с собственным телом. После обильных ресторанных обедов его стало мучить несварение, на ночь глядя появилась потребность принять снотворное, начало расти брюшко, а в постели ему все труднее удавалось достичь более одного оргазма за сеанс — по крайней мере, на это он жаловался своим дружкам за кружкой пива. А уж если честно, то порой он не был уверен даже в том, что хоть раз сможет кончить — поэтому Дезире напрасно негодовала по поводу той истории с нянькой прошлым летом. Да, чресла у Цаппа были уже не те, хотя эту глубокую тайну он пытался скрыть даже от себя, не говоря уже об остальных. Он не признался бы открыто и в том, что ему все труднее удерживать внимание студентов, особенно сейчас, когда ветры,

дующие на кампусе, явно стремятся разметать традиционные академические ценности. Его манера преподавания состояла в том, чтоб отбить у студентов охоту к неразборчивому почитанию литературы и переключить их на хладнокровный, интеллектуально жесткий анализ. Однако этот метод не срабатывал со студентами, открыто выражавшими свое неприятие предмета и самого преподавателя. Его колкие остроты расшибались о толстый слой новомодной нечленораздельности, которой покорились даже самые талантливые выпускники, в душе безжалостные профессионалы. «Ну это типа Джеймса, ну то есть парень хочет стать модернистом, и вроде у него и символизм есть, и Бог умер, и все такое прочее, но он типа все еще связан с каким-то смыслом, типа он думает, что все это еще что-то значит, — улавливаете?» — раздавалось на семинарах их невнятное бормотание. Джейн Остен едва ли имела шансы покорить сердца нового поколения. Иногда Моррис просыпался по ночам в холодном поту от мучивших его кошмаров: студенты, марширующие по кампусу с плакатами: «Найтли [2]

[2] Примечания: 2
Персонаж романа Дж. Остен «Эмма».

— козел» и «Фанни Прайс [3] — гадина». Наверное, он действительно здесь как-то застоялся, и смена обстановки будет весьма кстати.

В таком аспекте Моррис Цапп подвел разумное основание под свое решение, ультимативно навязанное ему Дезире. Однако в самолете, рядом с беременной Мэри Мейкпис, все эти доводы казались малоубедительными. Если ему и нужно переключиться, то Англия едва ли самое подходящее для этого место. Ни симпатий, ни уважения он к англичанам не питал. Те, с кем он когда-то встречался, — эмигранты или приглашенные профессора — поначалу вели себя как голубые, а потом оказывалось, что с ними все в порядке, и все это доставляло неприятное беспокойство. На вечеринках они набрасывались на бутерброды и хлестали джин, как будто приехали из голодного края, и все что-то там пискляво чирикали о различиях между английскими и американскими университетами, явно давая понять, что последние воспринимаются ими как огромное, но занятное надувательство, так что грех было бы не урвать себе кусок побольше. Публикации у них были малосодержательными и дилетантскими,

[3] Примечания: 3
Персонаж романа Дж. Остен «Мэнсфилд-парк».

со слабым анализом и небрежной аргументацией, и пестрели таким количеством ошибок, некорректных цитат, неверных ссылок и неточных дат, что можно было только удивляться тому, что их авторы правильно написали свои собственные фамилии на титульном листе. И при этом у них хватало наглости в своих паршивых журнальчиках третировать американских ученых, включая и его самого, и относиться к ним с язвительным снисхождением.

В общем, было ясно как день, что в Англии ему не понравится: там будет скучно и одиноко, тем более оттого, что он дал себе маленький временный зарок сохранить супружескую верность Дезире (чтоб только досадить ей), а в смысле занятий наукой худшее место трудно было бы придумать. Увязнув по уши в бездонном болоте английских условностей, он едва ли сможет удержать в голове все свои мифические архетипы, многократные образные модели и психологические мотивы. Того и гляди, и Джейн Остен предстанет перед ним реалистом, как уже предстала перед многими читателями, — со всеми вытекающими отсюда последствиями для того, что уже написано о ней. По мнению Морриса Цаппа, корень всех литературоведческих заблуж-

дений лежал в наивном смешении литературы с жизнью. Жизнь видна насквозь — литература же непрозрачна. Жизнь — открытая, а литература — закрытая система. Жизнь состоит из вещей и событий, а литература — из слов. Жизнь значит то, что происходит в данный момент: если вы боитесь, что ваш самолет разобьется, то это страх смерти, если вы пытаетесь затащить в постель девицу, то это секс. Литература же никогда не означает того, о чем идет речь, хотя в случае романа при большой изобретательности и проницательности код реалистической иллюзии поддается расшифровке — и именно поэтому для него как для профессионала этот жанр наиболее привлекателен (даже самый тупоголовый критик понимает, что в «Гамлете» речь не о том, как парень укокошил своего дядю, а «Сказание о старом мореходе» Колриджа — это не о жестоком обращении с животными; но удивительно, как много людей считает, что романы Джейн Остен — о том, как удачно выйти замуж). Неумение различать категории жизни и литературы повлекло за собой всевозможную ересь и всякий вздор: оценки «нравится — не нравится» по отношению к книгам, предпочтение одних авторов другим и тому подобные капризы, которые — постоянно

напоминал он студентам — не представляют ни для кого ни малейшего интереса (иногда он эпатировал их заявлением, что, переходя на личный, субъективный уровень, он считает, что Джейн Остен — жуткая зануда). Он чувствовал, что наивные теории реализма следует во что бы то ни стало разнести в пух и прах, поскольку в них таится угроза делу его жизни: действительно, наложив открытую систему (жизнь) на закрытую (литература), вы получаете бесконечное число возможных несоответствий, и окончательный комментарий становится невозможным. Все, что было известно Моррису об Англии, подсказывало ему, что там подобная ересь цветет пышным цветом, без сомнения, удобряемая разбросанными по всей стране конкретными приметами жизни и деятельности великих писателей, как-то: церковными книгами, домами с мемориальными табличками, видавшими виды кроватями, реконструкциями кабинетов, могильными плитами и прочим хламом. Одно он знал точно — в этот свой приезд в Англию он и не подумает посетить могилу Джейн Остен. Возможно, последнюю фразу он произнес вслух, поскольку Мэри Мейкпис спросила его, не так ли звали его прабабушку. Он ответил, что это маловероятно.

Тем временем Филипп Лоу с еще большим отчаянием ждет завершения полета. Чарлз Бун завел свою шарманку, и ни остановить его, ни вставить слово невозможно. Масса подробностей о политической ситуации в штате Эйфория в целом и на университетском кампусе в частности. Разногласия, насущные проблемы, столкновения. Губернатор Дак, ректор Байнд, мэр Холмс, шериф О'Кини, третий мир, хиппи, банда «Черные пантеры», факультетские либералы, наркотики, расовые проблемы, сексуальная вседозволенность, экология, свобода речи, полицейское насилие, гетто, равные жилищные права, школьный транспорт, Вьетнам; забастовки, поджоги, демонстрации, сидячие забастовки, диспуты-семинары, групповой секс в знак протеста, хэппенинг. Филипп уже давно оставил попытки уследить за доводами Буна, но общий смысл его разглагольствований, похоже, сводился к кратким призывам на прицепленных к его жилетке значках:

УЗАКОНИТЬ МАРИХУАНУ!
НОРМАНА О. БРАУНА — В ПРЕЗИДЕНТЫ!
СПАСИТЕ БУХТУ! ВОДА, А НЕ ВОЙНА!
СОЖГИ ПОВЕСТКУ В ВОЕНКОМАТ!
ЖИЗНЬ ДАЛА СБОЙ — ВЕДУТСЯ РАБОТЫ ПО ИСПРАВЛЕНИЮ

СЧАСТЬЕ ЕСТЬ СЧАСТЬЕ
БОГА ВОН ИЗ АМЕРИКИ!
НЕТ УВОЛЬНЕНИЮ КРУПА!
В РАЗГУЛЕ — СПАСЕНЬЕ!
БОЙКОТ ТРЮФЕЛЯМ!
ДАК — МУ...!

Как это ни странно, некоторые лозунги Филиппу даже нравятся. Несомненно, значки — это новый носитель информации, а тексты на них — нечто среднее между классической эпиграммой и лирикой имажистов. Пожалуй, скоро появятся и первые диссертации, исследующие этот жанр. А может быть, Чарлз Бун как раз этим и занимается.

— Каков предмет ваших исследований, Бун? — спрашивает Филипп, решительно прерывая подробное изложение судебного процесса по делу какой-то группы под названием «Эйфория-99».

— Что? — вздрогнув от неожиданности, спрашивает Бун.

— О чем ваша диссертация? Или это все еще диплом?

— А, это. Да, я еще диплом пишу. На магистра. Так, скажем, балуюсь.

— О чем же работа?

— Ну, я еще точно не решил. Сказать по правде,

Фил, у меня все как-то руки до этого не доходят — постоянно занят.

В какой-то момент Бун начал называть Филиппа по имени, да еще пользуясь уменьшительным, чего он терпеть не может. Филиппу претит фамильярность, но он не видит способа пресечь ее, хотя и отклонил предложение Буна называть его Чарлзом.

— А чем это вы так заняты? — спрашивает он, не скрывая иронии.

— Дело в том, что я веду радиошоу…

— «Шоу Чарлза Буна»? — спрашивает Филипп со смехом.

— Да, а вы уже о нем знаете?

Бун, похоже, не шутит. Бун есть Бун, беззастенчивый враль и сочинитель баек.

— Нет, — отвечает Филипп. — Расскажите.

— Ну, это ночная программа с прямым эфиром и звонками в студию. Народ звонит, рассказывает о том, что наболело, вопросы задает. Иногда я кого-нибудь приглашаю. Кстати, вам надо будет как-нибудь прийти ко мне на передачу!

— И мне за это заплатят?

— Заплатить не заплатят, но вы получите в подарок кассету с записью передачи и цветную фотографию, где вы со мной в студии.

— Ну что ж… — Филипп несколько смущен обилием подробностей. Как можно во все это поверить? Может быть, это внутренняя университетская радиостанция? — И часто вы выходите в эфир? — спрашивает он.

— Каждую ночь, с двенадцати до двух. Уж скоро год будет.

— Каждую ночь! Неудивительно, что вам не до учебы!

— Если честно, Фил, у меня об учебе голова особо не болит. Мне хватает того, что я зачислен в универ — я могу жить в Штатах и при этом в армию не закатают. А всякие там ученые степени — это дело десятое. Я уже понял, что мое будущее — это СМИ.

— «Шоу Чарлза Буна»?

— Ну, это только начало. Я сейчас веду разговоры с телекомпанией по поводу экспериментальных программ по искусству — кстати, я лечу за их счет, они посылали меня взглянуть на некоторые европейские передачи. И еще есть «Эйфория Таймс»…

— А это что такое?

— Нелегальная газета. У меня там колонка раз в неделю, а теперь они хотят, чтобы я стал редактором.

— Редактором?

— Да, но вместо этого я подумываю о том, чтобы взяться за свое собственное издание.

Филипп недоверчиво смотрит на Буна, который опять стреляет левым глазом в окно. Да нет, этого не может быть, все это выдумки с начала до конца! Нет никакой радиопередачи, никакого телешоу, никаких оплаченных рейсов и колонок в газете. Все это попытки выдать желаемое за действительное, как это было со ставкой научного сотрудника в Раммидже или дипломатической карьерой. Хотя Бун заметно изменился, и не только внешне: он стал *уверенней* в поведении, раскованнее, из речи исчезли просторечные интонации, и манерой говорить он стал напоминать Дэвида Фроста. [4] Филипп, как ему казалось, всегда презирал Дэвида Фроста, но теперь, пожалуй, он должен скрепя сердце признать, что была в этом чувстве и доля уважения — настолько отталкивающей была мысль о том, что Чарлз Бун с успехом повторяет его карьеру. Но каков Бун! Потрясающе ловкий очковтиратель, даже старому знакомому может лапши на уши навешать, и только этот блудливый глаз выдает его. Что ж,

---

[4] Примечания: 4

Известный американский телепродюсер и бизнесмен.

будет о чем рассказать в первом письме домой. *Угадай, кого я встретил в самолете? Неисправимого Чарлза Буна — ты помнишь, конечно, эту головную боль английской кафедры; он закончил университет пару лет тому назад. Отрастил волосы до плеч, «прикинут» по последней моде и, как всегда, сочиняет небылицы. Сразу* взялся *меня поучать! Но он такой простодушный, что обижаться на него трудно.*

Вереницу этих мыслей, а также бесконечный монолог Буна прервало объявление о том, что примерно через двадцать минут самолет приземлится и командир экипажа надеется, что полет был приятным. Зажглись таблички с просьбой пристегнуть ремни.

— Ну что ж, Фил, пожалуй, я вернусь на свое место, — сказал Бун.

— Ладно, рад был снова вас встретить.

— Если я вам понадоблюсь, сразу звоните. Мой номер есть в телефонном справочнике.

— Да-да, но я не первый раз в Америке, как вам известно. Но спасибо за заботу.

Бун протестующе взмахивает рукой.

— Звоните-звоните, в любое время дня и ночи. У меня автоответчик.

И, к величайшему удивлению Филиппа, Чарлз

Бун встает с кресла и уверенной походкой проходит мимо вставшей по струнке стюардессы в скрытый за занавесками салон первого класса.

— А мы, должно быть, уже летим над Англией, — говорит Мэри Мейкпис, глядя в иллюминатор.

— Дождь идет? — спрашивает Цапп.

— Нет, небо ясное. Видны маленькие поля, похожие на лоскутное одеяло.

— Если нет дождя, то это не Англия. Мы, наверное, сбились с курса.

— А вот появилась большая темная клякса. Может быть, крупный город.

— Вероятно, Раммидж. Скорее всего, большая темная клякса — это он и есть.

И вот в обоих «Боингах» одновременно устанавливается та особая тишина, которая предшествует посадке самолета. Двигатели приглушены, и как бы прислушиваясь к ним, умолкли пассажиры. Самолеты начинают сбрасывать высоту — с кажущейся неуклюжестью, чередой шатких, подрагивающих соскоков, будто низвергаясь с гигантской лестницы. Пассажиры делают глотательные движения, чтобы не закладывало уши, закрывают глаза и проверяют, на месте ли паспорта и гигиенические пакеты.

Время тянется очень медленно. Каждый из

пассажиров на какое-то время оказывается в одиночестве, наедине со своими мыслями. Но думать связно, болтаясь и раскачиваясь между небом и землей, как-то не получается. Филипп думает о том, как храбро улыбалась Хилари и как грустно ему махали дети, стоя на платформе в Раммидже и глядя вслед отходящему поезду, о том, что он забыл вернуть студенту курсовую, о том, сколько будет стоить такси от аэропорта до Плотина. Будущее пугает своей неопределенностью, и его охватывает приступ тоски по дому; потом он думает о том, не разобьется ли самолет, и как вообще наступает смерть, и есть ли Бог, и куда он засунул багажные талоны. Моррис Цапп размышляет о том, остаться ли ему в Лондоне на несколько дней или немедля поехать в Раммидж и сразу узнать все самое худшее. Он вспоминает о том, как близнецы затеяли какую-то тихую игру в углу сада и с неохотой отвлеклись, чтобы попрощаться с ним, о том, как Дезире отказалась с ним спать накануне его отъезда, а он уж сколько месяцев просидел на голодном пайке, и вспоминает свою первую девушку Розу Финкельперл, дочь рыботорговца с соседней улицы, и о том, как он удивился, заметив, что и от второй его девушки также слегка отдает рыбой, и еще он думает о

том, сколько людей в аэропорту знают, зачем прилетел в Англию этот чартер.

Самолеты резко меняют курс и ложатся на крыло. За головой Мэри Мейкпис внезапно вырастают пригороды, а потом резко исчезают из виду. Вокруг самолета, в котором сидит Филипп Лоу, клубятся тучи, стекла иллюминаторов исхлестаны струями дождя. Мимо несутся увеличившиеся до привычных размеров дома, холмы, деревья, ангары, грузовики — будто старые знакомые, с которыми вновь увиделся после долгой разлуки.

— Бум!

— Бум!

В один и тот же момент времени, но разделенные расстоянием в десять тысяч километров, оба самолета касаются земли.

На новом месте

Филипп Лоу снял квартиру на втором этаже двухэтажного дома в конце Пифагорова проезда, на улице с классическим названием, но романтическими очертаниями, спирально опоясывающей зеленые холмы Плотина, — таких улиц в городе было немало. Квартплата по местным стандартам была низкой, поскольку дом находился в так называемой оползневой зоне. Дом и в самом деле уже сместился метра на четыре вниз по направлению к бухте — и это обстоятельство заставило его хозяина срочно выехать, с намерением сдать жилье в аренду людям, у которых было либо слишком мало денег в кармане, либо слишком много ветра в голове, чтобы предъявлять какие-либо претензии. Филипп не попадал ни в одну из этих категорий, но подлинную историю дома номер 1037 по Пифагорову проезду он узнал лишь после того, как подписал шестимесячный договор аренды. Эту историю поведала ему в первый же вечер Мелани Бирд, самая хорошенькая и цветущая на вид девушка из трех обитательниц квартиры на

первом этаже, одновременно любезно показывая ему, как управляться со стиральной машиной, расположенной в подвале. Так что если квартплата и была низкой, то уж не настолько, чтобы это вызывало удивление. К тому же Мелани напомнила ему, что безопасное для жилья место едва ли найдется во всей Эйфории, чей уникальный живописный ландшафт является продуктом огромного геологического разлома, тянущегося через весь штат. Именно поэтому в конце 19 века здесь случилось сильное землетрясение, и повторение этой катастрофы до конца века двадцатого уже достоверно предсказано сейсмологами, а также религиозными сектами, ожидающими в это же самое время конца света, — редкий и впечатляющий пример согласия между наукой и суеверием.

Когда Филипп по утрам отдергивал в гостиной шторы, вид за окном каждый раз повергал его в шок. На первом плане, слева и справа, по склонам холмов картинно лепились дома и сады университетских сотрудников. Внизу, там, где подножия холмов встречались с морским берегом, раскинулся кампус с его белеющими зданиями, обрамленными кустарником дорожками, колокольней и центральной площадью,

аудиториями, стадионами и лабораториями, со всех сторон очерченный прямолинейными улицами центрального района Плотина. Середину пейзажа заполняла бухта — она в обе стороны уходила за горизонт, заставляя невольно направить взгляд по огромной впечатляющей дуге: сначала вдоль прибрежной автострады, затем через бухту по длиннейшему Эссефскому мосту (шестнадцать километров от края до края), чтобы встретиться с драматическим городским силуэтом — темными небоскребами на фоне белых холмов с жилыми кварталами, а оттуда по изящным изгибам подвесного Серебряного моста, за которым начинался Тихий океан, опуститься на зеленые холмы округа Миранда, прославившегося своими рощами из красного дерева и дивным по красоте побережьем.

Эта обширная панорама с самого раннего утра оживлялась всеми мыслимыми средствами передвижения — пароходами, яхтами, автомобилями, грузовиками, самолетами, вертолетами и катерами на воздушной подушке. Все это находилось в непрестанном движении и напоминало Филиппу красочную обложку книги «Мир современного транспорта», которую он получил в подарок на свой десятый день рождения. Этот вид, по его

мнению, являл собою полное слияние Природы и Цивилизации и позволял одним взглядом охватить технологический венец творения рук человеческих и восхитительные красоты мира природы. Однако гармония пейзажа, и он это знал, была иллюзорной. Чуть влево, вне поля видимости, над военно-промышленным портом, зависло облако дыма, а справа коптил небо нефтеперерабатывающий завод. А бухта, так весело блестевшая под утренним солнцем, была, согласно Чарлзу Буну и другим источникам, отравлена промышленными отходами и неочищенными сточными водами и к тому же необратимо уменьшалась из-за бессовестного сброса мусора и насыпных работ.

Однако даже при всем при этом, несколько виновато думал Филипп, вид, вставленный в раму его окна, по-прежнему изумительно хорош.

Куда менее очарован видом из своего окна был Моррис Цапп — его взгляду предстала череда заросших сорняком садиков у дома, трухлявых сараев и мокрого белья, огромных больных деревьев, мрачных крыш, заводских труб и церковных шпилей — но от повышенных требований к пейзажу он отказался еще на самой ранней стадии поиска меблированного жилья в Раммидже.

Он быстро убедился в том, что если вы смогли найти место, температура которого достаточна для выживания человеческого организма, да еще оснащенное пусть самыми примитивными удобствами и декорированное цветами и узорами, не вызывающими немедленного приступа рвоты, можно считать, вам сильно повезло. Он подумывал о гостинице, но в окрестностях кампуса они были даже хуже, чем частные дома. В результате он снял себе квартиру на верхнем этаже огромного старого дома, владельцем которого был врач-ирландец с обширным семейством. Доктор О'Шей собственными руками переделал мансарду под жилье для своей престарелой мамаши, и именно в связи с недавней кончиной последней, подчеркнул он, Моррис должен благодарить судьбу за то, что такое чудное место, которому всякий позавидует, оказалось незанятым. По мнению Морриса, сей факт служил не самой удачной рекламой товара, однако О'Шей был убежден в том, что за подобные сентиментальные ассоциации ему, американцу, вырванному из лона родной семьи, следует доплачивать как минимум пять долларов в неделю. Он указал на кресло, в котором его родительница корчилась в предсмертных судорогах, а прыгая на матрасе,

чтобы доказать его упругость, не преминул заметить с печальным вздохом, что еще и месяца не прошло, как его любимая матушка отправилась на тот свет вот с этого самого одра.

Моррис снял эту квартиру из-за центрального отопления — это был первый дом, в котором он увидел подобную роскошь. Но отопительная система в результате свелась к одной-единственной батарее, с извращенным постоянством запрограммированной на максимальный режим в то время, когда все спали, и отключающейся в момент, когда надо было вставать, а в промежутке испускавшей в леденеющее пространство чуть теплый поток воздуха — до тех пор, пока не подходило время снова ложиться в постель. Эта система, как пояснил доктор О'Шей, чрезвычайно экономична, так как при этом электричество расходуется со скидкой в полцены, и все же Моррису казалось, что потеть в постели можно было бы и за меньшие деньги. К счастью, в квартире хватало старомодных газовых обогревателей, при включении которых на полную катушку можно было добиться в комнатах сносного тепла, хотя О'Шей, без сомнения, считал его чрезмерным и всегда входил к Моррису, словно в горящий дом, прикрывая рукой лицо.

В первые дни в Раммидже Моррис был занят исключительно тем, что пытался согреться. Проснувшись утром в похожем на могильный склеп гостиничном номере, в котором остановился по прибытии из Лондонского аэропорта, он увидел идущий у него изо рта пар. Поскольку с ним этого никогда не случалось в помещении, он решил, что горит. Въехав, наконец, с багажом в дом О'Шея, он набил холодильник готовыми обедами, запер дверь на ключ, врубил все обогреватели и два дня потратил на то, чтобы оттаять. И лишь потом почувствовал, что готов приступить к знакомству с кампусом и коллегами по английской кафедре.

Филиппу Лоу не терпелось начать знакомство с рабочим местом. В первое же утро после восхитительного завтрака из апельсинового сока, бекона и горячих оладьев с кленовым сиропом (кленовый сироп! С каким наслаждением вспоминаются забытые ощущения!) он решил прогуляться до здания филологического факультета. Уже второй день шел дождь, и поначалу Филипп был этим огорчен — в его памяти Эйфория неизменно купалась в солнечных лучах, — однако он запамятовал, что в зимнее время наступает сезон дождей. Дождь, правда, был мелкий, редкий, а

воздух — теплый и духовитый. Зеленела трава, деревья стояли одетые в листву, а кое-где что-то даже цвело и плодоносило. В Эйфории настоящая зима так и не наступала — осень протягивала руку весне и лету, и втроем, обнявшись, они круглый год плясали веселую жигу, сбивая с толку весь растительный мир. Филипп чувствовал, как кровь в его жилах начинает подчиняться этому бодрящему ритму.

Он без труда нашел дорогу на филфак — это был большой монолит в неоклассическом стиле. Однако внутрь зайти ему не удалось, так как здание было оцеплено полицейскими. Снаружи толкались преподаватели и студенты, и один из них, длинноволосый юнец со значком «НЕТ УВОЛЬНЕНИЮ КРУПА» на лацкане замшевой куртки, сообщил Филиппу, что людей вывели из здания, поскольку стало известно, что ночью туда подложили бомбу. Обыск здания, как понял Филипп, может занять несколько часов, но как только он повернулся, чтобы уйти, где-то на верхних этажах прогремел приглушенный взрыв и послышался звон разбитого стекла.

Моррис Цапп — как он выяснил позже — появившись на английской кафедре, произвел на людей далеко не лучшее впечатление. Секре-

тарша, юная Элис Слейд, возвращаясь из буфета вместе со своей приятельницей, мисс Макинтош с кафедры египтологии, обнаружила, что он стоит, согнувшись пополам, перед кафедральной доской объявлений, чихает, кашляет и рассеивает вокруг себя сигарный пепел. Мисс Слейд подумала, что со студентом старшей возрастной группы [5] случился приступ, и попросила мисс Макинтош сбегать за вахтером, но мисс Макинтош осмелилась предположить, что это он так смеется, и оказалась права. Доска объявлений отдаленно напомнила Моррису ранние работы Роберта Раушенберга. [6] Это был коллаж из прикрепленных канцелярскими кнопками разнообразнейших клочков бумаги — фирменных бланков, листков из ежедневника, небрежно вырванных из студенческих блокнотов страниц, старых конвертов, перевернутых на тыльную сторону накладных, даже кусков оберточной бумаги с оставшимися на них хвостиками липкой ленты, — и все это несло на себе кабалистические

---

[5] Примечания: 5

В Великобритании не существует ограничения по возрасту при приеме на дневное отделение вузов.

[6] Примечания: 6

Американский художник-авангардист (р. 1925), использующий для своих коллажей всевозможный мусор.

послания кафедры студентам по поводу курсов, консультаций, домашних заданий и списков литературы, было исчеркано маловразумительными каракулями и пестрело разноцветными чернилами. Видимо, эра Гутенберга для них еще не настала: они по-прежнему жили в эпоху рукописной культуры. Как показалось Моррису, теперь он приблизился к пониманию подобного рода искусства: доска объявлений имела осязательную привлекательность, до нее хотелось дотронуться, рукой ощутить ее неровную, шероховатую поверхность. Да, это было одно из забавнейших средств передачи информации, когда-либо им виденных.

Все еще посмеиваясь про себя, Моррис последовал за одетой в мини-юбку секретаршей, которая, несколько нервно, по его мнению, оглядываясь, повела его в предназначенный ему кабинет. Шествие по коридору филфака напоминало экскурсию в мемориальный зал Современной лингвистической ассоциации, хотя ни одно из имен на дверях кабинетов не было ему знакомо — за исключением последнего, у которого мисс Слейд наконец остановилась: Ф. Лоу. Эта фамилия действительно ему встречалась, припомнил он, пока секретарша возилась с замком (слабо-

нервная какая-то), — но только не в печати, а в переписке по поводу обмена. Лоу был тот, с кем он поменялся местами. Он вспомнил, как Люк Хоуган, заведующий английской кафедрой в Эйфории, жаловался ему, держа письмо Лоу (написанное от руки — всплыло у него в памяти) в своем здоровенном кулачище: «Ума не приложу, Моррис, какого хрена мы будем делать с этим Лоу? Малый пишет, что у него нет специализации». Моррис посоветовал приставить Филиппа к курсу введения в литературные жанры и критический анализ и дать ему вести спецкурс по мастерству романной прозы. Поскольку местный специалист в этой области, писатель Гарт Робинсон, лишь условно считался местным, вращаясь по орбитам многочисленных фантов, стипендий, творческих отпусков и периодов излечения от запоев, то этот спецкурс доставался обычно наименее к этому расположенным и малокомпетентным сотрудникам кафедры. Моррис добавил:

— Если он изгадит спецкурс по роману, то никто и не заметит. К тому же читать введение в предмет может любой придурок с докторской степенью.

— Но у него нет докторской степени, — сказал Хоуган.

— Что???

— У них в Англии другая система, Моррис. Степень не самое главное.

— У них что, ставки по наследству передаются?

Вспоминая этот разговор, Моррис сообразил, что в Эйфории он так и не смог заполучить хоть какую-нибудь информацию из Раммиджа касательно своего преподавания.

Девушка наконец справилась с дверью, и он вошел в комнату. И был приятно удивлен: кабинет оказался большим, удобным, со вкусом обставленным мебелью, с которой гармонировали полированные книжные полки. Там имелись также кресло и интересной расцветки ковер. Помимо всего прочего, в комнате было тепло. Моррису Цаппу уже не раз по прибытии в Раммидж приходилось сталкиваться с этим удивительным парадоксом. Публичная щедрость и личная скудость — таково было его определение. Если по уровню жизни преподаватель раммиджского университета сильно отставал от своего эйфорийского коллеги, то в Раммидже даже ассистент имел просторный кабинет, а главное здание университета походило на Хилтон и дало бы сто очков вперед административному корпусу в Эйфории. Вдобавок в здании, где находился но-

вый кабинет Морриса, был просторный и уютный холл, где две заботливые буфетчицы подносили сотрудникам факультета отменный кофе и чай в фарфоровых чашках с блюдцами. А на филфаке в Эйфории для этих же целей служила маленькая комнатушка, загаженная бумажными стаканчиками и сигаретными окурками, а растворимый кофе, который вы сами себе организовывали, по вкусу напоминал подогретое моющее средство. Впрочем, «публичная щедрость» для Раммиджа слишком громко звучит, и едва ли это был тот самый социализм, о котором столько говорено. Это более походило на узкий ручеек привилегий, пробивающийся сквозь всеобщую аскезу и убогость. Что ж, при всех его лишениях британский университетский преподаватель имеет по крайней мере собственный угол, уютный кабинет, где он может спокойно посидеть с газетой, а также туалет для служебного пользования. Таков, пожалуй, основополагающий порядок вещей. Однако все эти мысли еще не уложились в голове Морриса Цаппа в тот момент, когда он впервые окинул взглядом кабинет Филиппа Лоу. Он все еще пребывал в состоянии культурного шока и, выглянув в окно, испытал нечто похожее на головокружение, увидев родную эйфорийскую

колокольню, но только вызывающе побагровевшую и ужавшуюся вполовину, отчего она стала походить на отработавший мужской член.

— Что-то здесь душновато, — сказала секретарша и потянулась к окну. Моррис, уже с наслаждением окунувшийся в исходящее от радиаторов тепло, стремительно и неуклюже преградил ей путь, и она отпрянула в испуге, словно он хотел запустить руку ей под юбку— что, учитывая ее длину, было бы не так уж сложно и вообще могло произойти случайно при рукопожатии. Он постарался успокоить ее разговором.

— А народу сегодня на кампусе немного…

Она взглянула на него так, будто он свалился с Луны.

— Но ведь сейчас каникулы.

— Ага. А профессор Мастерс есть?

— Нет, он в Венгрии. Вернется к началу семестра.

— Он на конференции?

— Нет, говорят, охотится на кабанов.

Не совсем уверенный, что правильно расслышал, Моррис продолжал:

— А другие профессора?

— У нас только один.

— Ну то есть другие преподаватели.

— Сейчас каникулы, — с расстановкой повторила она ему, как умственно отсталому ребенку. — Они здесь время от времени появляются, но сегодня с утра я никого не видела.

— С кем же мне поговорить насчет моей нагрузки?

— Доктор Басби что-то говорил об этом на днях…

— Да? И что? — нетерпеливо спросил Моррис, прерывая затянувшуюся паузу.

— Не помню, — меланхолично ответила девушка. — И вообще я здесь только до лета, потому что выхожу замуж, — добавила она, явно решив, что это единственный способ найти выход из безнадежной ситуации.

— Поздравляю. Но, может быть, на меня завели личное дело?

— Может быть. Могу взглянуть, — ответила девушка, обрадовавшись поводу ретироваться. И она оставила Морриса одного в его новом кабинете.

Он сел за стол и выдвинул ящики. В верхнем лежал адресованный ему конверт. В нем содержалось длиннейшее (написанное от руки) письмо Филиппа Лоу.

Уважаемый профессор Цапп!

Очевидно, во время своего пребывания в Раммидже Вы будете пользоваться моим кабинетом. К сожалению, я потерял ключи от несгораемого шкафа, поэтому советую Вам конфиденциальные бумаги прятать под ковер — я, по крайней мере, всегда так делаю. Вы можете брать мои книги, но только, пожалуйста, не давайте их студентам — они их портят своими пометками.

Насколько я знаю от Басби, Вы будете вести мои семинарские группы. Студенты второго курса — группа довольно тяжелая, но с первокурсниками дело идет веселее. А вот на выпускном курсе две группы очень интересные. Есть несколько моментов, на которые я хочу обратить Ваше внимание. У Бренды Арчер бывают тяжелые приступы предменструальной депрессии, поэтому не удивляйтесь, если она вдруг расплачется. А в одной из групп третьего курса ситуация непростая, потому что Робин Кенворт раньше дружил с Элис Мэрфи, но сейчас у него Миранда Уоткинс, и все они в одной группе, поэтому атмосфера там может быть напряженной…

И в таком духе было исписано несколько страниц, содержащих скрупулезное изложение эмоциональных, психологических и физиологических особенностей каждого студента. Моррис

прочел письмо от начала до конца в полном изумлении. Что это за человек, который, похоже, знает о своих студентах больше, чем их собственные родители? И, возможно, больше о них заботится, если судить по тону письма.

Он осмотрел другие ящики, пытаясь обнаружить в них какие-нибудь ключи к характеру этого чудика, но больше ничего не нашлось, кроме куска мела, пустого стержня из-под шариковой ручки, двух крючков для чистки курительных трубок и маленькой жестяной банки с остатками табака «Три монашки». Возможно, Шерлок Холмс извлек бы из этого какие-нибудь сведения… Моррис принялся обследовать стенные шкафы и книжные полки. Книжная подборка только подтвердила признание Лоу в том, что у него нет специализации. Это было пестрое собрание книг по английской литературе со скудным включением современных литературоведческих работ, среди которых трудов Морриса Цаппа не нашлось. В стенных шкафах было пусто — исключение мог составлять лишь шкафчик, висящий над книжными полками. Его труднодоступность убедила Морриса в том, что там содержится какое-то откровение — например, дюжина пустых бутылок из-под джина или коллекция женского

белья. Забравшись на стул, он попытался открыть дверцу. Она застряла, и под рукой Морриса весь стеллаж угрожающе закачался. Наконец дверца подалась, и Моррису на голову с грохотом обрушились сто пятьдесят семь пустых жестяных баночек из-под табака «Три монашки».

— Вам отвели комнату номер четыреста двадцать шесть, — сказала Мейбл Ли, маленькая китаяночка-секретарша. — Это кабинет профессора Цаппа.

— Да, — ответил Филипп, — а он сидит в моей комнате в Раммидже.

Мейбл Ли одарила его любезной, но отстраненной улыбкой стюардессы, на которую она и впрямь походила в своей накрахмаленной белой блузке и ярко-красном сарафане. В приемной декана было полно людей, которых наконец впустили в здание. Все шумно обсуждали бомбу, разорвавшуюся в мужском туалете на четвертом этаже. Обнаружилось довольно четкое расхождение во мнениях между теми, кто обвинял студентов из стран третьего мира, угрожавших забастовкой в следующем семестре, и теми, кто считал, что это провокация со стороны полиции, стремящейся дискредитировать студентов из стран третьего мира, чтобы не допустить заба-

стовки. Разговор был возбужденным, хотя, по мнению Филиппа, в нем недоставало возмущения и страха.

— Скажите, а такое часто случается? — спросил он.

— Да как сказать… Бывает. Хотя в нашем здании это в первый раз. — Высказав это сомнительное утешение, Мейбл Ли протянула ему ключи от комнаты, а затем толстую пачку буклетов и бланков, по поводу которой, разбросав ее веером по столу, провела краткий инструктаж: — Это ваше удостоверение, не забудьте подписать, это заявка на место для парковки, это медицинская страховка — выберите подходящий вам вариант, это заявка на прокат пишущей машинки — можете взять электрическую или механическую, это программа курсов, это заявки на освобождение от налога, ключ от лифта, ключ от комнаты с ксероксом, не забудьте каждый раз расписываться в журнале… Я скажу профессору Хоугану, что вы приехали, — наконец сказала она. — Он сейчас занят с пожарным инспектором. Он вам позвонит.

Комната Филиппа была на четвертом этаже. Под дверью сидел на корточках смуглый молодой человек с шапкой курчавых волос и дымящейся сигаретой в зубах. На нем была куртка военного

образца из маскировочной ткани, и вид у него был такой, что именно он-то как раз и мог подложить бомбу. Филипп вставил ключ в замок, и молодой человек поднялся на ноги. На отвороте куртки блеснул значок с надписью «НЕТ УВОЛЬНЕНИЮ КРУПА».

— Профессор Лоу?

— Да.

— Можно с вами поговорить?

— Сейчас?

— Ну, если это удобно…

— Я только что приехал.

— Вам надо два раза ключ повернуть.

Так оно и оказалось. Дверь неожиданно распахнулась, и у Филиппа посыпались из рук бумаги. Молодой человек ловко собрал их и воспользовался этим, чтобы пройти в кабинет. В комнате было душно и пахло сигарами. Филипп распахнул окно, которое, к его радости, выходило на узкий балкончик.

— Шикарный вид, — сказал молодой человек, неслышно появившись у Филиппа за спиной.

Тот вздрогнул.

— Что вы хотели… как вас?

— Смит. Вайли Смит.

Вайли уселся боком на краешке заваленного

книгами стола. Поначалу Филипп решил, что это неряха Цапп оставил после себя такой разгром. Но потом он заметил, что многие книги в почтовой упаковке и адресованы ему.

— Боже мой, — сказал он.

— Что такое, профессор Лоу?

— Эти книги… Откуда они?

— От издателей. Они хотят, чтобы вы их рекомендовали для использования в учебном процессе.

— А если я не рекомендую?

— Оставьте их себе. А можете продать. Я знаю одного парня, который купит за полцены…

— Нет, нет, — возразил Филипп, с жадностью разрывая упаковку и вынимая толстые антологии в твердых переплетах и соблазнительные глянцевые книги в мягких обложках. В Англии бесплатная книга была редким удовольствием, и от вида такой нечаянной добычи у Филиппа слегка закружилась голова. Ему уже не терпелось насладиться всем этим наедине.

— А какой у вас ко мне вопрос, Смит?

— Ведь это вы преподаете триста пятый курс в следующем семестре?

— Я еще и сам не знаю, что преподаю. А что такое триста пятый курс?

— Мастерство романной прозы.

Филипп рассмеялся:

— Нет, это точно не мой курс. Я отродясь романов не писал и писать не буду, хоть убей.

Вайли Смит нахмурился и, сунув руку за пазуху, вытащил (Филиппу на миг показалось, что бомбу) справочник учебных дисциплин.

— Курс триста пять, — прочел он вслух, — продвинутый этап освоения крупных литературных форм. Ограниченный набор. Второй семестр: профессор Филипп Лоу.

Филипп выхватил у него из рук справочник и еще раз перечитал текст.

— Боже мой, — сказал он севшим голосом, — немедленно отменить, пока не поздно!

С помощью все того же Вайли Смита он позвонил заведующему кафедрой.

— Профессор Хоуган, извините, что беспокою вас, но…

— Мистер Лоу! — загремел из трубки голос Хоугана. — Очень, очень рад, что вы приехали! Долетели нормально?

— Спасибо, неплохо. Я…

— Отлично! Где вы сейчас?

— Я сейчас у себя в кабинете, и вот мне попался…

— Отлично, отлично, мистер Лоу! Нам с вами надо будет пообедать вместе в самое ближайшее время!

— Да, буду очень рад, но вот я…

— Отлично! Кстати, мы с женой собираем в воскресенье небольшую компанию, выпить, поговорить. Часов в пять, — может, и вы заглянете?

— Да, спасибо большое. Я насчет своей нагрузки…

— Отлично, значит договорились! А как вы устроились, мистер Лоу?

— Спасибо, хорошо, — автоматически ответил Филипп. — То есть нет, я хочу сказать… — Но было уже поздно. Вслед за последним «отлично!» в трубке раздались гудки.

— Так можно мне к вам записаться? — спросил Вайли Смит.

— Я бы не рекомендовал, — ответил Филипп. — А почему это вас так интересует?

— Я задумал роман и хочу написать его. О детстве черного пацана, живущего в гетто.

— Но ведь это будет довольно трудно, — сказал Филипп. — То есть я имею в виду, что если вы сами не…— И тут он запнулся. Как инструктировал его Чарлз Бун, слово «черный» на сегодняшний день было наиболее корректным употреблением,

но сам он не решился произнести его, так как в Раммидже оно связывалось с самыми низменными расовыми предрассудками. — Если вы сами не имели подобного опыта, — избежав неловкости, закончил он.

— Ага. У меня история типа автобиографии. Мне вот только техники не хватает.

— Автобиография? — прищурив глаза и наклонив голову, Филипп всмотрелся в лицо молодого человека. Кожа его была примерно такого оттенка, какой Филипп приобретал после проведенной на солнце недели, когда загар уже начинал сходить и становился желтоватым.

— А вы в этом уверены?

— Еще как уверен, — обиженно, а может, и оскорбленно ответил Вайли Смит.

Филипп поспешил сменить тему.

— Скажите, а что у вас за значок — кто такой Круп?

Выяснилось, что Круп — это фамилия доцента английской кафедры, которому отказали в должности.

— Но народ выступает за то, чтобы его оставили, — объяснил Вайли. — Он клевый преподаватель, и на его лекциях всегда полно народу. Руководство на него наезжает, что у него публикаций

маловато, а на самом деле все обзавидовались, что у него такие классные отзывы в «Бюллетене курсов».

Интересно, а это что еще такое? Очевидно, нечто вроде путеводителя по курсам с оценкой преподавателей, составленного на основе студенческих анкет. Вайли вытащил выпуск «Бюллетеня» из своего бездонного внутреннего кармана.

— Вас там пока нет, профессор Лоу. Но в следующем семестре вы там будете.

— Да что вы? — Филипп наугад раскрыл книжку.

Курс 142. Неоклассическая пасторальная поэзия. Доцент Говард Рингбаум. Второй и третий курсы. [7] Ограниченный набор.

Рингбаум, согласно большинству отзывов, мало беспокоится о том, чтобы заинтересовать студентов своим предметом. Вот одно из мнений: «Материал знает хорошо, но не выносит вопросов и дискуссий, так как они нарушают ход его мысли». Другое мнение: «Скучища — мухи дохнут». Рингбаум строг в оценках и, согласно одному из отзывов, «обожает вопросы с подко-

---

[7] Примечания: 7

В большинстве западных университетов курс обучения — три года.

выркой».

— Ну что ж, — сказал Филипп с нервным смешком, — ребята метят не в бровь, а в глаз. — И он еще немного полистал «Бюллетень».

Курс 213. Похороны книги? Коммуникация, кризис и современная цивилизация. Доцент Карл Круп. Ограниченный набор.

Занимайте очередь с утра пораньше, чтобы записаться на этот курс. Это межпредметное мультимедийное упражнение для ума пользуется заслуженной популярностью. «По сравнению с Крупом Маклюэн [8] — недоумок», — вот одно из мнений. А вот другой восторженный отзыв: «Самые потрясные лекции, которые мне когда-либо приходилось слушать». Списки рекомендуемой литературы приводят в трепет, зато система оценок отличается гибкостью. Круп заботится о студентах, всегда готов уделить им время.

— А кто составляет эти обзоры? — поинтересовался Филипп.

— Я, — ответил Вайли. — Так можно к вам на

---

[8] Примечания: 8

Херберт Маршалл Маклюэн (1911–1980) — канадский ученый-культуролог, изучавший проблемы влияния СМИ на развитие цивилизации. Считал, что печать, воздействуя прежде всего на глаз человека, является для общества разрушающим фактором.

курс записаться?

— Я подумаю об этом, — ответил Филипп, продолжая просматривать «Бюллетень».

Курс 350. Джейн Остен и теория художественной прозы. Профессор Моррис И. Цапп. Семинар для выпускников. Ограниченный набор.

В основном отзывы положительные. Цаппа считают самодовольным, злым на язык и скупым на хорошие оценки, но вместе с тем блестящим преподавателем, у которого есть чему поучиться. «Раскручивает Джейн Остен только так», — вот один из отзывов. Курс рекомендуется для отличников.

Мисс Слейд как раз собралась постучать в дверь комнаты Морриса Цаппа и сообщить ему, что в его деле нет ничего насчет нагрузки, когда раздался грохот посыпавшихся из шкафа ста пятидесяти семи баночек из-под табака. Моррис услышал быстрое цоканье ее удаляющихся каблучков. Больше он ее не видел. И никто другой не нарушил в тот день его уединения.

Моррис ежедневно приходил в университет поработать над комментарием к «Чувству и чувствительности» и поначалу даже радовался тишине и спокойствию, но спустя какое-то

время эти маленькие удобства стали казаться ему несколько навязчивыми. В Эйфории ему не давали покоя студенты, коллеги, начальство и секретарши. Такой же занятости в Раммидже Моррис не ожидал — по крайней мере, на первых порах, — но все же у него был некий расчет на то, что преподаватели представятся ему, познакомят с университетом, проявят обычное гостеприимство и готовность помочь. Сказать по чести, едва ли в местные академические воды заплывала рыба покрупней, чем Моррис, поэтому он приготовился чуть ли не к торжественному (по мере возможности) приему и всеобщему вниманию. Но никто так и не заглянул к нему, и Моррис растерялся. Уж не утратил ли он взращенного с молодости таланта громко заявлять о своем существовании? Он так привык всегда быть в гуще событий, но здесь никаких событий не было.

Но вот каникулы подошли к концу и гробовая тишина факультетских коридоров нарушилась, а с ней пропал и дух безлюдья. Преподаватели начали стекаться на свои рабочие места. Сидя за столом у себя в комнате, Моррис слышал, как они бегают по коридорам, приветствуют друг друга, смеются, хлопают дверями. Однако стоило ему выйти из кабинета, как все начинали сторонить-

ся его, ныряя по комнатам при его появлении или глядя на него поверх головы, как на сантехника. А когда он решил, что пора ему взять инициативу на себя и заманить коллег к себе в комнату, перехватив их по дороге в буфет, они вдруг стали обращаться с ним как старые, хотя и не очень близкие знакомые: кивали или небрежно улыбались ему на ходу, не прерывая разговора. Из чего можно было сделать вывод, что им известно, кто он такой. Это делало излишним необходимость знакомства и одновременно исключало повод для дальнейшего общения. Моррису стало казаться, что никто с ним так и не заговорит. Они так и будут отделываться улыбочками и кивками, через полгода воды сомкнутся над его головой и снова все пойдет так, будто он и не нарушал всеобщего покоя.

Такое обращение подкосило моральный дух профессора Цаппа. От долгого молчания у него вышли из строя голосовые связки, и в те редкие моменты, когда он заговаривал, звук собственного голоса казался ему хриплым и чужим. Он мерял шагами кабинет, как заключенный — тюремную камеру, и все не мог понять, чем вызвано подобное к нему отношение. Что с ним такое — у него дурно пахнет изо рта? Или его подозревают

в сотрудничестве с ФБР?

В своем вынужденном отшельничестве Моррис невольно стал искать утешения в средствах массовой информации — он и в лучшие времена был заядлым телезрителем и радиослушателем. В его эйфорийском кабинете радио было всегда настроено на коротковолновую радиостанцию, передающую баллады в стиле рок и соул, а дома, в комнате, где он работал, стоял цветной телевизор, поскольку ему лучше писалось под спортивные программы (особенно хорошо под бейсбол, но футбол, хоккей и баскетбол тоже годились). Сняв в Раммидже квартиру, он тут же взял напрокат телевизор, но передачи его надежд не оправдали — это были в основном экранизации книг, которые он уже читал, и американские комедийные сериалы, которые он уже видел. И, естественно, не было никакого футбола, хоккея и баскетбола. Показывали, впрочем, соккер, футбол по местным правилам, которым со временем он мог бы увлечься — в игре этой явно ощущалась та смесь артистизма и спортивной злости, которая столь необходима зрелищным видам спорта; однако время под подобные программы отводилось весьма скудное. В субботу вечером, правда, показали четырехчасовое спортивное обозрение — Мор-

риса ждал его с большим нетерпением, — от которого сразу захотелось податься в супермаркет или куда угодно, лишь бы не видеть всей этой бесконечной вереницы соревнований по стрельбе из лука среди женщин, зональных турниров по плаванию, состязаний по рыбной ловле и чемпионатов по настольному теннису. А по другому каналу в это же время под дождь со снегом шел репортаж о кроссе по пересеченной местности на инвалидных колясках — по крайней мере, такое у Морриса сложилось впечатление.

У него был краткий роман с «Радио-1», который в результате перерос в подобие садомазохистского брачного союза. Пробудившись спозаранок в раммиджском отеле (в то самое утро, когда его дыхание обратилось в пар), он поймал по своему транзистору программу, воспринятую им как забавную пародию на американские передачи, строящиеся по эффективной схеме некоммерческой рекламы. С той только разницей, что здесь диск-жокей вместо товаров рекламировал собственную персону — и на ваши головы лился поток трескотни по поводу того, какой он славный, веселый и неотразимый малый, — а также слушателей, чьи полные имена, подробные адреса, а при случае и даты рождения

вместе с автомобильными номерными знаками он недолго думая передавал в эфир. Время от времени он вставлял музыкальные проигрыши во славу себе и окружающим и с той же неуемной радостью сообщал о дорожных происшествиях на автостраде. Одним словом, умора. Впрочем, Моррису показалось, что для юмористической передачи это рановато, но оторваться он не мог. Когда передача закончилась и ее сменила другая, совершенно ей подобная, в его душу закралось сомнение. Наверное, англичан, подумал он, хлебом не корми, дай посмеяться. Даже метеорологический прогноз походил на мистификацию, ибо предсказывал на ближайшие сутки всевозможные перемены в погоде без малейшего намека на конкретность, включая температуру воздуха. И только прослушав подряд четыре программы, построенные по одной и той же формуле — самовлюбленный вздор диск-жокея, перечисление имен и адресов, дурацкие музыкальные заставки, — Моррис осознал весь ужас происходящего: «Радио-1» такое и есть, и ничего другого от этого канала не дождешься.

Единственным, кто скрашивал его одиночество в Англии, был доктор О'Шей. Он приходил к нему посмотреть телевизор и угоститься виски,

а также, возможно, часок-другой отдохнуть от радостей семейной жизни, поскольку всякий раз он робко стучал в дверь и на цыпочках входил в комнату, то и дело подмигивая и упреждающе подняв палец, словно прося Морриса не заговаривать с ним, пока дверь не закроется, отсекая доносившиеся снизу стенания миссис О'Шей и вопли младенцев. О'Шей был для Морриса загадкой. Он был совсем не похож на доктора — по крайней мере, на тех врачей, которых знал Моррис, — холеных, процветающих особ, владеющих гигантскими машинами и роскошными домами в престижных пригородах. О'Шей вечно ходил в мешковатом вытертом костюме и обветшалых рубашках, его небольшой автомобильчик знавал лучшие времена, и ему явно всего недоставало — сна, денег, развлечений — всего, за исключением, пожалуй, тревог по всяким поводам. По той же самой причине весьма нехитрые пожитки Морриса вызывали в нем приступы пугливой зависти, как будто он отродясь не видал подобной роскоши. Японский магнитофон Морриса он разглядывал со страхом и жадным любопытством, как дикарь — миссионерскую трутницу, и у него не укладывалось в голове, как может человек иметь такое количество рубашек, чтобы зараз

отправлять в прачечную по полдесятка. Когда же ему предлагалась выпивка, он почти (но все же не совсем) терял способность сделать выбор из трех сортов виски, тяжко вздыхал и бормотал себе под нос, вертя в руках бутылки и разглядывая этикетки: «Пресвятая Богородица, да это же выдержанный бурбон «Старый дед» из Кентукки, а вот и сам старикан, — ну точно, это он и есть, прямо глазам не верю…»

Когда у Морриса появился цветной телевизор, доктор О'Шей буквально изнемог от возбуждения. Он засеменил по лестнице вслед за доставщиками, в комнате стал суетиться и путаться под ногами, а когда они ушли, застыл как зачарованный перед настроечной таблицей, то и дело дотрагиваясь до корпуса телевизора, словно ожидая, что от этого контакта на него снизойдет какая-то особая благодать.

— Да, если бы я собственными глазами его не увидел, ни за что бы не поверил, — сказал он со вздохом. — Какой вы счастливчик, мистер Цапп.

— Но я же напрокат телевизор взял, — удивленно возразил Моррис, — это любой может сделать. Всего за несколько долларов в неделю.

— Вам легко говорить, мистер Цапп, в вашем-то положении… Куда как легко, мистер Цапп.

— Ну, если вам что-нибудь захочется посмотреть, заходите…

— Как вы добры, мистер Цапп, как внимательны. Уж я не премину воспользоваться вашим любезным приглашением.

И он свое слово сдержал. К несчастью, телевизионные пристрастия О'Шея сводились к комедийным сериалам и мыльным операм, которые доктор с наивной неразборчивостью принимал за чистую монету: он вертелся и подпрыгивал, стуча кулаком по ручке кресла, поддавая Моррису под ребра и сопровождая действие фильма возбужденным комментарием: «Ага! Попался, голубчик, вот уж чего ты не ожидал!.. Ой! Ты что это, тетя, ты что?.. А, вот так-то будет лучше, смотри мне! Ай! Нет! Только не это! Только не это! О Господи, этот парень меня доконает!..» и так далее. К счастью, в середине фильма доктор О'Шей обычно погружался в сон, обессилев от сопереживаний и тягот трудовою дня, и тогда, выключив телевизор, Моррис брался за книгу. Компания у него была еще та…

К величайшей скорби Филиппа Лоу, его главным достоинством в глазах эйфорийцев оказалось знакомство с Чарлзом Буном. Он неосторожно упомянул о нем в разговоре с Вайли Смитом,

и буквально в считанные часы весть облетела все закоулки кампуса. В его кабинет потянулись люди, жаждущие знакомства с Чарлзом Буном или желающие услышать какую-нибудь историю из его прошлой жизни, а ближе к вечеру позвонила жена завкафедрой, миссис Хоуган, умоляя посодействовать в том, чтобы заполучить Буна на свою вечеринку. В это верилось с трудом, но, похоже, все в Эйфории помешались на шоу Чарлза Буна. При первой же возможности Филипп его прослушал и впредь с садомазохистским упорством не пропускал ни одной последующей передачи.

Идея программы была не нова: прямая линия, по которой радиослушатели звонят в студию, чтобы обсудить всевозможные проблемы с ведущим или между собой. Но шоу Чарлза Буна отличалось от обычных передач в прямом эфире. Во-первых, его транслировала некоммерческая радиостанция, существовавшая за счет слушательских взносов и пожертвований и потому свободная от политического и экономического давления. Во-вторых, в то время как ведущие большинства подобных американских программ стремились избегать конфликтов, были корректны и оставались в тени, давая выговориться всем

желающим и демонстрируя свое безграничное терпение, обходительность и, как результат, отсутствие убеждений, Чарлз Бун был агрессивно и умышленно предвзят. Там, где речь заходила, например, о преимуществах отцовства, он провоцировал аудиторию признаниями сына-уголовника. Он занимал крайне радикальные позиции по таким вопросам, как наркотики, секс, национализм, война во Вьетнаме, и с ожесточением спорил, иногда переходя на грубости с не согласными с ним слушателями и даже отсекая с ними связь на полуслове. Ходили слухи, что он оставлял себе телефоны заинтересовавших его девушек, а после передачи обзванивал их и назначал свидания. Нередко он начинал передачу цитатой из Витгенштейна или Камю, а то и стихотворением собственного сочинения, и этим открывал дискуссию со слушателями. Аудитория же у него была самая пестрая, и кто только не настраивался по ночам на его волну — студенты, профессора, хиппи, дезертиры, страдающие бессонницей, наркоманы и члены религиозных сект. Домохозяйки, дожидающиеся возвращения загулявших мужей, делились с Чарлзом Буном своими супружескими проблемами; водители-дальнобойщики, слушая программу в своих

тряских кабинах и приходя в ярость от Буна или Камю, сворачивали на обочину к аварийным телефонам-автоматам и звонили в студию с маловразумительными комментариями. Шоу Чарлза Буна усиленно обрастало фольклором, и Филиппа так часто потчевали историями из прошлых передач, что ему стало казаться, будто он сам все это слышал: раз, например, Бун говорил с перепуганной насмерть беременной женщиной, у которой начались схватки, был случай, когда он отговорил от самоубийства священника-гомосексуалиста, а однажды по его просьбе с ним делились своими мыслями о сексуальной революции многочисленные пары в первые минуты после любовного акта. В его передаче, разумеется, не было никакой рекламы, но, чтобы досадить конкурирующим радиостанциям, Бун изредка по собственной инициативе нахваливал какой-либо местный ресторан, или новый фильм, или магазин мужской одежды. Филиппу было ясно как день, что под всей этой эксцентричностью и культурными претензиями гулко бьется сердце откровенного шоу-бизнеса, однако местным жителям программа, несомненно, была в новинку и привлекала их своей смелостью и непосредственностью.

— А где же мистер Бун? — спросила миссис Хоуган Филиппа, едва он появился на пороге их роскошного загородного дома, и обшарила его взглядом с головы до ног, словно он мог прятать Буна где-то на себе. Филипп заверил ее, что приглашение он передал, и тут словно из-под земли возник сам Хоуган и стиснул его ладонь в мощном мозолистом рукопожатии.

— А вот и вы, мистер Лоу, чертовски рад вас видеть!

Он провел Филиппа в просторную комнату, где уже собралось человек сорок, и щедро налил ему джина с тоником.

— Что ж, давайте мы вас представим! Здесь почти вся английская кафедра.

У Филиппа всплыло в памяти одно-единственное имя:

— Я до сих пор не знаком с мистером Крупом.

Лицо Хоугана несколько позеленело на скулах.

— Крупом?

— Его имя так часто мелькает на значках, — пояснил Филипп со смешком, пытаясь скрыть явную с его стороны оплошность.

— А, да-да! Это точно! Но вообще Карл Круп по коктейлям не ходит. Говард! — Хоуган тяжело опустил огромную лапу на плечо бледного мо-

лодого человека в очках, проплывавшего мимо с поднесенным к губам стаканом виски. Тот слегка пошатнулся, но, проявив ловкость, виски на ковер не пролил. Филиппа представили Говарду Рингбауму.

— Я как раз говорил мистеру Лоу, — сказал Хоуган, — что Карла Крупа нечасто встретишь на кафедральных сборищах.

— Я слышал, — ответил Рингбаум, — что Карл полностью переосмыслил свой курс «Похороны книги?». В этом семестре он снимает из названия вопросительный знак.

Хоуган загоготал и, удаляясь, как следует влепил Рингбауму промеж лопаток. Рингбаум покачнулся, но устоял на ногах, не расплескав напитка.

— Чем вы занимаетесь? — спросил он Филиппа.

— Сейчас я пытаюсь разобраться со своей нагрузкой.

Рингбаум нетерпеливо затряс головой.

— Да нет, каков предмет ваших исследований?

— А вы, насколько я знаю, занимаетесь неоклассическими пасторалями? — уклончиво отреагировал Филипп.

Рингбаум был приятно польщен.

— Верно. А откуда вы знаете? Читали мою статью в университетском вестнике?

— Нет, я тут на днях просматривал «Бюллетень курсов»…

Рингбаум помрачнел.

— Уж не поверили ли вы всему, что там написано?

— Да нет, конечно… А что вы думаете об этом самом Крупе? — полюбопытствовал Филипп.

— А ничего не думаю. У меня тоже в этом семестре перевыборы, и если я не получу ставки, никто не будет ходить со значками «НЕТ УВОЛЬНЕНИЮ РИНГБАУМА».

— Эти перевыборы, как я посмотрю, дело довольно нервное.

— А у вас в Англии разве не такая же система?

— Нет-нет. У нас есть испытательный срок, но это более или менее формально. А наделе, если вас назначили на должность, то избавиться от вас уже невозможно — если, конечно, вы не совратите какую-нибудь студентку или не вляпаетесь в аналогичный скандал. — Филипп засмеялся.

— Здесь вы можете трахать студенток сколько вам угодно, — сказал Рингбаум без тени улыбки, — но если у вас слабовато с публикациями… — И он выразительно провел ладонью по горлу.

— Эй, Говард!

Рингбаума окликнул молодой человек в рубашке из черного шелка с выделкой и красным шейным платком. За ним шла по пятам потрясающая блондинка в нарядной розовой пижаме.

— Эй, Говард, кто-то мне сейчас сказал, что один тип из Англии попросил Хоугана представить его Карлу Крупу. Хотел бы я видеть реакцию нашего старого хрыча!

— Вот он тебе расскажет, — ответил Рингбаум. кивнув в сторону Филиппа.

— Боже мой! А вы, часом, не тот самый тип из Англии?

— Сай, дорогой, поосторожней с выражениями! — сказала женщина.

— Ах, извините, — ответил молодой человек. — Я зовусь Сай Готблатт. А это Белла. Если вы, глядя на ее наряд, подумаете, что она только что из постели, то вы будете недалеки от истины.

— Не обращайте на него внимания, — сказала Белла. — Как вам Эйфория?

Из двух вопросов, задаваемых ему гостями, этот был для него наиболее предпочтителен. Вторым же вопросом было: «Над чем вы работаете?»

— Над чем вы работаете, мистер Лоу? — спросил, снова налетев на Филиппа, Люк Хоуган.

— Люк! — крикнула миссис Хоуган, избавляя Филиппа от необходимости искать ответ. — Кажется, наконец, пришел Чарлз Бун!

По холлу пронеслось волнение, и все головы дружно повернулись к выходу. Бун действительно прибыл, с демонстративным пренебрежением одетый в майку и джинсы и в сопровождении надменной и импозантной девушки из банды «Черные пантеры», которой ночью предстояло выступить в его программе. Они уселись в углу с коктейлями «Кровавая Мэри» и соблаговолили дать аудиенцию профессорско-преподавательскому составу с женами: все гости, вытянув шеи, окружили их плотным восторженным кольцом. Девушка-пантера, правда, принимала в этом мало участия и лишь обводила холодным взглядом роскошную меблировку хоугановского дома, словно прикидывая, хорошо ли она будет гореть. Однако Бун с лихвой компенсировал ее неразговорчивость. Филипп, который вообще-то рассчитывал оказаться на этом вечере в центре внимания, стоял всеми забытый на задах этого маленького королевского двора. Огорченный, он вышел из гостиной на террасу. Там, опершись о перила и скучающе глядя на бухту, в одиночестве стояла женщина. Над бухтой развернулось

грандиозное зрелище: садилось солнце, и его багровый шар словно повис на гибких тросах подвесного Серебряного моста. Филипп остановился метрах в четырех от женщины.

— Чудесный вечер, — сказал он.

Она бросила на него быстрый взгляд и вновь продолжила созерцание заката.

— Да, — ответила она немного погодя.

Филипп нервно отхлебнул из бокала. В присутствии этой молчаливой, задумчивой женщины он чувствовал себя неловко и не мог вполне насладиться видом на бухту. И он решил вернуться в дом.

— Если вы идете в гостиную… — вдруг произнесла женщина.

— Да?

— Плеснете мне еще?

— Конечно, — ответил Филипп, беря у нее бокал. — Побольше льда?

— Побольше льда, побольше водки. Тоника не надо. И поищите под прилавком бара бутылку «Смирнофф». А стоящую на виду бутыль, купленную по дешевке, проигнорируйте.

Филипп послушно отыскал скрываемую от посторонних глаз бутылку и наполнил бокал, явно не рассчитав место, необходимое для льда,

который он (имея мало опыта в обращении с крепкими напитками) положил в последнюю очередь. Вдалеке по-прежнему безостановочно лилась речь Чарлза Буна, повествующего о своих планах телевизионных программ по искусству. «Все будет иначе… искусство в действии… установить камеру перед скульптором на месяц-другой, затем прогнать пленку со скоростью пятьдесят тысяч кадров в секунду, и можно будет видеть, как скульптура приобретает очертания… Поставить модель перед двумя художниками… взять две камеры, показывать процесс на разделенном пополам экране… увидеть контраст… продать картины с аукциона в конце программы…» Филипп добавил и себе в бокал джину с тоником и понес напитки на террасу.

— Спасибо, — сказала женщина. — Что, этот говнюк там все еще треплется и никак не может кончить?

— Да, это уж точно.

— Вы, я надеюсь, не из его поклонников?

— Решительно нет.

— Давайте за это выпьем.

И они за это выпили.

— Ого, — сказала женщина, — а вы мне неслабо налили.

— Я следовал вашим указаниям.

— От души, — сказала женщина. — Мы, кажется, не знакомы. Вы — приглашенный профессор?

— Да, я — Филипп Лоу, по обмену с профессором Цаппом.

— Вы сказали, Цаппом?

— А вы его знаете?

— Еще как. Это мой муж.

Филипп поперхнулся джином:

— А вы его жена?

— Вас это удивляет? Я что, слишком старая? Или слишком молодая?

— Нет-нет, — ответил Филипп.

— Что — нет?

В ее небольших зеленых глазах сверкнула насмешка. У нее были рыжие волосы, яркая, но не слишком привлекательная внешность и в целом не очень ухоженный вид. Ей можно было дать лет тридцать пять.

— Я просто удивился, — ответил Филипп. — Я полагал, что вы поехали в Раммидж вместе с мужем.

— А вы с женой сюда приехали?

— Нет.

Ее ответный жест подразумевал, что все его предположения не имеют под собой ни малей-

шего основания.

— Я бы хотел взять ее с собой, — сказал Филипп, — но мой визит был организован в очень короткий срок. К тому же у нас дети, так что были бы проблемы со школой и так далее. Да и дом не на кого оставить…

И он продолжал в том же духе и говорил, как ему показалось, несколько часов, будто отвечая на обвинение перед судом. И уже почувствовал, что несет явный вздор и никак не может остановиться, потому что миссис Цапп своим молчанием и насмешливым взглядом будто усугубляла его вину.

— А у вас есть дети? — спросил он наконец с отчаяньем.

— Двое. Близнецы. Мальчик и девочка. Девять лет.

— Ну, тогда вам понятны мои проблемы.

— Мне кажется, у нас с вами разные проблемы, мистер Лоу.

Она отвернулась лицом к заходящему солнцу, которое уже опускалось в море позади Серебряного моста, и сделала медленный глоток.

— А кстати, как отнеслась ко всему этому ваша жена, мистер Лоу? Ее тоже заботят дети с их школой, дом и все такое прочее? Она не была против

вашей поездки?

— Ну, мы, конечно, это тщательно обсудили… Принять решение было непросто… Последнее слово оставалось за ней… — (Он снова почувствовал, что его втягивает в воронку навязчивого самооправдания.) — Да что там говорить, для нее эта сделка очень невыгодна.

— Какая еще сделка? — резко спросила женщина.

— Ну, это просто оборот речи. Я хочу сказать, что я получил массу прекрасных возможностей, оплаченный отпуск, если хотите. А у нее жизнь почти не изменилась, разве что стала более одинокой. Да вы, наверное, и сами это почувствовали.

— Что я почувствовала, отправив Морриса в Англию? Блаженство, просто блаженство.

Филипп вежливо пропустил эту ремарку мимо ушей.

— Как хорошо растянуться в собственной постели. — сказала она, раскинув руки и обнаружив под мышками рыжую поросль, — когда никто не дышит тебе в лицо перегаром и не лапает между ног…

— Я, пожалуй, вернусь в гостиную, — сказал Филипп.

— Я вас сконфузила, мистер Лоу? Извините. Давайте поговорим о чем-нибудь еще. О виде на бухту. Не правда ли, он великолепен? У нас тоже есть вид из окна. Тот же самый. У всех в Плотине один и тот же вид, кроме нефов и белых голодранцев, у которых квартиры внизу. Если вы живете в Плотине, у вас должен быть вид из окна. Это первое, о чем спрашивают, когда покупают дом. Есть ли вид из окна. Один и тот же, разумеется. И нет никакого другого вида. Куда бы вы ни шли — на обед ли, на вечеринку, — дома будут разные, шторы на окнах разные, и все один и тот же долбаный вид. Мне иногда хочется взвыть.

— Ну, здесь я с вами не согласен, — сухо сказал Филипп. — Мне, наверное, он никогда не надоест.

— Но вы здесь не жили десять лет. Еще погодите. Как известно, тошнота подступает медленно.

— Я думаю, что после Раммиджа…

— А что это такое?

— Это город, откуда я приехал. И куда уехал ваш муж.

— Да-да, припоминаю… как вы сказали — Срам-мидж?

— Раммидж.

— А мне что-то другое послышалось. — Она

чересчур громко рассмеялась и пролила себе на платье водку. — Черт. Ну и что такое Раммидж? Моррис все его расхваливал, а другие говорят, что это гнусная дыра.

— И то и другое — преувеличение, — сказал Филипп. — Это большой промышленный город со всеми его преимуществами и недостатками.

— И в чем же преимущества?

Филипп напряг память, но ничего не смог назвать.

— Мне пора вернуться в дом, — сказал он. — Я еще мало с кем познакомился.

— Расслабьтесь, мистер Лоу. Вы еще не раз их увидите. Одни и те же люди ходят на одни и те же вечеринки в одни и те же дома. Расскажите что-нибудь о Сраммидже. Или нет, лучше о своей семье.

Филипп предпочел откликнуться на первую просьбу.

— Ну, не все у нас так плохо, как думают некоторые, — сказал он.

— У вас в семье?

— Нет, в Раммидже. Там есть приличная картинная галерея, и симфонический оркестр, и драмтеатр, и кое-что еще. И за город выехать легко.

Миссис Цапп снова погрузилась в молчание, опять вынудив его слушать свой голос, которому явно недоставало искренности. Он терпеть не мог концертов, редко ходил в картинную галерею и лишь раз в году осчастливливал своим присутствием драмтеатр. А эти унылые вылазки за город по воскресеньям после обеда? И в чем же преимущество города, из которого можно легко сбежать?

— Школы у нас очень неплохие, — сказал он. — Ну, то есть найдется одна-другая…

— Школы? Похоже, они вам покоя не дают.

— А разве вы не считаете, что образование чрезвычайно важно?

— Нет. Я думаю, что, помешавшись на образовании, мы сами роем себе могилу.

— То есть как?

— Каждое поколение получает образование, позволяющее ему заработать деньги на образование следующего поколения, и никто ничего не делает с самим образованием. Вы выбиваетесь из сил ради образования ваших детей, чтобы они выбивались из сил ради образования своих детей. И в чем тут смысл?

— Ну, вы то же самое можете сказать о браке и семье.

— Вот именно! — воскликнула миссис Цапп. — Вот именно! — И тут она внезапно посмотрела на часы и сказала: — О Господи! Мне давно пора, — из чего стало ясно, что это Филипп ее задерживает.

Не желая произвести впечатление театральным выходом в гостиную в компании миссис Цапп, Филипп попрощался с ней и задержался на террасе. Выждав, когда она, по его расчету, покинет сцену, он собрался присоединиться к гостям и найти дружественно настроенных людей, которые подбросят его домой, а может быть, и пригласят к себе на ужин. Но в этот момент до него дошло, что в доме воцарилась странная тишина. Встревоженный, он поспешил войти в гостиную и обнаружил, что там нет никого, кроме темнокожей женщины, которая собирала пепельницы. Несколько секунд они молча смотрели друг на друга.

— Э… а где все? — пробормотал Филипп.

— Ушли домой.

— Как? И хозяева? — возразил Филипп. — А я хотел попрощаться.

— Они, наверное, поехали куда-нибудь перекусить, — сказала женщина, пожав плечами, и возобновила свой медленный обход гостиной.

— Черт, — сказал Филипп. Он услышал, что на улице кто-то заводит машину, и выбежал из входной двери как раз в тот момент, когда миссис Цапп отъехала от дома в большом белом фургоне.

Моррис Цапп стоял у окна своего кабинета в Раммидже с сигарой в зубах (предпоследней из того запаса, что он привез с собой) и прислушивался к шагам людей, снующих мимо его двери. Наступило время чаепития, и Моррис раздумывал, вернуться ли ему с чашкой к себе в комнату или же выпить ее в профессорской, где остальные преподаватели непременно соберутся в противоположном углу посплетничать и будут бросать на него косые взгляды поверх газет. Он с тоской смотрел на главный двор кампуса — поросший травой четырехугольник, теперь слегка припорошенный снегом. Уже несколько дней подряд погода колебалась между заморозками и оттепелью, так что было непонятно, какого рода осадки заполняют атмосферу — дождь, снег или туман. Тусклый красноватый глаз солнца, с трудом забиравшегося чуть-чуть повыше крыш, безрадостно маячил над городом, едва просвечивая сквозь мглу и покрывая ржавыми пятнами присыпанные снегом поверхности. «Не погода, а

трагическое недоразумение», — подумал Моррис. И в этот момент раздался стук в дверь.

Он вздрогнул и оглянулся. *Стук в дверь!* Наверное, по ошибке. Или его уже подводит слух? В темной комнате — а он еще не успел включить свет — это впечатление еще более усугублялось. Но нет — стук в дверь повторился.

— Войдите! — сказал он хриплым голосом и прокашлялся. — Войдите! — Устремившись к двери поприветствовать гостя и включить свет, он налетел на стул и выронил сигару, которая колбаской закатилась под стол. Он нырнул за ней вслед, и в этот момент дверь отворилась. Из коридора в комнату проник косой луч света, но сигары не высветил. Женский голос неуверенно спросил:

— Профессор Цапп?

— Да-да, входите. Вы не можете включить свет? Свет зажегся, и женщина охнула:

— Где вы?!

— Под столом. — Перед Моррисом остановилась пара громоздких сапог с меховой опушкой, а над ними — обветшалый подол шубы. Ко всему этому через мгновение добавилось перевернутое женское лицо с красным носом и тревожным взглядом. — Я сейчас, — сказал он. — Я здесь где-то

сигару потерял.

— Ах ты, Боже мой, — не моргая, сказала женщина.

— Мне не столько сигары жалко, — объяснил Моррис, ворочаясь на корточках под столом, — сколько ковра… Дьявол!!!

Резко отдернув от жгучей боли руку, Моррис торопливо стал выбираться из-под стола и с ходу налетел головой на перекладину. С беззвучными проклятьями он заковылял по комнате, засунув правую руку под левую подмышку и обхватив правый висок левой рукой. Краем глаза он успел заметить, что женщина в шубе отпрянула от него и спрашивает, что случилось. Он рухнул в кресло и слабо застонал.

— Я зайду в другой раз, — сказала женщина.

— Нет-нет, не покидайте меня! — вскричал Моррис. — Возможно, мне понадобится медицинская помощь.

Над ним снова нависла шуба, и ее обладательница уверенным движением отняла его руку от виска.

— У вас здесь будет шишка, — сказала женщина, — но кожа не повреждена. Лучше всего

приложить ведьмин орех. [9]

— Можете порекомендовать хорошую ведьму?

Женщина хихикнула.

— По-моему, с вами все не так плохо, — сказала она. — А что с рукой?

— Сигарой обжег. — Моррис вытащил пострадавшую руку из-под мышки и бережно развернул ладонь.

— Ничего не вижу, — прищурившись, сказала женщина.

— Да вот же! — Он указал на едва заметную припухлость у основания большого пальца.

— Ну, это маленькое пятнышко лучше всего вообще не трогать.

Взглянув на нее с упреком, Моррис поднялся из кресла и подошел к письменному столу за новой сигарой. Зажигая ее дрожащими пальцами, он приготовился сострить о том, как с помощью сигары прийти в себя после происшествия с сигарой, но, повернувшись, увидел, что женщина исчезла. Пожав плечами, он пошел закрыть дверь, но по дороге споткнулся о пару торчащих из-под стола сапог.

— Что вы там делаете? — спросил он.

---

[9] Примечания: 9

Английское название гаммамелиса, средства, используемого при ушибах.

— Ищу вашу сигару.

— Да Бог с ней, с сигарой.

— Конечно, — послышался приглушенный ответ, — особенно если это не ваш ковер.

— Но если на то пошло, он и не ваш.

— Это ковер моего мужа.

— Вашего мужа?

Женщина, больше похожая на бурого медведя, выбирающегося после зимней спячки из берлоги, пятясь задом, медленно вылезла из-под стола. Двумя пальцами затянутой в перчатку руки она держала измочаленный сигарный окурок.

— Извините, я не успела представиться, — сказала она. — Я Хилари Лоу. Жена Филиппа.

— О! А я Моррис Цапп. — Он улыбнулся и протянул руку. Миссис Лоу положила в нее окурок.

— Кажется, ковер не пострадал, — сказала она. — А ковер этот неплохой. Индийский. Достался Филиппу от бабушки. Ну, значит, здравствуйте, — добавила она неожиданно, сдергивая перчатку и протягивая Моррису руку. Моррис, едва успев избавиться от потухшей сигары, ответил на рукопожатие.

— Рад с вами познакомиться, миссис Лоу. Может быть, снимете шубу?

— Спасибо, я ненадолго. Извините, что без при-

глашения, но мой муж спрашивает в письме об одной из книг. Просит ему переслать. Он думает, что она где-то здесь. Вы не против, если я… — и она указала на книжные полки.

— Пожалуйста! Давайте я вам помогу. Как называется книга?

Она слегка покраснела.

— Он говорит, что название — «Как написать роман». Только непонятно, зачем она ему понадобилась.

Моррис усмехнулся, а потом сдвинул брови.

— Может, собирается писать роман, — сказал он, а про себя подумал: «Бог в помощь студентам курса номер триста пять».

Всматриваясь в книжные полки, миссис Лоу скептически хмыкнула. Затянувшись сигарой, Моррис бросил на нее любопытный взгляд. Довольно трудно было определить, что за женщина скрывается под шерстяным платком, огромной бесформенной шубой и неуклюжими сапогами на молниях. Снаружи осталось только круглое непримечательное лицо с румянцем на щеках, покрасневшим носом и наметившимся двойным подбородком. Красный нос, очевидно, был следствием простуды, поскольку женщина то и дело потихоньку им шмыгала и вытирала его

бумажным носовым платком. Моррис подошел к книжным полкам.

— Значит, вы не поехали с мужем в Эйфорию?

— Нет.

— Почему же?

Она посмотрела на него с такой неприязнью, как будто он поинтересовался, какую марку гигиенических прокладок она предпочитает.

— По ряду личных причин.

«Ага, и спорю, что одна из них — это ты, голубка», — сказал Цапп, но только самому себе. А вслух он спросил:

— А кто автор?

— Филипп не помнит. Эту книгу он купил на книжном развале за пять пенсов несколько лет тому назад. Кажется, она в зеленой обложке.

— Зеленая обложка… — Моррис провел указательным пальцем по корешкам книг. — Миссис Лоу, могу я задать вам вопрос, касающийся вашего мужа?

Она тревожно взглянула на него.

— Ну, я не знаю… Смотря какой…

— Видите вон тот шкаф у вас над головой? В нем лежит сто пятьдесят семь банок из-под табака. Одной и той же марки. Число я знаю точно, потому что я их пересчитал. Они свалились мне

на голову.

По губам миссис Лоу пробежала легкая тень улыбки.

— Надеюсь, голова не пострадала?

— Нет, банки были пустые. Но мне интересно, зачем ваш муж собирает их?

— Я думаю, он их не собирает. Просто не может заставить себя выбросить. С ним это бывает. Это все, что вы хотели знать?

— Да, пожалуй. — И все-таки оставалось непонятным, почему человек, употребляющий так много табаку, покупает его маленькими баночками, вместо того чтобы завести себе большую квадратную жестянку вроде той, что стоит на столе у Люка Хоугана. Но этот вопрос, возможно, окажется для миссис Лоу чересчур интимным.

— Похоже, книги здесь нет, — сказала она со вздохом. — Да мне уже и пора…

— Я ее поищу.

— Да что вы, не беспокойтесь. Может, она не так уж и нужна. Извините, что помешала вам.

— Что вы, что вы. Сказать по правде, меня здесь редко кто навещает.

— Ну что ж, приятно было с вами познакомиться, профессор Цапп. Надеюсь, в Раммидже вам понравится. Будь Филипп здесь, я бы пригласила

вас как-нибудь на обед, но поскольку…

— Но если бы ваш муж был здесь, то меня не было бы, — заметил Моррис.

Это озадачило миссис Лоу. Несколько раз она открывала рот, но так ничего и не сказала. Наконец, со словами «Не буду больше вас задерживать», она быстро удалилась, закрыв за собой дверь.

— Бесчувственная сучка, — пробурчал Моррис. Он не столько мечтал о ее обществе, сколько жаждал домашнего обеда. Ему уже стали приедаться все эти замороженные полуфабрикаты и китайские ресторанчики, но Раммидж, похоже, больше ничего не мог предложить одинокому мужчине.

Спустя пять минут он обнаружил «Как написать роман». У книги отлетел корешок, и поэтому они с миссис Лоу ее не заметили. Опубликована она была в двадцать седьмом году и входила в книжную серию, другие выпуски которой назывались «Как выткать ковер», «Пойдемте на рыбалку» и «Веселый фотограф». Книга начиналась словами: «В каждом романе должна быть какая-нибудь история». «Ну конечно: а как же иначе», — ядовито откомментировал Моррис.

Истории бывают трех типов: история со счастливым концом, история с несчастливым концом и история, которая не имеет ни счаст-

ливого, ни несчастливого конца, или, другими словами, вообще не имеет конца.

Аристотель жив! Книга невольно заинтриговала Морриса. Он открыл титульный лист, чтобы узнать имя автора. «А. Дж. Бимиш, автор романов «Прекрасная, но холодная дева», «Жуткая тайна», «Глинис Гленская» и т. д. и т. д.». Он продолжил чтение.

Наилучшая история — та, что имеет счастливый конец; затем идет история с несчастливым концом, а история, которая не имеет конца, — наихудшая. Начинающему писателю рекомендуется иметь дело с наилучшей историей. Запомните: если у вас нет таланта, не стоит и браться за другие истории.

— А в этом что-то есть, Бимиш, — пробормотал Моррис. Возможно, такой бесхитростный разговор и не повредит слушателям курса триста пять, этим разленившимся самонадеянным засранцам, которые думают, что могут в два счета написать Великий Американский Роман, стоит им только, изменив имена, напечатать на машинке свои откровения. Он отложил книжку на потом. А прочитав ее, он отнесет ее миссис Лоу поближе к обеду и, стоя на пороге, будет судо-

рожно сглатывать слюну. У Морриса был нюх на женщин, умеющих готовить, и он хвастался тем, что определяет их в толпе так же быстро, как и легкодоступных девиц (эти два качества редко соединяются в одном человеке). Вот и миссис Лоу: вкусная и здоровая пища, прогнозировал он, без всяких причуд, зато порции будут щедрые.

В дверь постучали.

— Войдите! — с нетерпением сказал он, ожидая, что миссис Лоу сжалилась и вернулась пригласить его отведать на ужин цыпленка. Но оказалось, что стучал невысокий, энергичный пожилой человек с густыми усами и блестящими пуговками глаз. На нем был твидовый пиджак, замысловато усеянный пятнами. Человечек вбежал в комнату и распростер объятия:

— Мнэ-мнэ-мнэ, мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-мнэ, мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-мнэ, — заблеял он. — Мнэ-мнэ-мнэ-мнэ мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-Мастерс. — Схватив Морриса за руки, он с силой затряс их. — Мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-Цапп? Мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-нормально? Мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-чашку чая? Мнэ-мнэ-мнэ-мнэ-очень рад.

Он перестал блеять, склонил голову к плечу и прикрыл один глаз. Моррис вычислил, что перед ним не кто иной, как заведующий английской

кафедрой, вернувшийся из Венгрии с кабаньей охоты и приглашающий его угоститься чаем в профессорской комнате.

Очевидно, возвращение профессора Мастерса и было тем сигналом, которого дожидались остальные преподаватели. Как будто существовало какое-то загадочное табу, воспрещавшее им знакомство до тех пор, пока вожак лично не примет Морриса в стаю. Теперь же, в профессорской, они поспешили к нему, и окружили его стул, и стали улыбаться и заговаривать с ним, подливая ему чаю и поднося шоколадное печенье, расспрашивая о полете, о здоровье, о том, над чем он работает, давая запоздалые советы насчет жилья и потихоньку переводя ему нечленораздельные словоизлияния Гордона Мастерса.

— Как вы понимаете, что говорит ваш шеф? — спросил Моррис Боба Басби, молодцеватого бородача в двубортном пиджаке, с которым они вместе шли к автомобильной парковке — вернее сказать, бежали, поскольку короткие ноги Цаппа едва поспевали за стремительной поступью Басби.

— Наверное, мы просто привыкли.

— У него что, волчья пасть или что-то в этом роде? Или ему усы на зубы попадают?

Басби прибавил шагу.

— Он вообще-то отличный мужик, — сказал он с легким упреком.

— Неужели? — переводя дыхание, усомнился Моррис.

— Ну, был. Так говорят. Перед войной подавал большие надежды как ученый. Потом попал в плен под Дюнкерком. [10] С этим приходится считаться…

— А какие у него публикации?

— Никаких.

— Никаких?

— По крайней мере, их до сих пор не обнаружили. У нас когда-то был студент по фамилии Бун, так он организовал библиографическое соревнование — найти публикации Гордона. Студенты облазили всю библиотеку и вышли ни с чем. А Бун выиграл пари. — Он издал короткий резкий смешок. — Да, Бун был парень что надо. Интересно, где он теперь?

Моррис уже совсем выдохся, но его подхлестывало любопытство.

---

[10] Примечания: 10

Город во Франции, порт в проливе Па-де-Кале. Здесь в 1940 году, во время Второй мировой войны, происходила эвакуация английских, французских и бельгийских войск в Великобританию (т. н. Дюнкеркская операция).

— А как получилось, — спросил он, заглатывая на бегу воздух, — что Мастерс стал завкафедрой?

— Это было еще до войны. Конечно, Гордон был слишком молод для заведующего. Но тогдашний проректор был рыболов-охотник. Пригласил всех претендентов на этот пост к себе в Йоркшир пострелять куропаток. Естественно, Гордон произвел на него впечатление. А еще рассказывают, что у наиболее вероятного кандидата что-то случилось с ружьем. Или что Гордон его подстрелил. Сам я в это не верю.

Дальше бежать Моррис был не в силах.

— В следующий раз расскажете мне об этом подробнее! — прокричал он вслед фигуре, удаляющейся в полумрак плохо освещенной стоянки.

— Хорошо, до свиданья, до свиданья! — Судя по шороху гравия под ногами, Басби перешел на рысь, и Моррис остался в потемках один. Похоже, огонек дружелюбия, затеплившийся было с возвращением Мастерса, угас так же быстро, как он и разгорелся.

Но на этом переживания долгого дня не закончились. В тот же вечер он познакомился еще с одним домочадцем О'Шея, до сих пор скрывавшимся от его глаз. В урочный час доктор постучал в дверь и пропихнул вперед себя неряшливую, но

не лишенную сексапильности девицу подросткового возраста с волосами цвета воронова крыла и осунувшимся лицом, которая покорно стала посреди комнаты, ломая пальцы и поглядывая на Морриса сквозь длинные черные ресницы.

— Это Бернадетта, мистер Цапп, — мрачно сказал О'Шей. — Вы, наверное, уже ее видели.

— Нет. Привет, Бернадетта, — сказал Моррис.

— Скажи джентльмену «добрый вечер», Бернадетта, — проговорил О'Шей, подтолкнув девушку локтем, отчего она отлетела в другой конец комнаты.

— Добрый вечер, сэр, — сказала Бернадетта, неловко приседая в поклоне.

— Манер малость недостает, мистер Цапп, — пояснил О'Шей громким шепотом. — Но будем снисходительны. Еще месяц назад она доила коров в деревне. Женушкина родня. Держат ферму.

Моррис сообразил, что Бернадетта появилась в доме О'Шеев в качестве бесплатной домашней прислуги. И вместо награды за хорошее поведение доктор привел ее с собой посмотреть цветной телевизор.

— Вам это не очень неудобно, мистер Цапп?

— Нет-нет, нисколько. Что ты хочешь посмотреть, Бернадетта? Хит-парад?

— Пожалуй, нет, мистер Цапп, — сказал О'Шей. По «Би-би-си-2» сейчас будет документальный фильм о «Страдающих сестрах», а у Бернадетты тетя в этом монашеском ордене. Мы по своему телевизору не можем «Би-би-си-2» поймать.

Морриса не привлек подобный вариант вечернего времяпрепровождения, поэтому, включив телевизор, он удалился в спальню с номером полученного по почте «Плейбоя». Раскинувшись на смертном ложе миссис О'Шей-старшей, он окинул взглядом знатока бюст Мисс Январь и углубился в красочную статью о спортивных автомобилях, в которой шла речь и о только что заказанной им марке «лотус-Европа». По прибытии в Англию Моррис сам себе обещал небольшое вознаграждение — новую спортивную машину на замену «шевроле-корвету», который он приобрел в шестьдесят пятом году, как раз за три дня до того, как Ральф Надер опубликовал свою нашумевшую книгу «Опасность при любой скорости», отчего уже наутро стоимость машины упала на полторы тысячи долларов, а Моррис лишился всякого удовольствия от обладания ею. Он оставил Дезире указание продать «корвет» за любую цену; понятно, что сумма будет невелика, зато он сэкономит, купив «лотус» в Европе и переправив

его в Америку. «Плейбой», с удовольствием отметил Моррис, хорошо отозвался о «лотусе».

Выйдя в гостиную за сигарой, он увидел, что О'Шей перед телевизором заснул, а Бернадетта сидит в мрачной тоске. На экране толпа снятых со спины монашек исполняла религиозный гимн.

— Тетю показали? — поинтересовался Моррис. Бернадетта покачала головой. В дверь постучали, и кто-то из потомства О'Шеев просунул в щель голову.

— Будьте добры, сэр, передайте моему папе, что звонил мистер Райли сказать, что у миссис Райли опять припадок.

Подобные вызовы были обычным явлением в жизни доктора О'Шея, и ему приходилось проводить огромное количество времени в дороге — по сравнению, скажем, с американскими врачами, которые, насколько Моррис мог судить, приезжали к вам на дом лишь в том случае, если вы были уже мертвы. Пробудившись от дремоты, О'Шей удалился, вздыхая и бормоча что-то себе под нос. Он предложил забрать Бернадетту, но Моррис сказал, что она может остаться и досмотреть передачу. Он вернулся в спальню и через несколько минут услышал, что заунывное песнопение резко сменилось на заводной ритм очередного хита

новомодной группы. Что ж, Ирландия еще не безнадежна!

Еще через несколько мгновений на лестнице загрохотали чьи-то шаги, и звук в телевизоре переключился на церковный распев. Моррис вышел в гостиную, и в этот же момент из противоположной двери в комнату влетел О'Шей. Бернадетта съежилась на стуле, глядя на обоих мужчин и словно прикидывая, от кого из них ей достанется в первую очередь.

— Мистер Цапп, — задыхаясь, сказал О'Шей, — бьюсь как проклятый, а машина не заводится! Могу я попросить вас подтолкнуть ее? Миссис О'Шей могла бы это сделать, но она сейчас кормит ребенка.

— Может, возьмете мою машину? — спросил Моррис, протягивая ключи.

У О'Шея отвисла челюсть.

— Да это просто божеская щедрость, мистер Цапп, но как я могу взять на себя такую ответственность?

— Будет вам. Я же напрокат эту машину взял.

— А страховка? — И О'Шей принялся рассуждать об этом с такой обстоятельностью, что Моррис стал опасаться за жизнь миссис Райли и прекратил дискуссию, предложив подвезти

О'Шея. Рассыпаясь в благодарностях, доктор устремился вниз по лестнице, успев крикнуть через плечо Бернадетте, чтобы она ушла из комнаты Морриса.

— Сиди сколько хочешь, — сказал Моррис девушке и вышел вслед за доктором.

Указывая Моррису дорогу по плохо освещенным переулкам, О'Шей щедро расхваливал его машину, ничем не примечательный и довольно маломощный «остин», взятый напрокат в лондонском аэропорту. Моррис с трудом представлял себе, какова будет реакция О'Шея, когда он подъедет к дому на «лотусе» цвета жженого апельсина с его черными кожаными ковшеобразными сиденьями, дистанционно управляемыми фонарями, фарами под защитными козырьками, элегантными боковыми зеркалами и восьмипрограммной стереомагнитолой. Матерь Божья, да его на месте удар хватит!

— Еще немного вперед, а потом налево, — сказал доктор О'Шей. — А вот и мистер Райли у двери, встречает нас. Дай вам Бог здоровья, мистер Цапп! В такое время не пожалели себя и помогли мне добраться!

— Рад был помочь, — ответил Моррис, подъехав к дому и пресекая попытки взволнованного ми-

стера Райли, явно перепутавшего, кто тут врач, вытащить его из-за баранки.

Все это было совершенно нетипичным для Морриса благодеянием. И осознание этого все глубже проникало в его душу, когда он сидел в холодной и унылой прихожей Райли, дожидаясь, пока О'Шей закончит оказание медицинской помощи, и когда он вез его домой по темным улицам, вполуха слушая устрашающий рассказ о болезни миссис Райли. Он припомнил события сегодняшнего дня — как он помог миссис Лоу в поисках книги для мужа, позволил ирландской девчушке посмотреть свой телевизор, доставил О'Шея к пациентке — и удивился: что это на него нашло? Какая-нибудь ползучая английская болезнь, воспаление чуткости? Надо быть поосмотрительней.

Идти от Хоуганов Филиппу было не так уж далеко, но когда начался дождь, он пожалел, что не вызвал такси. Пожалуй, ему придется всерьез подумать о машине. До сих пор он тянул с этим делом, не желая связываться с американскими продавцами подержанных машин, наверняка более нахальными, алчными и коварными, чем их английские собратья. Добравшись наконец до дома в Пифагоровом проезде, он обнаружил,

что забыл ключи от входной двери — только этого ему не хватало напоследок, после того как вечер уже изрядно испортили Чарлз Бун и миссис Цапп. К счастью, в доме кто-то был, судя по доносившейся оттуда негромкой музыке. Однако давить на звонок ему пришлось довольно долго. Наконец дверь отворилась на ширину дверной цепочки, и в проеме показалось испуганное лицо Мелани Бирд. При виде Филиппа она с облегчением улыбнулась:

— А, привет! Это вы!

— Простите ради Бога: оставил дома ключ.

Распахнув дверь, Мелани крикнула через плечо:

— Спокойно! Это всего лишь профессор Лоу! — и пояснила со смешком:

— А мы думали, это легавый. Мы курили.

— Курили? — Тут до его ноздрей дошел едкий сладковатый запах, и он наконец догадался. — А, ну конечно.

«Конечно» прозвучало как попытка продемонстрировать невозмутимость, что на деле обернулось крайним смущением.

— Хотите присоединиться?

— Спасибо, но я не курю. В том смысле, что…

Филипп запнулся. Мелани рассмеялась:

— Ну, хоть кофе выпейте. Травка — по желанию.

— Большое спасибо, но я лучше чего-нибудь перекушу.

Мелани, он не мог не заметить, в этот вечер выглядела особенно привлекательно в своем длинном белом платье балахоном, с распущенными волосами и сияющими, широко раскрытыми глазами.

— Для начала, — добавил он.

— Там с ужина пицца осталась. Если вы едите пиццу.

Конечно, заверил он ее, он просто обожает пиццу. И он последовал за Мелани через прихожую в гостиную на первом этаже, залитую ярким оранжевым светом низко висящей лампы в круглом бумажном абажуре и обставленную приземистыми столиками, тюфяками, подушками, надувным креслом и грубо сколоченными книжными полками — тут же стоял дорогой на вид музыкальный центр, из которого лилась меланхоличная индийская мелодия. В комнате были три молодых человека и две девушки. С последними, Кэрол и Дидри, соседками Мелани, Филипп был уже знаком. Мелани мимоходом представила ему молодых людей, чьи имена он

сразу же забыл и стал различать их по замысловатой одежде — один был в военной униформе, другой в ковбойских сапогах и драном замшевом пальто по щиколотку, а третий в черном кимоно; он и сам был такого же цвета и вдобавок в темных очках в черной оправе — на тот случай, если у вас возникнут сомнения относительно его ориентации в расовых вопросах.

Филипп уселся на один из тюфяков, почувствовав, как при этом вздыбился до ушей его английский пиджак. Он сбросил его и расслабил узел галстука в несмелой попытке вписаться в столь элегантно экипированное общество. Мелани принесла ему пиццу, а Кэрол налила терпкого вина из большой бутыли в проволочной оплетке. Он принялся за еду, а другие пустили по кругу то, что, кажется, называлось «косяком». Расправившись с пиццей, он поспешно закурил трубку, таким образом исключив себя из числа принимающих наркотик. Пуская в потолок клубы дыма, он с юмором описал — и это было хорошо принято, — как он остался один-одинешенек в доме Хоуганов.

— Так что, вы пытались закадрить эту дамочку? — спросило Черное Кимоно.

— Нет-нет, я просто с ней разговорился. Кстати,

она жена того человека, которого я здесь замещаю. Профессора Цаппа.

Мелани встревожилась:

— Я этого не знала.

— А вы с ним знакомы? — спросил Филипп.

— Немного.

— Да он фашист, — сказала Военная Униформа. — Это всему кампусу известно. Кто ж Цаппа не знает.

— Я как-то ходил на его лекции, — сказал Ковбой. — Зарезал мне курсовую, с которой я у других препов «отлично» получал. Я так ему и сказал.

— А он что?

— Послал меня на хер.

— Во дает! — Черное Кимоно залилось смехом.

— А у Крупа знаете как? — спросила Военная Униформа. — У него студенты сами себе оценки ставят.

— Да будет заливать, — сказала Дидри.

— Ей-Богу, клянусь вам.

— Ну и конечно, все себе высший балл лепят? — спросило Черное Кимоно.

— Вы будете смеяться, но нет. И даже нашлась одна деваха, которая сама себя завалила.

— Иди ты!

— Да говорю вам. Круп пытался ее отговорить,

сказал, что уж троечку можно поставить, но она ни в какую.

Филипп поинтересовался у Мелани, учится ли она в Эйфорийском университете.

— Училась. Сейчас у меня вроде академки.

— Бессрочной?

— Нет. Ну, я не знаю. Может, и так.

Как оказалось, все они в прошлом имели отношение к университету, но, как и Мелани, рассказывали об этом неохотно и так же уклончиво говорили о планах на будущее. Жили они исключительно настоящим. Филиппу, вечно с тревогой всматривающемуся в неведомое будущее и с беспокойством оглядывающемуся на прошлое, понять их было почти невозможно. Но с ними было интересно. И легко.

Он обучил их игре, изобретенной им еще в аспирантские годы: согласно правилам, нужно было вспомнить книгу, которую ты не читал; при этом, если находился кто-то, кто читал ее, то очко доставалось тебе. Военная Униформа в компании с Кэрол сразу вышли в победители, набрав по четыре очка из пяти возможных за книги «Степной волк» Гессе и «История О» Реаж соответственно, причем Филипп и в том и в другом случае лишил их последнего очка. Его выбор — «Оливер Твист»,

всегдашний залог победы — привел к коллективной ничьей.

— Как, вы сказали, называется игра? — спросила его Мелани.

— «Уничижение».

— Классное название… Уничижение…

— Да, нужно себя унизить, чтобы выиграть. Или чтобы не дать выиграть другим. Напоминает систему оценок вашего Крупа.

По кругу пустили еще один косяк, и теперь Филипп пару раз затянулся. Ничего особенного с ним не случилось, но весь вечер он то и дело прикладывался к стакану, пытаясь попасть в ритм все круче раскручивающейся тусовки, которая все более начинала походить на сеанс групповой психотерапии. Понятие это было незнакомо Филиппу, и молодые люди наперебой принялись объяснять:

— Ну это, типа, когда отпускаешь все тормоза.

— Избавляешься от одиночества, от страха любви.

— Начинаешь чувствовать свое тело.

— Понимаешь, что на самом деле тебя достает.

И они рассказали пару занятных историй.

— Самое трудное — вначале, — сказала Кэрол. — Когда ты весь такой зажатый и не знаешь, куда

себя деть.

— А я был на одной групповухе, — сказала Военная Униформа, — так там нельзя было понять, кто ведущий, а он себя и не обнаруживал, типа так и надо, и мы битый час в молчанку играли.

— Похоже на мои семинары, — вставил Филипп. Но они так увлеклись темой, что шутки не оценили.

Кэрол сказала:

— А у нас был ведущий, так он знал, как народ встряхнуть. Все должны были выложить содержимое своих кошельков и бумажников на стол. Полное саморазоблачение, выворачиваешь себя наизнанку, все видят, что ты там прячешь: презервативы, тампакс, старые любовные письма, памятные медали, похабные картинки и прочую муру. Это было как откровение, полный отпад. Там у одного чувака была фотография мужика на пляже — абсолютно голого и с пистолетом в кобуре. Оказалось, его папаша. Как вам это?

— Балдеж! — сказала Военная Униформа.

— А ну-ка давайте попробуем, — сказал Филипп, кидая в круг свой бумажник.

Кэрол высыпала его содержимое на пол.

— Пустой номер, — сказала она. — То, что там и должно быть. Все очень скучно и пристойно.

— Такой я и есть, — вздохнул Филипп. — Ну, кто следующий? — Но ни у кого не оказалось при себе ни кошелька, ни бумажника.

— Да все это фигня, — сказал Ковбой. — А вот у нас в группе мы изучали язык тела…

— Это ваши дети? — спросила Мелани, перебирая фотографии. — Умненькие, только что-то грустные.

— Это потому, что я такой зажатый, — ответил Филипп.

— А это ваша жена?

— Она тоже зажатая. — Новое словечко ему явно понравилось. — У нас вообще вся семейка зажатая.

— Она симпатичная.

— Это старый снимок, — сказал Филипп. — Даже я тогда был симпатичный.

— А вы и сейчас симпатичный, — сказала Мелани. Она вдруг наклонилась и поцеловала его в губы.

И Филипп пережил ощущение, которого он не помнил уже лет двадцать, — это было теплое, тающее чувство, поднимающееся откуда-то из жизненно важной сердцевины его тела, доходящее до всех конечностей и нежно угасающее там. От этого единственного поцелуя пробудились

все нескладные восторги его юношеской чувственности и вся ее стыдливость. Не поднимая глаз на Мелани, не в силах вымолвить ни слова, он сконфуженно уставился на носки своих ботинок, чувствуя, как у него запылали уши. Трус! Дуралей!

— Смотрите, я покажу, что это такое, — сказал Ковбой, сбрасывая с себя замшевое пальто. Он встал и отгреб ногой лежащую на полу грязную посуду. Мелани собрала тарелки и понесла их на кухню. Филипп засеменил впереди, распахивая двери и радуясь предстоящему тет-а-тет над кухонной мойкой. Мытье посуды — это больше по его части, чем язык телодвижений.

— Мне мыть или вытирать? — спросил он и, встретив ее непонимающий взгляд, добавил: — Я помогу вам вымыть посуду.

— Да ну, я ее просто здесь оставлю — пусть отмокает.

— А я так и не прочь, — заискивающе сказал он, — я вообще люблю мыть посуду.

Мелани рассмеялась, показав два ряда белых зубов. Один из верхних резцов у нее был с кривинкой — пожалуй, единственный ее изъян. В своем длинном белом платье, присобранном под грудью и ниспадающем до пола, она была

неотразимо хороша.

— Да бросим все это здесь.

И он последовал за ней в гостиную. Там, посередине комнаты, стоял Ковбой спиной к спине с Кэрол:

— Вы будете общаться, касаясь друг друга телом, — пояснял он, сопровождая свои слова действием, — через спину, через лопатки.

— Через зад…

— Да, и через зад. У людей спины мертвые, просто мертвые, оттого что они их никак не используют, так ведь? — Ковбой уступил место Военной Униформе и начал инструктировать Дидри и Черное Кимоно.

— Хотите попробовать? — спросила Мелани.

— Хочу.

Ее спина уверенно и податливо прильнула к его академически сутулому хребту, а крепкая попка — к его обмершим от счастья тощим чреслам. Заброшенные назад волосы Мелани заструились по его груди, и все вокруг поплыло. Мелани захихикала:

— Эй, Филипп, ну и что вы хотите сказать мне вашими лопатками?

Кто-то пригасил свет и сделал погромче индийскую музыку, под которую пары стали качаться и

извиваться, прижимаясь друг к другу в пульсирующих оранжевых пронизанных дымом сумерках. Это было похоже на танец, и все они были танцоры, и одним из них был Филипп — наконец… Свободная импровизация дионисийского празднества, которого он так жаждал… Свершилось.

Мелани смотрела на него отсутствующим взглядом. Тело ее было во власти музыки, которую слушали ее веки, слушали ее соски, слушали кончики ее пальцев. Вот музыка стала едва слышной, но танцующие не теряли ритма. Она качалась, он качался, все они качались, кивая в такт головой, то замедляя, то ускоряя движения, повинуясь перебирающим струны пальцам, легкому барабанному перестуку, всем переходам и переливам тона и тембра. Темп музыки стал нарастать, струны зазвенели громче, а потом еще быстрее и громче, и в ответ тела закружились неистово, замелькали руки, защелкали пальцы, захлопали ладоши. Волосы Мелани, извивающейся в гибких поклонах, то заметали пол, то взлетали в потолок, рассыпаясь в оранжевом свете миллионом сверкающих нитей. Сиянье глаз, сверкание капелек пота, ожившие женские груди, шлепки соприкасающихся тел, резкие восторженные вскрики, пронизывающие дымную

пелену… Внезапно музыка остановилась, и все в изнеможении упали на подушки, задыхаясь, и обливаясь потом, и расплываясь в блаженных улыбках.

Следующим номером Ковбой показал им ножной массаж. Филипп улегся на пол лицом вниз, а Мелани прошлась босыми ногами по его спине, заставив его пережить острую смесь наслаждения и боли. И прямо сейчас, с вдавленным в пол лицом, вывернутой шеей и легкими, из которых выжат воздух, чувствуя, как его лопатки проваливаются в грудную клетку, а позвоночник скрипит, как дверь на ржавых петлях, он мог бы испытать оргазм без всяких затруднений — что ж, если подумать, кое-кто платит за это в борделях немалые деньги… И когда Мелани наступила ему на ягодицы, он тихонько застонал. Она соскочила с него.

— Больно?

— Нет-нет, совсем нет. Давайте еще!

— Теперь моя очередь.

Он стал отказываться — он и тяжелый, и неуклюжий, и не дай Бог сломает ей спину. Но она настояла на своем и распростерлась перед ним в своей белой одежде, как приносимая в жертву девственница. Что там бордели… Краешком

глаза он увидел Кэрол, которая подпрыгивала на могучей спине Черного Кимоно.

— Топчи меня, детка, топчи сильнее! — стонало Черное Кимоно.

В темном углу Ковбой и Военная Униформа проделывали над Дидри что-то столь необычное и экзотичное, что оттуда доносилось лишь усиленное пыхтенье и покрякивание.

— Ну давайте же, Филипп! — умоляющим голосом сказала Мелани.

Он разулся, снял носки и осторожно взобрался ей на спину, с помощью рук удерживая равновесие над мягкой податливой плотью и хрупкими косточками. Какое божественное наслаждение месить мозолистыми ногами нежное девичье тело… Такое, наверное, чувствуют давильщики винограда… Темная первобытная радость обладания этой покорной юной красотой явно пересиливала опасение за нежную грудь Мелани, расплющенную под его ногами и, судя по всему, не защищенную нижним бельем.

— Не больно?

— Нет, это просто кайф, это очень полезно для позвоночника!

Балансируя, он поставил одну ногу на ее талию, а другой стал нежно массировать ей ягодицы.

Ступня, как он теперь понял, была сильно недооцененной эрогенной зоной. И тут, потеряв равновесие, он соскочил со спины Мелани и наступил на чашку с блюдцем, от которых сразу же остались одни черепки.

— Ой! — вскрикнула Мелани, поднимаясь. — Ногу не порезали?

— Нет, но осколки лучше убрать. — Он сунул ноги в туфли и поспешил на кухню выносить мусор. Когда он ссыпал его в ведро, в кухню вбежал Ковбой и начал торопливо открывать дверцы шкафов и ящики буфетов. Он был одет лишь в короткие шорты.

— Где может быть салатное масло, Филипп?

— Что, народ проголодался?

— Да нет, мы сейчас все разденемся и натрем друг друга маслом. Никогда не пробовал? Полный улет! Ага, вот! — Он вытащил из буфета большую банку кукурузного масла и торжествующе подбросил ее в воздух.

— А соли с перцем не нужно? — вяло пошутил Филипп, но Ковбой уже убегал. — Пошли! — крикнул он через плечо. — Сейчас похиппуем!

Филипп медленно зашнуровал ботинки, думая, как ему поступить. Затем вышел в переднюю. Из полумрака гостиной доносились смех, восклица-

ния и звуки ситара. Дверь туда была нараспашку. Он в нерешительности постоял на пороге, затем развернулся, стал подниматься по лестнице, ведущей в его пустую квартиру, и по дороге тоскливо сказал сам себе: «Ты уже стар для подобных вещей, Лоу, ты только оконфузишься и будешь выглядеть полным идиотом, и вообще, подумай о Хилари». Другой же его голос вдруг произнес: «Херня» (слово, которому он сам удивился, даже произнеся его про себя). «Все это херня, Лоу, а когда ты вообще годился для подобных вещей? Ты просто струсил, ты боишься себя и своей жены! Подумай только, чего ты себя лишаешь — натереть салатным маслом Мелани Бирд, подумай только!» И, думая об этом, он остановился у своей двери, готовый вернуться в гостиную, и вдруг к удивлению своему увидел спешащую вверх по лестнице Мелани Бирд. Подбежав к нему, она шепотом спросила:

— Можно я у вас сегодня переночую? Я знаю, что у одного из парней недавно был триппер.

— Пожалуйста, — едва слышно пробормотал он и впустил ее в квартиру, мгновенно протрезвев. Сердце его застучало, а в животе что-то начало таять: что это? После двенадцати лет единобрачия он ляжет в постель с другой женщиной? И прямо

сейчас? Без подготовительных мероприятий, без переговоров? Он включил свет, и от яркой вспышки они оба зажмурились. Даже Мелани выглядела слегка смущенной.

— Где мне лучше лечь? — спросила она.

— Я и не знаю, а где вы хотите? — Он повел ее по квартире, распахивая перед ней двери, как гостиничный портье. — Это спальня, — сказал он, щелкая выключателем, и свет предъявил их взору непомерных размеров кровать, раскидываясь на которой по ночам он чувствовал себя, как на футбольном поле. — Или вот еще одна комната, где я работаю, но здесь тоже есть где лечь. — Он вошел в кабинет и сгреб с дивана книги и бумаги. — Он довольно удобный, — сказал он, надавливая на матрас растопыренными пальцами. — Выбирайте.

— Ну, это, наверное, зависит от того, хотите вы трахаться или нет.

Вздрогнув, Филипп наморщил лоб:

— Ну а сами вы что об этом думаете?

— Сказать по правде, я бы обошлась без этого. Ничего против вас не имею, но только чертовски устала. — Она медленно, по-кошачьи, зевнула.

— Ну раз так, ложитесь на моей кровати, а я буду спать здесь.

— Нет-нет, я лягу здесь, — сказала она и решительно опустилась на диван. — Все отлично, уверяю вас.

— Что ж, как хотите… ванная в конце коридора.

— Спасибо. Вы меня просто выручили.

— Ну что вы, — сказал Филипп и, пятясь, вышел из кабинета. Он даже и не знал, радоваться или огорчаться такому окончанию разговора. Эти сомнения не давали ему уснуть, и он долго еще раздраженно ворочался в своей гигантской кровати. Потом потихоньку включил радио, надеясь, что оно нагонит сон. Радио было настроено на ту волну, на которой он оставил его прошлой ночью, — на шоу Чарлза Буна. Девушка из «Черных пантер» как раз растолковывала позвонившему, как применять марксистско-ленинскую теорию революции в ситуации с угнетенными расовыми меньшинствами на высшей стадии промышленного капитализма. Филипп выключил радио. Немного погодя он пошел в ванную за аспирином. Дверь в кабинет была открыта, и недолго думая Филипп туда завернул. Мелани тихо и мирно спала — до него доносилось ее ровное, спокойное дыхание. Он сел за стол и включил лампу. Свет из-под абажура косо упал на спящую девушку,

на ее романтично разметавшиеся по подушке длинные волосы, на обнаженную свисающую до пола руку. Он так и сидел в пижаме, глядя на нее, пока у него не онемела нога. Он стал оттирать ее, и в этот момент Мелани открыла глаза и уставилась на него — сначала непонимающе, потом испуганно, а потом с сонным узнаванием.

— Я книгу искал, — сказал он, потирая ногу. — Что-то не спится. — Он нервно усмехнулся. — Не дает покоя мысль о том, что вы здесь…

Мелани приподняла угол одеяла, молчаливо приглашая его в постель.

— Вот спасибо, а вы правда не возражаете? — пробормотал он, словно в благодарность за то, что кто-то уступил ему место в переполненном вагоне. Диван действительно оказался узковатым, когда он туда забрался, и ему пришлось прижаться к Мелани, чтобы не свалиться с него. Прижаться к ней, такой теплой и без всякой одежды, было одно удовольствие. «О, — сказал он, — ах!» — но в целом не все получилось удачно. Она была в полусне, а его сильно отвлекала новизна ситуации. Он слишком рано кончил и доставил ей мало удовольствия. А потом, уже во сне, она обхватила руками его шею и прошептала «папочка». Он бережно выбрался из ее объятий и

вернулся к своей исполинской кровати. Но не лег на нее, а стал рядом на коленях, будто это был катафалк с убиенным телом Хилари, и спрятал лицо в ладони. О Господи, прости меня, грешного!

Нечто вроде вины испытывал в это время и Моррис Цапп, когда он, съежившись, стоял у своей двери, за которой слышались вопли Бернадетты и грозные поношения доктора О'Шея — последний при этом подвергал первую суровой каре с помощью брючного ремня, ибо застал ее за чтением непристойной книги — и не только за чтением, но и за рукоблудием, а подобные излишества (грохотал О'Шей) есть не только смертный грех, за который душа ее полетит прямиком в ад, случись ей помереть без исповеди (что, судя по ее крикам, не казалось таким уж невозможным), но и причина физического и умственного упадка, ведущего к слепоте, бесплодию, раку матки, нимфомании и параличу... Моррис переживал, поскольку упомянутой непристойной книгой был номер «Плейбоя», столь внимательно изученный им самим в тот вечер и позже предложенный Бернадетте. Возвратясь с О'Шеем от миссис Райли, он застал девушку с журналом: она рассматривала его перед мерцающим телевизионным экраном с таким увлечением,

что опоздала на долю секунды захлопнуть его и запихнуть под стул. Краснея и корчась от страха, она пробормотала какие-то извинения и бочком стала пробираться к двери.

— Тебе понравился «Плейбой»? — умиротворяющим тоном спросил он. Она нерешительно качнула головой. — Тогда возьми почитать, — сказал он и бросил ей журнал, который упал к ее ногам, открывшись на развороте, где Мисс Январь заманчиво выставила перед объективом свой зад. Бернадетта одарила его смущенной щербатой улыбкой.

— Спасибочки, мистер, — сказала она и, схватив журнал, испарилась.

Вопли сменились приглушенными всхлипываниями. Услышав на лестнице шаги разъяренного отца семейства, Моррис мгновенно уселся на стул и сделал погромче телевизор.

— Мистер Цапп! — воззвал к нему О'Шей, ворвавшись в комнату и встав между Моррисом и телевизором.

— Слушаю вас, — сказал Моррис.

— Мистер Цапп, меня не касается, какие книги вы читаете…

— Вы не можете чуть-чуть приподнять руку? — спросил Моррис. — Вы мне экран заслоняете.

О'Шей послушно поднял руку и стал напоминать человека, дающего клятву в суде. Яркая картинка из рекламы клубничного мусса зависла у него под мышкой, как какой-то неприличный пузырь.

— Я обращаюсь к вам с просьбой не приносить в дом порнографию.

— Порнографию? У меня даже и порнографа [11] нет, — сострил Моррис, уверенный, что О'Шей шутки не оценит.

— Я имею в виду отвратительный журнал, который Бернадетта утащила из вашей комнаты. Без вашего ведома, я полагаю.

Моррис не поддался на провокацию, сообразив, что мужественная Бернадетта его не выдала.

— Вы, часом, не о моем «Плейбое» говорите? Но это абсурд! «Плейбой» все что угодно, но только не порнография! Его даже священники читают. И пишут туда статьи.

— Это, наверное, протестанты, — с презрением сказал О'Шей.

— Верните мне его, пожалуйста, — сказал Моррис. — Журнал.

— Я уничтожил его, мистер Цапп, — сурово

---

[11] Примечания: 11

Автор порнографических произведений; намек на созвучие порнограф — биограф.

заявил О'Шей.

Моррис ему не поверил. Через полчаса он как пить дать будет сидеть над журналом где-нибудь в уголке, дрочить и пускать слюни над журнальными фотографиями. Но не девиц, а красочных бутылок виски и стереосистем…

Рекламный ролик по телевизору закончился, и пошли титры одного из любимых сериалов О'Шея в сопровождении столь знакомой ему музыкальной темы. Доктор скосил глаза на экран, не меняя позы оскорбленного достоинства.

— Может, сядете? — спросил его Моррис.

О'Шей медленно опустился в свое излюбленное кресло.

— Как вы понимаете, против вас я ничего не имею, мистер Цапп, — пробормотал он застенчиво. — Но миссис О'Шей не переживет, если узнает, что девушке попала в руки такая книга. Бернадетта — ее племянница, и моя жена несет ответственность за ее моральный облик.

— Ну, это понятно, — примирительным тоном сказал Моррис. — Виски или бурбон?

— Капелька виски не помешает, мистер Цапп. Извините, что я на вас так налетел.

— Забудем об этом.

— Мы с вами люди бывалые, конечно. Но юная

девушка, только что из деревни... Я думаю, нам всем будет спокойнее, если вы будете прятать всякую подстрекательскую литературу подальше.

— Вы думаете, она может залезть ко мне?

— Ну, она же заходит к вам убирать, когда вас нет.

— Да что вы?

Моррис доплачивал за эти услуги полтора фунта в неделю, сомневаясь при этом, что хоть часть этих денег перепадает Бернадетте. Встретившись с ней на лестнице следующим утром, он сунул ей фунтовую банкноту.

— Я так понял, что ты убираешь мои комнаты, — сказал он. — Ты молодец, хорошо стараешься.

В ответ она сверкнула щербатой улыбкой и вопросительно заглянула ему в глаза.

— Мне к вам прийти на ночь?

— Нет-нет, — решительно замотал он головой, — ты меня не так поняла. — Тут она услышала тяжелую поступь миссис О'Шей и побежала дальше. В другое время Моррис ухватился бы за этот шанс — и Бог с ним, со щербатым ртом, — но сейчас — то ли это уже возраст, то ли климат, трудно сказать, но определенно не хотелось напрягаться, а потом, глядишь, и расхлебывать последствия. Он очень ясно представлял себе,

что может произойти, если О'Шей застукает его с Бернадеттой в постели или даже в комнате, куда ей заказан вход. Нет-нет, ради этого не стоило в середине зимы сниматься отсюда и искать в Раммидже новое жилье. И чтобы избежать подобных происшествий, а также устроить себе заслуженную передышку, Моррис решил отправиться с ночевкой в Лондон.

Филипп проснулся в холодном поту от сна, в котором он мыл посуду у себя дома, на кухне. Одна за другой тарелки выскальзывали из его рук и с грохотом разбивались, падая на каменный пол. Мелани, которая, похоже, ему помогала, с ужасом смотрела на растущую гору черепков. Филипп застонал и протер глаза. Прежде всего он ощутил физический дискомфорт — изжогу, головную боль и серный привкус во рту. По дороге в ванную его затуманенный взор приметил сквозь открытую дверь в кабинет скомканные простыни на диване. И тут он вспомнил. Он хрипло произнес: «Мелани?» Ответа не последовало. В ванной никого не было. В кухне тоже. Он раздернул шторы в гостиной и отпрянул от хлынувшего в комнату света. В комнате пусто. Она ушла.

И что же теперь?

Душа его, как и желудок, была полна смяте-

ния. Случайная уступка Мелани его неуклюжей, скоротечной похоти сейчас, в воспоминаниях, казалась шокирующей, трогательной, восхитительной и непостижимой. Он и представить себе не мог, чтобы она придала хоть какое-нибудь значение этому эпизоду, и потому не знал, как вести себя дальше. Но, вдруг подумал он, стискивая руками стучащие виски, проблемы этикета вторичны по отношению к проблемам этики. Вот главный вопрос: хочет ли он, чтобы это повторилось? Или, скорее (действительно, глупый вопрос — кому не хочется повторения?), пойдет ли он на это снова, если представится случай? Да, очень кстати место, где он поселился, называется оползневой зоной, мрачно думал он, обозревая из окна свой живописный ландшафт.

В тот день он еще долго смотрел в окно, не решаясь покинуть квартиру прежде, чем он поймет, как дальше быть с Мелани — продолжать эту связь или сделать вид, что ничего не произошло. Он уже собрался позвонить Хилари: возможно, звук ее голоса, как на сеансе шокотерапии, приведет в порядок его вконец запутавшиеся мысли. Но в последний момент у Филиппа не хватило смелости, и он попросил оператора соединить его с «Интерфлорой». В таких сомнениях и встретил

он закат. Спать он лег рано, а в полночь проснулся от эротического сна. Похоже, он стремительно впадает в отрочество.

Первым делом, решил Филипп, надо увидеть Мелани и поговорить с ней начистоту. Если бы он высказал ей свои чувства, возможно, она бы помогла ему разобраться в них. Как он себе это представлял, он пошел бы на зрелые, непринужденные, дружеские отношения, которые не обязательно предполагают совместную постель, но, с другой стороны, вовсе и не исключают такой возможности. Да, завтра ему надо увидеться с Мелани. Он снова погрузился в сон, и на этот раз ему приснилось, что он последним покидает Эссеф, разрушенный после второго, рокового землетрясения. Он в одиночестве сидел в самолете, стартующем из аэропорта, и, глядя в окно на взлетную полосу, видел, как из-под колес безумным узором стремительно расползаются трещины. Самолет взлетел в тот самый миг, когда земля, казалось, собралась поглотить его, и стал резко набирать высоту, оставляя под крылом неправдоподобный на вид город Эссеф, его дворцы и купола церквей, его небоскребы, прикрытые шапками облаков, — все это горит, разваливается и сползает в море.

Однако на следующий день и бухта, и город пребывали на своих местах и радовались солнцу в ожидании предательских подземных толчков. А вот Мелани нигде не было видно — она не нашлась ни через день, ни через два. Филипп то и дело выходил излома, под разными предлогами появлялся в прихожей и громко свистел на лестнице. Но все было напрасно. Несколько раз ему попадались Кэрол и Дидри, и в конце концов он набрался смелости спросить, где Мелани. Они ответили, что Мелани уехала на несколько дней. Может быть, нужна помощь? Он с благодарностью отклонил ее.

В тот же день в факультетском коридоре он споткнулся о сапоги, надетые, как оказалось, на ноги Ковбоя, сидевшего на полу под дверью Говарда Рингбаума в ожидании консультации.

— Привет! — осклабившись, сказал Ковбой. — Как поживает Мелани?

— Не знаю, — ответил Филипп. — Я несколько дней ее не видел. А вы?

Ковбой отрицательно покачал головой.

По коридору плыл тонкий гнусавый голос Рингбаума:

— Вы, похоже, перепутали в своей работе слова «сатира» и «сатиры», мисс Леннокс. Сатира — это

стихотворный жанр; сатиры же — похотливые существа, наполовину люди, наполовину козлы, которые все время гоняются за нимфами.

— Мне надо идти, — сказал Филипп.

— Чао, — сказал Ковбой. — Расслабьтесь, и все будет хорошо.

Легко сказать. Все это уже стало походить на навязчивую идею. Ночью ему показалось, что девушка, звонившая в студию Чарлзу Буну, говорит голосом Мелани. К его досаде, включив радио, он захватил лишь самый конец разговора. «А не думаете ли вы, — говорила Мелани, — что необходимо выработать новое понятие личных взаимоотношений, основанных на разделении, а не на обладании. Что-то вроде эмоционального социализма...» — «Вот именно!» — «И чувственного социализма, и...» — «Да?» — «Ну, собственно, это и все». — «Большое спасибо! Отличные идеи!» — «По крайней мере, я так думаю, Чарлз. До свиданья». — «До свиданья. Ждем ваших звонков! В любое время», — добавил Бун многозначительно. Девушка — Мелани? — рассмеялась и повесила трубку.

«Вы слушаете шоу Чарлза Буна, — запел Бун, — то самое шоу, которое губернатор Дак пытался запретить. Звоните нам по номеру ноль-два-че-

тыре-девять-восемь-девять-во-семь и поделитесь с нами своими мыслями».

Филипп выскочил из постели, и, натянув халат, помчался по лестнице в нижнюю квартиру. Позвонил в звонок. После довольно долгой паузы к двери подошла Дидри и, не открывая, спросила:

— Кто там?

— Это я, Филипп Лоу. Я хочу поговорить с Мелани.

Дидри приоткрыла дверь.

— Ее здесь нет.

— Но я только что слышал ее голос по радио. Она звонила в студию на шоу Чарлза Буна.

— Может, и звонила, но не отсюда.

— Вы уверены?

Дидри распахнула дверь.

— Хотите обыскать помещение? — спросила она с иронией.

— Прошу меня извинить, — сказал Филипп.

Нет, с этим надо кончать, сказал он себе, поднимаясь по лестнице. Нужно передохнуть, отвлечься. В свой первый же свободный от занятий день он на автобусе поехал по длинному двухъярусному мосту в центр Эссефа. И вышел из автобуса в тот самый момент, когда (учитывая семичасовую разницу во времени) Моррис Цапп,

сидя в гриль-баре лондонского «Хилтона», со смаком впился зубами в первый пристойный на вид бифштекс, который попался ему с тех пор, как он прибыл в Англию.

Отель «Хилтон» был дорогим до чертиков, но Моррис решил, что заслужил себе поблажку, безвылазно просидев в Раммидже целых три недели. И уж конечно он постарался получить сполна от занятого им номера — теплой, не без шика обставленной комнаты с прекрасной звукоизоляцией. Вселившись туда, он дважды принял душ, погулял нагишом по коврам, купаясь в волнах прогретого воздуха, повалялся в постели перед телевизором, заказал в номер многоэтажный бутерброд с жареной картошкой впридачу, запил все коктейлем из виски с вермутом и зael яблочным пирогом. Привычные и нехитрые атрибуты американской жизни здесь, в далекой ссылке, стали казаться ему неслыханной роскошью.

Теперь, пожалуй, пришла пора высунуть нос на улицу и взглянуть на веселящийся Лондон, заключил он, вразвалочку возвращаясь после ужина из гостиничного ресторана с приятной тяжестью в желудке и раскуривая купленную в холле дорогую сигару «панателла». Натянув на себя пальто, перчатки и высокую черную шапку-

хрущевку из синтетического меха, он окунулся в сырые лондонские сумерки. Прошелся по улице Пикадилли до одноименной площади и через Шефтсбери авеню добрался до Сохо, где через каждые несколько метров на него стали набрасываться изрядно продрогшие на ветру зазывалы стриптиз-клубов.

И тут следует заметить, что Моррис Цапп, столько лет проживший буквально за углом от крупнейшего в мире центра индустрии стриптиза, а именно Южной улицы в Эссефе, оказывается, ни разу в жизни не вкусил подобного удовольствия. Порнофильмы — да. Похабное чтиво — само собой разумеется. Порнография считалась вполне допустимой забавой эйфорийской интеллигенции. Но стриптиз и всевозможные его вариации, которыми славился Эссеф…

…и которые именно в этот момент впервые в жизни лицезрел Филипп Лоу, дойдя до кварталов Южной улицы, чтобы навестить памятные места, и с изумленным недоверием упершись взором в череду стриптизных забегаловок, заполонивших Кортес авеню — пинг-понг с полуголыми партнерами, рулетка, чистка обуви, барбекю, коверная борьба без правил, танцы в дискотеке, — и все это там, где когда-то находились солидные бары

и кафе, художественные салоны и картинные галереи, ночные клубы для интеллектуалов и подвальчики, где собирались поэты, и все это сверкало неоновыми огнями, соперничая с солнцем (в Эйфории еще не вечер), и манило одиноких праздных мужей в дымный полумрак за бархатными шторами, где под звон и грохот музыки сошедшие с рекламных щитов девушки, выставив вперед устрашающе огромные и лоснящиеся, как ракетные боеголовки, груди, **«Танцуют перед вами раздетые догола и абсолютно ничего не скрывают»...**

...все это было уделом провинциалов, туристов и бизнесменов. И если бы кто-нибудь из студентов или коллег вдруг увидел, что Моррис Цапп наведывается в стриптиз-бары, на его репутации пресыщенного сноба можно было бы поставить крест. «Что? Моррис Цапп шастает по стриптиз-шоу? Моррис Цапп платит деньги, чтобы увидеть голые титьки? Он что, бесплатно это поиметь не может?» И так далее, в том же духе. Так что Моррис ни разу не переступал порога ни одного из стриптиз-клубов на Южной улице, хотя частенько, проходя мимо по дороге в ресторан или кинотеатр, испытывал приступ нездорового любопытства, и вот теперь, за десять тысяч

километров от родного дома, стоя в иноземном порномире Сохо, где его могли видеть лишь незнакомцы, да и тех что-то было негусто (вечер выдался сырой и холодный), он думает: «А почему бы и нет?» и ныряет в ближайшую забегаловку мимо застывшего у дверей унылого индуса.

— Добрый вечер, сэр, — сказал индус, просияв улыбкой. — Будьте любезны, один фунт, сэр. Представление вот-вот начнется, сэр.

Моррис заплатил фунт и, протиснувшись внутрь сквозь вращающуюся дверь и за суконный занавес, оказался в тускло освещенной комнатке с маленькой низкой сценой, перед которой в три ряда стояли стулья с гнутыми спинками. На сцене лиловело пятно прожекторного света, а из допотопного динамика с хрипом пробивалась поп-музыка. В комнате было холодно и ни единой души, кроме Морриса. Он уселся посередине в переднем ряду и стал ждать. Прошло несколько минут. Моррис поднялся и пошел к выходу.

— Эй, — сказал он индусу.

— Желаете что-нибудь выпить, сэр? Пива, сэр?

— Я желаю увидеть стриптиз.

— Конечно, сэр. Один момент, сэр. Чуточку терпения, сэр. Девушка сейчас будет здесь, сэр.

— Она что, одна?

— По одной на представление, сэр.
— А почему такой собачий холод?
— Сейчас будет тепло, сэр.

Моррис вернулся на свое место, а индус притащил маленький электрический обогреватель на длинном шнуре, которого, впрочем, не хватило, чтобы дотянуть до стульев. Обогреватель издалека затеплился слабым розовым огоньком. Моррис надел шапку и перчатки, застегнул на все пуговицы пальто и мрачно закурил сигару, приготовившись сидеть до победного конца. В кои-то веки он так дьявольски оплошал, но сам себе он не собирался в этом признаваться. Так он и сидел, уставившись на пустую сцену и время от времени растирая конечности, чтобы разогнать застывшую кровь.

А в это же самое время Филипп Лоу, ожидавший разочарования, надувательства, раздражения и в конечном счете тоски зеленой (и тут следует согласиться с расхожим мнением о том, что коммерциализованный секс есть не что иное, как обман и скука), обнаружил, что ему отнюдь не скучно, что он заворожен и восхищен и, сидя с бокалом джина с тоником (полтора доллара — дороговато, но зато не надо давать сверху), взирал на трех прекрасных юных девушек, танцующих

в чем мать родила буквально у него перед носом. И девушки эти были не только прекрасны, но и цвели здоровьем, и светились интеллектом, и совсем не были похожи на нескладных и вульгарных девах, которых он ожидал увидеть, так что вполне можно было допустить, что они делают это из любви к искусству, а не ради денег, — как будто, перебирая ногами и покачивая бедрами под звуки популярной музыки, они вдруг взяли да и сбросили одежды, чтобы доставить не только себе, но и окружающим маленькое невинное удовольствие. И было их трое, и пока одна из них танцевала, другая разносила напитки, а третья отдыхала. На них были плавки и короткие накидки, похожие на детские распашонки, и они то и дело сбрасывали с себя это нехитрое облачение попросту и без затей и прямо на виду у посетителей, наверное, потому, что в тесных помещениях не было раздевалок, — ну разве можно назвать это стриптизом! — и, сменяясь, приветливо похлопывали друг друга по плечу, будто исполненные духа товарищества участницы спортивной эстафеты из монастырской школы. И во всем этом не было ни капельки порока.

Когда сигара Морриса истлела почти наполовину, из-за суконного занавеса вдруг послышался

девичий голос, звеневший на повышенных тонах, то ли оправдываясь, то ли протестуя — Моррис не смог этого разобрать, так как у его обладательницы явно был заложен нос. Спустя некоторое время она появилась в сопровождении индуса и за сляпанной кое-как ширмой прошествовала в дальний угол комнаты. На ней были неуклюжие сапоги вроде тех, что он видел на миссис Лоу, голова повязана платком, а в руках — сумка из кожзаменителя на молнии, и в гаком обличье она была не более соблазнительна, чем победительница социалистического соревнования из далекого сибирского села. Но индус, судя по всему, был абсолютно убежден, что репутация его спасена. Взяв в руки микрофон и вперившись взглядом в Морриса, который по-прежнему сидел в одиночестве, он завопил:

— Добрый вечер, леди и джентльмены! Наш первый номер в этот вечер — «Фифи, французская горничная»! Встречайте!

Индус нажал какие-то кнопки на магнитофоне, музыка загремела, и на сцене появилась блондинка в крошечном кружевном переднике поверх черного белья. Вступив в круг света, она замерла в игривой позе с метелкой из петушиных перьев.

— Черт меня побери! — громко произнес Мор-

рис.

Мэри Мейкпис (а это была она) сделала шаг вперед, как козырьком, прикрыв рукой глаза от яркого света:

— Кто это? Знакомый голос!

— Ну и как, съездила в Стратфорд-он-Эйвон?

— Ой, профессор Цапп! Что вы здесь делаете?

— У меня к тебе тот же самый вопрос.

К ним заспешил индус.

— Прошу вас! Прошу вас! Клиентам не позволяется беседовать с артистками! Изволь продолжить выступление, Фифи!

— Ага, давай, Фифи, валяй! — сказал Моррис.

— Вы знаете, этот клиент — мой знакомый, — сказала Мэри Мейкпис. — Перед ним я ни за что не разденусь. А больше здесь никого нет. Это неприлично.

— Это и должно быть неприлично. В этом и заключается стриптиз, — сказал Моррис.

— Прошу тебя, Фифи! — умоляюще произнес индус. — Ты начинай, а там и другие клиенты подойдут!

— Нет, — сказала Мэри.

— Ты уволена, — сказал индус.

— О'кей, — сказала Мэри.

— Пойдем выпьем чего-нибудь, — сказал Мор-

рис.

— Куда?

— Например, в «Хилтон».

— Уговорили, — сказала Мэри. — Я только пальто возьму.

Моррис поспешил выйти на улицу, чтобы поймать такси. Как оказалось, сегодняшний вечер еще не так уж безнадежно испорчен! Впереди была перспектива более близкого знакомства с Мэри Мейкпис. Увидев подъезжающее такси, он обнял ее за плечи.

— И что же такая милая девушка делает в такой гнусной дыре? — спросил Моррис. — И это не шутка.

— Я надеюсь, вы понимаете, что я согласилась просто выпить с вами, профессор Цапп?

— Конечно, — вкрадчиво ответил Моррис. — А ты что подумала?

— Кстати, должна сказать, что я все еще беременна. Я не сделала аборта.

— Очень рад слышать это, — сказал Моррис без всякого выражения и снял с ее плеча руку.

— Я так и думала. Но, чтоб вы знали, в моем решении нет никаких этических соображений. Я по-прежнему отстаиваю право женщины самой определять свое биологическое назначение.

— Даже теперь?

— Я просто струсила в самый последний момент. Уже в больнице. Увидела всех этих девушек, блуждающих в носках и со слезами на глазах… Унитазы в крови…

Моррис поежился.

— Если можно, без подробностей, — умоляюще сказал он. — А что это ты в стриптиз подалась? Это разве не эксплуатация женщины?

— Что мне оставалось делать, если деньги до зарезу нужны? А эту работу можно получить без официального разрешения.

— Но почему вообще ты решила остаться в этой паскудной стране?

— Чтобы родить здесь ребенка. Тогда у него будет двойное гражданство и он избежит призыва в армию, когда вырастет.

— И ты уже знаешь, что будет мальчик?

— Да я в любом случае не прогадаю. Здесь рожают бесплатно.

— Ну и сколько же ты еще продержишься на такой работе? Или поменяешь номер на «Фифи, беременная горничная»?

— Я вижу, с юмором у вас по-прежнему все в порядке, профессор Цапп.

— Стараемся, — ответил Моррис.

А в это время Филипп, уговорив уже три джина с тоником и сидя над четвертым и за два часа изучив все анатомические особенности трех «танцующих кошечек», достиг наконец глубокого проникновения в сущность такого понятия, как разрыв между поколениями. Все дело в возрастной разнице. Молодые моложе. И поэтому красивее. У них сияющая кожа, невредимые коренные зубы, плоские животы, крепкие грудки и бедра (какие бедра!) без голубых прожилок, похожих на плесень в сыре рокфор. И как же сей разрыв преодолеть?

Посредством любви — двух мнений тут быть не может. С помощью таких девушек, как Мелани, щедро дарящих свою упругую юную плоть таким старперам, как он, и возбуждающих их жизненные токи. Мелани! Каким простым и милым показался ее жест в свете этого нового понимания! И какими лишними теперь стали все его эмоциональные и этические затруднения.

Он наконец поднялся уходить. Нога у него опять затекла, но сердце было исполнено человеколюбия. И ничего не было удивительного в том, что, когда он вышел из стриптиз-клуба «Танцующие кошечки» и, щурясь от косых солнечных лучей, пересекающих Кортес авеню, заковылял по улице

неверной (от долгого сидения и алкоголя) походкой, то сразу столкнулся с Мелани Бирд, будто она материализовалась из воздуха во исполнение его желаний.

— Профессор Лоу!

— Мелани! Девочка моя дорогая! — Он нежно обнял ее за плечи. — Где ты была? Почему убежала от меня?

— Я ни от кого не убегала, профессор Лоу.

— Пожалуйста, зови меня Филипп.

— Я просто ездила в город кое-кого навестить.

— И кто же этот кое-кто? Твой друг?

— Подруга. У нее муж попал в тюрьму — знаете, дело группы «Эйфория-99»? Ей иногда одиноко…

— И мне тоже одиноко. Мелани, давай вернемся в Плотин! — сказал Филипп, и его слова показались ему самому взволнованно-страстными и поэтичными.

— Вы знаете, Филипп, у меня сейчас дела.

— «Приди, любимая моя! С тобой вкушу блаженство я» [12],— пропел Филипп, устремив на Мелани плотоядный взгляд.

— Ну и ну, Филипп, — понимающе улыбнулась Мелани, пытаясь высвободиться из его

---

[12] Примечания: 12

Кристофер Марло. «Страстный пастух — своей возлюбленной». — Пер. с англ. И. Жданова.

объятия. — Эти стриптизерки совсем вам голову вскружили. А кстати, я давно хотела узнать, они действительно совсем без ничего?

— Совсем. Но не такие красивые, как ты, Мелани.

— Спасибо, Филипп. — Ей наконец удалось освободиться. — Мне надо идти. Пока! — И она быстро зашагала по направлению к перекрестку между Кортес авеню и Главной улицей. Филипп захромал рядом. На авеню становилось оживленнее. На мостовой гудели и сигналили машины, а на тротуаре плотной толпой двигались пешеходы.

— Мелани! Не исчезай! Неужели ты забыла, что произошло недавно ночью?

— Что, разве обязательно кричать об этом на всю улицу?

Филипп понизил голос:

— Со мной это случилось впервые.

Мелани остановилась и вытаращилась на него:

— Вы хотите сказать, что никогда не знали женщин?

— Никого, кроме своей жены.

Она сочувственно коснулась его руки.

— Извините, Филипп. Если бы я знала, что это для вас так много значит, я бы на это не пошла.

— Выходит, для тебя это абсолютно ничего не значит? — понурив голову, горько спросил Филипп. Солнце в этот момент завалилось за крыши, и с моря налетел порыв холодного ветра, от которого Филипп поежился. Сияние дня разом померкло.

— Да, такое может случиться, когда немного забалдеешь. Все было очень мило, но… вы понимаете. — Она пожала плечами.

— Я знаю, я немного подкачал, — пробормотал он. — Но дай мне еще один шанс…

— Филипп, не будем…

— Ну давай хотя бы пообедаем вместе. Нам надо поговорить…

Она покачала головой.

— Извините, Филипп, никак не могу. У меня свидание.

— Свидание? С кем?

— С одним парнем. Я его пока мало знаю, так что не хочу, чтобы он ждал.

— И что вы с ним будете делать?

Мелани вздохнула.

— Если вас это так уж интересует, я хочу помочь ему в поисках жилья. Его сосед по квартире, похоже, перебрал ЛСД и прошлой ночью спалил весь дом. Ну ладно, пока, Филипп.

— Если хочешь, я пушу его переночевать у себя в кабинете, — с отчаянием сказал Филипп, хватая ее за руку.

Мелани нахмурила лоб и спросила с некоторым колебанием:

— У вас в кабинете?

— Ну, на какое-то время, пока он себе что-нибудь не подыщет. Позвони ему и скажи об этом. А мы с тобой пойдем пообедаем.

— Да вы и сами ему можете сказать, — ответила Мелани. — Вон он стоит у книжного магазина.

Филипп бросил взгляд через сверкающий и пульсирующий поток автомобилей на книжный магазин «Наше время», когда-то излюбленное место встречи битников. У витрины, повернувшись спиной к ветру и засунув кулаки глубоко в карманы джинсов, отчего в паху у него образовался впечатляющий бугор, стоял Чарлз Бун.

Переписка

Хилари — Филиппу

Дорогой мой!

Большое спасибо за письмо. Мы рады, что ты долетел благополучно. Особенно радовался Мэтью, который видел по телевизору авиакатастрофу в Америке и испугался, что это мог быть твой самолет. А теперь его испугала твоя шутка насчет того, что ты живешь в доме, который в любой момент может сползти в море, так что, пожалуйста, успокой его в следующем письме.

Надеюсь, твои соседки снизу сжалятся над твоим холостяцким положением и будут стирать тебе рубашки и пришивать пуговицы. Я с трудом могу себе представить, как ты возишься в подвале со стиральной машиной. Кстати, в нашей стиральной машине появился какой-то сильный стук, и мастер сказал, что износился главный подшипник и за ремонт нужно отдать двадцать один фунт. Стоит ли чинить ее или лучше обменять на новую, пока она еще работает?

Да, тот вид из окна я помню очень хорошо — конечно, по другую сторону бухты, из нашей

квартирки на чердаке в Эссефе. Где наши молодые годы… Но время ли сейчас для сантиментов, когда ты — за десять тысяч километров, а у меня еще гора грязной посуды.

Кстати, пока не забыла: я так и не смогла найти «Как написать роман», ни дома, ни в университете. Хотя как следует поискать мне не удалось, потому что твою комнату уже занял мистер Цапп. Не могу сказать, что он произвел на меня хорошее впечатление. Я спросила Боба Басби, как в университете его приняли, и он сказал, что Цапп редко появляется на людях, все больше сидит у себя в кабинете и вообще неразговорчивый и необщительный человек.

И кто бы мог подумать, что в самолете ты встретишь этого авантюриста Чарлза Буна, и что в Америке он процветает. Американцы — уж очень доверчивый народ.

Большой привет от всех нас.

Хилари.

Дезире — Моррису

Здравствуй, Моррис!

Спасибо за письмо. Кроме шуток — я получила массу удовольствия, читая о докторе О'Шее и о розетках четырех видов в твоей комнате, а также о доске объявлений. Дети тоже смеялись.

Мне кажется, что это твое первое письмо ко мне — если не считать записок, нацарапанных на гостиничной бумаге, насчет того, чтобы встретить тебя в аэропорту или переслать забытые тезисы.

В письме ты кажешься более человечным, что ли. Разумеется, я вижу, как ты из шкуры вон лезешь, чтобы показать, какой ты остроумный и неотразимый. Конечно, все это очень мило, но не думай, что я попадусь на эту удочку. Ты понял меня, Моррис? СО МНОЙ ЭТОТ НОМЕР НЕ ПРОЙДЕТ!

Я своего решения насчет развода не переменю, так что, пожалуйста, не трать на меня ленту пишущей машинки. И в связи с этим тебе не стоит ради меня воздерживаться от половых сношений с кем бы то ни было. Ты как будто на это намекаешь, но вот уж чего я меньше всего хочу, так это того, чтобы, вернувшись, ты горько сожалел о том, что за шесть месяцев никого не трахнул.

Да, кстати. Не кажется ли тебе, что этот заказанный тобой «лотус» несколько тебе не по возрасту? Я видела такую машину вчера в Эссефе — ни дать ни взять член на колесах. Что же до «корвета», я вывесила объявление в супермаркете, но пока был только один звонок, и то когда меня не было дома. Трубку взял Дарси, и Бог знает, что он там наговорил звонившему.

На этой неделе начинается зимний семестр, и — подумать только! — на кампусе опять неспокойно. В мужском туалете на четвертом этаже филфака взорвали бомбу — явно в расчете на то, что кто-то из твоих коллег взлетит в воздух без штанов, но полиция была предупреждена об этом и людей из здания эвакуировали. Хоуганы пригласили меня на свою гнусную вечеринку. Правда, я там почти ни с кем не общалась — толпа одних и тех же придурков, к которой добавился новый — Чарлз Бун из одноименного радиошоу. Да, чуть не забыла, я встретила там твоего английского заместителя, Филиппа Лоу. Я, впрочем, была уже подшофе и назвала Раммидж Срамми-джем, но он, как истый англичанин, и вида не подал, что заметил. Право, если все англичане такие, то уж не знаю, сможешь ли ты там выжить. Он даже и не…

Бывают же совпадения: как раз в середине фразы, выглянув в окно, я увидела — кого бы ты думал — мистера Лоу собственной персоной, направляющегося к нашему дому. Вернее сказать, карабкающегося по направлению к дому чуть ли не на четвереньках. Он объяснил, что по карте непонятно, что это так далеко и что дорога практически вертикальная. Оказалось, это он звонил

насчет «корвета» и теперь пришел взглянуть на него. Как некстати я познакомилась с ним у Хоуганов — пришлось сказать ему о недостатках машины. И, естественно, он решил ее не брать. Мне и впрямь стало его немного жалко. Его уже явно обвели вокруг пальца и сдали ему квартиру в оползневой зоне, так что если бы он впридачу купил «корвет», то с одинаковым риском для жизни сидел бы и дома, и за рулем машины.

Без тебя, Моррис, в доме мир и спокойствие. Я повернула телевизор экраном к стене и провожу время за книгой или слушая классическую музыку — Чайковского, Римского-Корсакова и Сибелиуса, весь этот славянский романтизм, за который мне было стыдно перед тобой в начале нашего знакомства.

Близнецы чувствуют себя прекрасно. Они последнее время все прячутся по углам, и я подозреваю, что там идут сексуальные эксперименты, но что поделать. Биология в настоящий момент вызывает у них повышенный интерес. Они увлеклись садоводством, что я вообще поощряю и даже выделила им солнечный участок на нашем косогоре у дома. Они просят передать, что они тебя любят. С моей стороны сказать то же самое было бы лицемерием.

Дезире.

P.S. Нет, Мелани я не встречала. Почему бы тебе не написать ей?

Хилари — Филиппу

Дорогой мой!

Сегодня утром к нам заявился посыльный с огромной охапкой алых роз, которые, по его словам, ты послал мне через «Интерфлору». Я сказала, что тут какая-то ошибка, потому что у меня ни день рождения, ни какое другое событие, и попросила его вернуть цветы в магазин. Я даже позвонила туда, но они подтвердили, что эти цветы действительно заказал ты. Филипп, что случилось? Это на тебя не похоже. Розы в январе — это целое состояние. Они, разумеется, тепличные и сразу же завяли.

Получил ли ты письмо, где я пишу, что не нашла «Как написать роман»? Ты что-то давно не писал нам. Ты уже начал преподавать?

В супермаркете я встретила Дженет Демпси, и она мне сказала, что если в этом семестре Робину не дадут старшего преподавателя, он уйдет. Но они ведь не могут дать ему эту ставку в обход тебя? Он же еще так молод.

Жду ответа, целую.

Хилари.

P.S. Стук в стиральной машине заметно усилился.

Филипп — Хилари

Дорогая!

После твоего второго письма меня замучили угрызения совести. Mea culpa, но неделя была довольно суматошная — начало семестра! — и я подумал, что эти розы как-то дадут тебе понять, что я жив-здоров и думаю о тебе. А вместо этого они произвели обратный эффект. Признаюсь, что накануне я слегка перебрал джина, и цветы, пожалуй, явились похмельным актом искупления вины. Я был на коктейле у Люка Хоугана, заведующего кафедрой, жена которого с моей помощью заманила к себе Чарлза Буна, и перед ним все стали прыгать на задних лапках — без подобной иронии судьбы я вполне мог бы обойтись. Среди гостей была миссис Цапп, сильно поддавшая и в очень боевом настроении. Мне она сразу не понравилась, но потом, по странному стечению обстоятельств, мне пришлось изменить свое мнение о ней в ее пользу. Я пришел по объявлению о продаже подержанного «шевроле-корвета», и оказалось, что это вторая машина Цаппов. Но когда миссис Цапп узнала меня, она честно призналась, что «корвет» считается небезопасной

машиной, и отговорила меня от покупки.

Цаппы живут в роскошном доме (правда, когда я туда зашел, там все было вверх дном) на вершине невероятно крутого холма. У них есть дети, близнецы, довольно нелепо названные Элизабет и Дарси [13] (Цапп — большой и, по мнению многих, единственный знаток Джейн Остен). Тут ходят слухи, что брак у них распадается — да и сама миссис Цапп мне на это намекала, так что, возможно, этим и объясняется ее несколько агрессивная манера; кстати, про самого Цаппа говорят то же самое. Вообще разводов здесь немыслимо много, и тех, кто привык к более спокойной общественной жизни, это как-то выводит из равновесия. Равно как и то, что все, включая миссис Цапп, ругаются как сапожники, даже в присутствии детей. Поначалу несколько шокирует, когда слышишь, как жены преподавателей и молоденькие девочки бросаются всякими там «говно» и «мать твою», как если бы это было «черт возьми» и «чтоб тебе пусто было». Чувствуешь себя, как новобранец в первые дни призыва.

Таким вот необстрелянным новичком я ощутил себя в первый день занятий. Все здесь совсем

---

[13] Примечания: 13
Персонажи романа Дж. Остен «Гордость и предубеждение».

по-другому, и публика куда более разношерстная, чем у нас в университете. Студенты, например, читают какие-то немыслимые книги, а очевидных вещей не знают. На днях ко мне заходил один из них, по всей видимости, весьма толковый, который читает только двух авторов — Гурджиева [14] (не уверен, что правильно написал) и еще какого-то Азимова, а об Э. М. Форстере [15] и слыхом не слыхивал.

Я читаю два курса, и это означает, что у меня две группы, с каждой из которых я занимаюсь три раза в неделю по полтора часа — вернее, занимался бы, если бы не забастовка студентов из стран третьего мира. У меня есть студент по имени Вайли Смит, который твердит, что он темнокожий (хотя он не смуглее меня) и который преследовал меня буквально со дня приезда, желая записаться ко мне на курс по мастерству романной прозы. Так вот, когда я наконец согласился, как ты думаешь, что произошло на первом же занятии? Вайли Смит разразился речью и убедил студентов бойкотировать мое занятие в поддержку бастующих. Мне он любезно объяснил, что ничего против

---

[14] Примечания: 14
Гурджиев Георгий Иванович (1873–1949) — философ-эзотерик.

[15] Примечания: 15
Форстер Эдвард Морган (1879–1970) — английский писатель и критик.

меня не имеет, но вообще, каков нахал!

Ну что ж, милая, надеюсь, это подробное письмо отчасти компенсирует мое молчание. Пожалуйста, успокой Мэтью и скажи, что мой дом никуда сползать не собирается. А что до Робина Демпси, маловероятно, что он получит ставку старшего преподавателя, — ты сама знаешь, как у нас в Раммидже продвигают людей. Я же, боюсь, ему не конкурент — у него полно публикаций.

Всех целую,
Филипп.

Моррис —Дезире

Так значит, Дезире, ты все-таки решила развестись со мной. Что ж, пусть ты ненавидишь меня всеми фибрами души, но мою душу, прошу тебя, пощади. Ты можешь наказать меня, но только без садизма. Если, конечно, ты не шутишь. Или все это шутка? Неужели ты и вправду упустила шанс толкнуть «корвет» Лоу? И даже сама *посоветовала* ему воздержаться от покупки? А ведь Лоу — пожалуй, единственно возможный покупатель подержанного «корвета» во всем штате Эйфория. Если же вдруг мистер Лоу еще раздумывает, немедленно позвони ему, пожалуйста, и предложи скостить пару сотен долларов. Предложи купоны на бензин со скидкой и пообещай,

что продашь машину с полным баком, лишь бы согласился.

Да, Дезире, от твоего письма мне легче не стало, а неделя и так выдалась трудная. Я был неправ, говоря, что в британских университетах нет студентов — на этой неделе они вернулись после затянувшихся рождественских каникул. И это прискорбно, так как без них я понемногу стал кое в чем разбираться. Теперь же, начав преподавать, я снова оказался на нулевой отметке. Бьюсь об заклад, что эта система меня доконает. Я сказал, система? Это оговорка. Здесь нет никакой системы. Вместо этого у них есть нечто под названием «практические занятия с руководителем». Это означает, что я провожу час в обществе трех студентов. Мы, по идее, должны обсуждать заданный им текст. Текст в принципе может быть какой мне заблагорассудится — однако ничего из того, что приходит мне в голову, невозможно найти в университетской книжной лавке. Если же нам все-таки удается на чем-нибудь столковаться и наскрести четыре экземпляра книги, то один из студентов пишет что-то вроде эссе и зачитывает его на занятии, а остальные слушают. Минуты через три после начала чтения у слушателей стекленеют глаза и они начинают оседать на

стульях. Из чего становится понятно, что они уже не слушают. Я слушаю со страшной силой, но не могу разобрать ни слова, потому что у парня чисто английский акцент. В какой-то момент он останавливается. «Спасибо», — говорю я ему и одобрительно улыбаюсь. Он смотрит на меня с укором, громко сморкается и продолжает с того места, где остановился, — с середины фразы. Остальные двое студентов быстро просыпаются, переглядываются и обмениваются смешками. Других признаков жизни они обычно не проявляют. Когда автор эссе наконец заканчивает чтение, я прошу прокомментировать услышанное. В ответ — тишина. Они избегают моего взгляда. В комнате так тихо, что слышно, как у одного из студентов растет борода. Тогда я беру на себя смелость и произношу несколько слов. Снова молчание. Отчаявшись, я обращаюсь напрямую к одной из студенток: «А что вы думаете об этом, мисс Арчер?» Мисс Арчер теряет сознание и падает со стула. Ну, по правде сказать, такое случилось лишь однажды и было как-то связано с ее менструальным циклом. Но выглядит это весьма символично.

Ты можешь не верить, но я даже соскучился по эйфорийской политической жизни. Местному

кампусу явно не помешала бы пара-тройка бомбочек. И первую точно надо подложить под заведующего английской кафедрой, некоего Гордона Мастерса, чьи жизненные интересы сводятся к истреблению животного мира и украшению звериными трупами стен своего кабинета. Во время войны он попал в плен под Дюнкерком и всю войну просидел в лагере для военнопленных. Непонятно, как немцы его вытерпели. И кафедрой он управляет в духе Дюнкерка — стратегическое отступление перед превосходящим натиском всего необычного, а к этому относятся студенты, руководство университета, правительство, длинные волосы у парней, короткие юбки у девушек, половая вседозволенность, сборники ситуационных задач, шариковые ручки — короче, все, из чего состоит современный мир. То, что он безумен, я понял при первой же встрече; лучше даже сказать, полоумен, потому что адский огонь горит у него лишь в одном глазу, который он то и дело коварно прикрывает, а другим держит под гипнозом всю кафедру. Они, кажется, и не возражают. Люди здесь настолько терпимы, что меня от этого порой просто выворачивает наизнанку.

Если ты заметишь в моей сегодняшней эпистоле долю сарказма и предположишь, что сие

есть следствие повреждения, нанесенного нежному растению — моей гордости, то ты будешь недалека от истины, дорогая Дезире. Сегодня в университетской библиотеке, просмотрев подшивку литературного приложения к «Таймс», я случайно обнаружил рецензию на свою статью, которую я готовил в юбилейный сборник о празднествах в честь Джексона Милстоуна в шестьдесят четвертом году. Помнишь? Нет, конечно, — ты нарочно забываешь все, что касается моих работ. Короче, можешь мне поверить, что я написал блестящее исследование аполлонически-дионисийской диалектики в романах Джейн Остен. Но вот рецензию на сборник мне прочесть как-то не довелось. Естественно, я стал шарить глазами в поисках каких-либо комментариев на свой труд, и таковые, разумеется, нашлись: «Обращаясь к эссе профессора Цаппа…». Мне сразу стало понятно, что мой скромный вклад был удостоен пространного анализа.

Вообрази себе, каково получить подметное письмо, или выслушать по телефону непристойную ругань, или обнаружить, что весь день за тобой по пятам шел наемный убийца с нацеленным в твою спину пистолетом. Одним словом, пережить шок оттого, что открылся анонимный

источник злобы, направленной исключительно против тебя, причем ты не можешь ни определить, кто это, ни ответить на выпад. А этот гад действительно хотел меня оскорбить. Да так, что ему было недостаточно облить презрением мои доводы, мою фактологию, мою аккуратность и мой стиль, чтобы превратить мою статью в некий монумент академического идиотизма и извращенности, — нет, он жаждал моей крови, он хотел стереть мое самолюбие в порошок.

Конечно, не стоит и говорить о том, что автор абсолютно не в своем уме и его разбор моей статьи — чистая пародия, а его доводы строятся на ложных основаниях и фактических ошибках — это понятно даже ребенку. И все же, все же — тут-то вся и загвоздка — я теперь ничего не могу поделать. Ну, то есть не могу написать в газету как ни в чем не бывало: «Мое внимание привлекла рецензия, помещенная у вас четыре года назад». Все это будет просто смешно. Вот что меня больше всего раздражает — упущенное время. Я это переживаю лишь сейчас, а для всех остальных это уже история. И все эти годы я ходил с нанесенной мне раной и не знал о ее существовании! И все мои друзья, должно быть, знали об этом — видели нож, торчащий у меня

промеж лопаток, — и ни один сукин сын не набрался смелости сказать мне. Боялись, наверное, что попадут под горячую руку — так бы оно и было, — но тогда зачем существуют друзья? А этот мой недруг, кто он такой? Какой-нибудь отсеянный мною аспирант? Какой-нибудь ученый англичашка, от чьей книги я оставил мокрое место в подстрочной сноске? Какой-нибудь козел, чью мамашу я, не заметив, переехал машиной? Ты не припоминаешь, Дезире, лет пять назад мы, кажется, на что-то налетели на дороге?

Дезире, твоя забота о моей полноценной половой жизни здесь, в Англии, очень трогательна, но впредь предлагаю тебе хорошенько подумать, прежде чем ты выльешь свою щедрость на бумагу — это может подпортить твое заявление о разводе, хотя я продолжаю надеяться, что наш брак еще можно спасти. Во всяком случае, я до сих пор не воспользовался твоим любезным разрешением. Видишь ли, Дезире, у них сейчас зима, мертвый сезон, и жизненные соки — в точке замерзания.

Напиши подробнее о близнецах. Или лучше попроси их черкнуть пару строк своему старому доброму папке — если в эйфорийской средней школе до сих пор учат такому древнему ремеслу, как чистописание. Садоводство — это просто

здорово. Доктор О'Шей в этом деле сущий авангардист. Он верует в хаос. У него в саду, заросшем бурьяном, можно обнаружить груды угля и поломанные игрушки, детские коляски без колес и капусту, загаженные поилки для птиц и деревья, мрачно умирающие от какой-то неведомой болезни. Мне кажется, их можно понять.

Целую,

Моррис.

P.S. Мелани я написал, но письмо вернулось с пометкой «Адресат выбыл». Попробуй разыскать ее новый адрес — может быть, через университет?

Хилари — Филиппу

Дорогой мой!

Большое спасибо за подробное и интересное письмо. Я жалею, что ты употребил в нем бранные слова. Из-за этого я не смогла дать его прочитать Аманде, хотя она преследовала меня просьбами несколько дней. Ты как-то не подумал, что детей всегда интересуют твои письма. Да и мне самой кажется, что без этих слов можно было обойтись.

Ты, между прочим, не сказал мне, что сразу после твоего приезда в здании филфака взорвалась бомба, но, наверное, ты не хотел беспокоить нас. Ты был вне опасности? Если обстановка там

ухудшится, сразу же возвращайся домой, и Бог с ними, с деньгами.

Кстати, поскольку ты так и не ответил на мой вопрос о стиральной машине, я все-таки купила новую. Она полностью автоматическая и довольно дорогая, но это просто чудо.

О бомбе я узнала от мистера Цаппа. У меня с ним произошла весьма любопытная встреча, о которой я должна тебе рассказать. Как-то вечером он явился к нам с книгой «Как написать роман», которую все-таки обнаружил у тебя в кабинете. Время было самое неподходящее, около шести, я как раз собиралась накрывать на стол к ужину и почувствовала, что мне придется его впустить, поскольку он не поленился занести твою книгу и вообще довольно жалко выглядел, стоя на крыльце под мокрым снегом в галошах и дурацкой казачьей шапке. Уговаривать его не пришлось — он чуть не сшиб меня с ног от радости, что его пригласили в дом. Я было завела его в гостиную, чтобы угостить по-быстрому стаканчиком шерри, но там было холодно, как в леднике, — в твое отсутствие я отключила там отопление, — поэтому пришлось позвать его в столовую, где дети затеяли возню, так как заждались ужина. Я спросила его, не возражает

ли он, если я покормлю детей, пока он угощается шерри, надеясь, что он воспримет это как намек и поскорее уйдет, но он сказал, что совсем не возражает и чтобы я тоже садилась ужинать, а потом снял пальто, сел и уставился на нас. Так вот сидел и наблюдал, следя глазами за тем, как мы подносим ложки ко рту. Мы чувствовали себя ужасно неловко. Дети как-то странно притихли, а Аманда и Роберт пошли красными пятнами и стали переглядываться и сдавленно хихикать. В конце концов мне пришлось спросить его, не хочет ли он к нам присоединиться.

Ты знаешь, я в жизни никогда не видела, чтобы человек такого солидного телосложения мог так быстро перескочить из одного места в другое. Хорошо, что я пожарила большой кусок мяса, так как мистер Цапп съел три порции, правда, на завтра мало что осталось. Хотя его застольные манеры оставляют желать лучшего, накормила я его от души — он явно истосковался по домашней пище. Еще он старался как мог и веселил детей, а особенно большой успех имел у Аманды, потому что, как оказалось, он знает все о современной поп-музыке — и имена певцов, и названия пластинок, и какое место они заняли в хит-параде, и что-то еще, и все это было довольно странно для

человека его возраста и профессии, хотя и произвело большое впечатление на детей и особенно, как я уже сказала, на Аманду. Предположив, что у него хватит такта не засиживаться после ужина, я сразу же подала кофе. Ничего подобного! Он все сидел и сидел и рассказывал всякие истории — признаюсь, довольно забавные — о каком-то чудном семействе, в чьем доме он снимает квартиру (доктор по фамилии О'Шей — ты о нем слышал?), пока я наконец не отослала Мэтью в постель, а Роберта и Аманду не усадила за уроки. Когда я демонстративно начала убирать со стола, он вызвался помочь мне вымыть посуду. Судя по всему, он никогда этим не занимался, так как сразу же разбил две тарелки и стакан. К этому времени я слегка запаниковала, не зная, смогу ли вообще от него избавиться.

А потом с ним что-то произошло. Он спросил меня, где у нас туалет, а когда вернулся, то был уже в пальто и с лицом, перекошенным от злобы. Он спешно поблагодарил меня, невнятно попрощался и выскочил из дома в разыгравшуюся метель. Он завел машину, но сцепление отпустил слишком быстро, отчего залетел в канаву. Какое-то время я слушала, как он там буксует колесами и ревет мотором, но потом все-таки не

выдержала. Я надела шубу, сапоги и вышла его подтолкнуть. Машина из канавы выбралась, но я потеряла равновесие и со всего маху шлепнулась наземь.

Когда я поднялась на ноги, его машина уже скрылась за углом, взвизгнув тормозами на повороте. Он даже не остановился, чтобы сказать мне спасибо. Если миссис Цапп хочет с ним развестись, я ее понимаю.

Сегодня утром опять встретила в супермаркете Дженет Демпси (мы, похоже, выбрали для покупок одно и то же время), и она сказала, мол, Робин точно знает, что он значится в списке Гордона как кандидат на ставку старшего преподавателя. А ты есть в этом списке? Что меня раздражает, так это то, что Дженет считает, будто я должна, как она, радоваться карьере ее мужа. А также то, что она нарочито не говорит и не спрашивает о тебе, как будто тебя вообще не существует. Профессор Цапп говорит, что в академическом мире надо самому пробивать себе дорогу, и никто ничего тебе не даст, пока сам не попросишь, и я начинаю думать, что он прав.

Ты по-прежнему хочешь, чтобы я переслала тебе «Как написать роман»? Книжка оказалась довольно забавной. Там есть целая глава о том,

как написать роман в письмах, но, кажется, с 18 века никто за подобное не брался.

Мы все тебя целуем.

Хилари.

Филипп — Хилари

Дорогая!

Большое спасибо за письмо. Я вижу, этот Цапп — малый со странностями. Надеюсь, он перестал тебя беспокоить. Откровенно говоря, чем больше я о нем слышу, тем меньше мне он нравится. Поэтому было бы очень желательно, чтобы он подальше держался от Аманды. Дело в том, что этот человек абсолютно беспринципен в отношениях с женщинами, и хотя, насколько мне известно, он все-таки не Гумберт Гумберт, я чувствую, что он способен исподволь оказать тлетворное влияние на такую впечатлительную девочку, как Аманда. Так, по крайней мере, дала мне понять миссис Цапп, которая выдала целый перечень грехов своего мужа — дело было на весьма пьяной и шумной вечеринке, куда нас обоих пригласили в прошлую субботу. Устраивали ее Сай и Белла Готблатты. Сай — молодой доцент здешней английской кафедры, блестящий ученый, автор

основательного труда о Хукере. [16] Там же были и Хоуганы, и три другие пары с английской кафедры — все это походит на семейное сборище, но не забывай, что здешняя английская кафедра по величине почти такая же, как весь филфак в Раммидже.

К ритму местных вечеринок необходимо привыкнуть. Например, приглашение на восемь на самом деле означает, что надо прийти с половины девятого до девяти, — это я понял, увидев ужас на лице хозяйки, когда появился на пороге в одну минуту девятого; и даже когда все соберутся, несколько часов уходит на возлияния и только потом гости садятся за стол. В это время хозяйка (Белла Готблатт в прозрачной блузе и брюках клеш из тисненого бархата) приносит из кухни вкуснейшие закуски — сосиски, обернутые поджаренной ветчиной, фондю из сыра, всевозможные соусы, артишоки, копченую рыбу и прочие пикантные деликатесы, тем самым еще больше возбуждая желание гостей влить в себя максимум виски и коктейлей, щедро подливаемых хозяином. В результате часов в одиннадцать, когда дело доходит до ужина, гости прилично

[16] Примечания: 16
Хукер Томас (1586–1647) — английский священник, нонконформист.

хмелеют и теряют аппетит. Да и еда, которую слишком долго держали на огне, уже ни на что не похожа. И все-таки народ впихивает в себя изрядное количество пищи, как следует заливая ее вином, и окончательно косеет. Все начинают горланить, наперебой отпускать шутки и хохотать до визга, и вдруг кто-нибудь выдает что-то уж совсем неприличное, и в воздухе начинает пахнуть грозой.

За ужином миссис Цапп сидела рядом со мной. За кофе, к которому были поданы руины какого-то невыносимо приторного шоколадного торта, я попытался пресечь поток ее откровений, решив научить всю честную компанию играть в «Уничижение». Помнишь эту старую игру? Ты и представить себе не можешь, какого труда мне стоило растолковать им основной принцип. По первому кругу они стали называть книги, которые прочли они сами и которых, по их мнению, не читали другие. Но когда все наконец ухватили суть, они принялись играть с какой-то остервенелостью, особенно один малый по фамилии Рингбаум, который в результате вдрызг разругался с хозяином и покинул дом оскорбленный. Остальные просидели еще с час, в основном (по крайней мере это касалось меня, так как я

здорово притомился) чтобы загладить перед хозяином неловкость, возникшую из-за стычки с Рингбаумом.

Бомба — да, бомба была, но я просто не хотел тебя лишний раз беспокоить. Больше это не повторялось, хотя из-за забастовки на кампусе все еще неспокойно. Сейчас, когда я пишу тебе, сидя у себя, по местному выражению, «в офисе», я слышу, как у меня под окнами скандируют пикетчики: «За-бас-тов-ка! За-бас-тов-ка!». Весьма непривычные для академической среды звуки. То и дело у въезда на кампус возникают стычки между пикетчиками и людьми, желающими попасть в университет, и местной полиции приходится вмешиваться, да и не только местной, но и городской тоже, и дело обычно кончается потасовкой и арестами. А вчера полиция проводила на кампусе рейд, и студенты спасались бегством во все стороны. Я как раз сидел у себя, читая «Лисида» Мильтона, когда в комнату ворвался Вайли Смит и, будто в сцене из кинофильма, прислонился спиной к двери, закрыв глаза. На нем был мотоциклетный шлем для защиты от полицейских дубинок, а лицо вымазано вазелином, что, говорят, предохраняет кожу от действия слезоточивого газа. Я спросил его, не нужно ли ему

чего, и он ответил, что пришел за консультацией. У меня были на этот счет кое-какие сомнения, но я послушно стал расспрашивать его о негритянском романе. Он отвечал как-то рассеянно и все прислушивался к шуму за дверями. Затем спросил, нельзя ли воспользоваться моим окном. Конечно, ответил я. Он перебросил ногу через подоконник и выбрался на балкон. Когда через пару минут я выглянул из окна, он уже исчез. Наверное, прошел дальше по балкону, разыскал открытое окно и залез в него. Шум в коридоре утих. И я снова взялся за «Лисида»…

Понятия не имею, выдвинули ли меня на старшего преподавателя, но лучше мне и не знать об этом, чтобы потом не страдать от унижения, если не получу ставки. А если Демпси хочет совать свой нос в эти дела, ради Бога. Да, про нашу систему тайного протекционизма можно многое порассказать. А здесь — самые настоящие джунгли, и от слабаков остаются рожки да ножки. Всю последнюю неделю на кафедре идет ужасная грызня за штатную вакансию — не без участия того самого Рингбаума, — и я рад, что меня это совсем не касается.

Ты удивишься, но сейчас у меня поселился Чарлз Бун! Ему пришлось срочно покинуть свое

жилье, так как в доме случился пожар, и я позволил ему (по просьбе его подружки — кстати, это моя соседка снизу) временно пожить у меня. Нельзя сказать, что он усиленно занимается поисками квартиры, но мне он не так уж и мешает, поскольку днем спит, а ночью отсутствует.

Целую,

Филипп.

Моррис — Дезире

Дезире, скажи ради Бога, на кого похож этот человек? Какого рода эта персона? Я имею в виду Лоу. Не торчат ли у него из пасти клыки? А может быть, у него холодное и липкое рукопожатие? Или глаза его сверкают смертоносным блеском?

Это он, Дезире, он написал ту рецензию! Это он в какой-то безличной злобе в один прекрасный день пять лет тому назад обмакнул перо в собственную желчь и вонзил его прямо в сердце моей дивной статьи!

Я не могу этого доказать — пока. Но косвенных подтверждений тому предостаточно.

И теперь, когда я думаю, что ты отговорила его от покупки «корвета»... Какая великолепная была бы месть! Дезире, как ты могла!

Дело в том, что я обнаружил экземпляр того юбилейного сборника у него в доме, а именно в

туалете. Довольно странный у них сортир — большая комната, явно предназначенная изначально для других целей, может быть, для занятий бальными танцами, в которой унитаз приютился где-то на плинтусе в углу. Выложенный плиткой пол и маленький масляный обогреватель, включенный, чтобы предотвратить замерзание труб, навевают мысли о привидениях и гулких церковных сводах. Там есть и книги — не специально отобранные для чтения на горшке, а те, что не поместились в доме, практически все стены которого увешаны полками с дерьмовыми устаревшими книжонками, потраченными книжным червем и издающими запах сырой плесени. Та книга с моей статьей, с тех пор как я прочел рецензию в газете, крепко засела у меня в голове, так что я сразу узнал ее по золотому тиснению на переплете. Какое странное совпадение, подумал я, беря книгу с полки, в конце концов, это далеко не бестселлер, и стал листать ее, сидя на унитазе. Вообрази, что я почувствовал, когда открыл свою статью и обнаружил, что *отмеченные там места в точности соответствуют тем, что цитировал газетный критик.* Можешь себе представить, как это подействовало на мой кишечник.

Почему ты больше мне не пишешь, Дезире? Мне так одиноко в эти долгие английские вечера! И чтобы дать тебе понять, как мне здесь тоскливо, я довожу до твоего сведения, что сегодня я иду на кафедральный научный семинар слушать доклад о взаимоотношении лингвистики и литературной критики.

Целую,

Моррис.

Дезире — Моррису

Если тебя это действительно интересует, рост у Филиппа Лоу примерно метр восемьдесят, а весит он килограммов шестьдесят пять — то есть он высокий, тощий и сутулый. Ходит слегка наклонив голову, будто то и дело бьется о низкие притолоки. Волосы похожи на жесткую мочалку для мытья посуды и уже заметно отступили на висках. У него перхоть, а у кого ее нет? Приятный взгляд. О зубах ничего хорошего сказать не могу, но торчащих клыков не видно. Рукопожатие нормальное по температуре, но несколько вялое. Курит усовершенствованную трубку с воздушным охлаждением, отчего все его пальцы усеяны табачными пятнами.

Я рассмотрела все это так подробно, потому что сидела рядом с ним за ужином в прошлую суббо-

ту. Пригласили меня Готблатты. Здесь все, словно сговорившись, проявляют заботу: мол, без тебя я чувствую себя одиноко и меня надо выводить в свет. Вечер же этот наделал много шуму, и в центре событий оказался наш общий друг Лоу.

Изо всех сил пытаясь разыграть роль английского гостя и внести оживление в заскучавшее за столом общество, он обучил нас игре, по его утверждению, им же изобретенной, под названием «Уничижение». Я сразу же заверила его, что состою в браке с чемпионом мира по этому виду спорта, но он возразил, что в этой игре, чтобы выиграть, нужно унизить самого себя. Суть дела в том, что кто-то называет книгу, которой он не читал, но которую, по его предположению, читали другие, и получает очко за каждого человека, который ее читал. Дошло? А вот до Говарда Рингбаума — нет. Ты ведь его знаешь, у него патологическое стремление к успеху и патологический же страх показаться малообразованным, а в такой игре две эти навязчивые идеи вступают во взаимный конфликт, потому что для победы необходимо продемонстрировать пробелы своего образования. На первых порах его душа никак не могла принять этот парадокс, и он назвал какую-то неведомую книгу 18 века,

так что я даже не помню ее названия. Разумеется, по очкам он вышел на последнее место и сразу надулся. Заявил, что игра идиотская и отказался участвовать во втором туре. «Я пас», — высокомерно изрек он, прямо как миссис Элтон [17] на Боксхилл (может, я и не читаю твоих книг, Цапп, но Джейн Остен знаю не так уж плохо). Однако за игрой он следил внимательно, вертя в руках салфетку и все больше хмурясь, по мере того как до него доходила суть игры. Игра, надо сказать, занятная, нечто вроде интеллектуального покера на раздевание. Например, выяснилось, что Люк Хоуган не читал «Обретенного рая» Мильтона. Конечно, я понимаю, это не его тема, но при мысли о том, что английской кафедрой в эйфорийском университете заведует человек, не читавший «Обретенного рая»… ну, ты меня понимаешь. Тут я увидела, что Говард наконец все уразумел и даже побледнел от мысли, что Люк сказал правду. В третьем туре вперед вышел Сай с «Песнью о Гайавате», так как единственным, кто не читал ее, оказался мистер Лоу. И тут внезапно Говард стукнул кулаком по столу и, вскочив с высоко поднятой головой, объявил: «Гамлет»! Конечно,

[17] Примечания: 17
Персонаж романа Дж. Остен «Эмма».

нас это рассмешило, но не до слез, поскольку шутка показалась неудачной. Оказалось, что он и впрямь не шутит. Говард сказал, что видел фильм с Лоуренсом Оливье, а насчет текста пьесы он упорствовал, что никогда не читал его. Конечно, никто ему не поверил, и он разобиделся в пух и прах. Он спросил, не думаем ли мы, что он врет, и Сай более или менее дал понять, что так оно и есть. Это привело Говарда в дикую ярость, и он собрался клясться на крови, что пьесы он не читал. Сай сквозь зубы извинился за выраженное им сомнение. К тому времени, конечно, народ протрезвел и пришел в замешательство. Говард ушел, а мы посидели еще некоторое время, пытаясь делать вид, что ничего не произошло.

Курьезный случай, скажешь ты, но погоди, сейчас узнаешь продолжение. Через три дня Говард Рингбаум завалился на собеседовании, и произошло это, по общему мнению, потому, что английская кафедра не рискнула дать ставку доцента человеку, публично заявившему, что он не читал «Гамлета». Весь кампус гудел от разговоров, а в «Стейт дейли» появился пассаж с соответствующим намеком. Далее. В связи с тем, что на кафедре неожиданно открылась вакансия, они пересмотрели дело Крупа и в результате

предложили ставку ему. Возможно, и он не читал «Гамлета», но его никто об этом не спросил. Студенты беснуются от радости. Рингбаум убежден, что Лоу подстроил все это, чтобы опозорить его перед Хоуганом. Сам же Лоу пребывает в счастливом неведении относительно той роли, которая была ему уготована в разыгравшейся драме.

К сожалению, должна тебе сообщить, что возникшая у близнецов тяга к садоводству на самом деле объясняется желанием выращивать марихуану. Мне пришлось все выкорчевать и сжечь, пока это не стало известно полицейским.

Как мне сказали, в этом семестре Мелани в списках студентов не значится, так что узнать ее адрес через университет мне не удалось.

Дезире.

Хилари — Филиппу

Дорогой мой!

Сегодня утром я пережила сильнейший шок. Мне позвонил Боб Басби и спросил, как ты там в Америке. Я сказала, что, насколько мне известно, с тобой все в порядке, а он ответил: «Ну хорошо, значит, его уже выписали из больницы» и поведал мне ужасающую историю о том, как тебя захватила в заложники банда отъявленных террористов «Черные пантеры», и как они выве-

сили тебя за ноги из окна четвертого этажа, и как прострелили тебе руку, когда к тебе на помощь в здание прорвалась полиция, поливая все вокруг огнем из автоматов. И только где-то на середине этого душераздирающего рассказа я догадалась, что это до неузнаваемости искаженная и сильно приукрашенная версия того небольшого происшествия, о котором ты мне написал в прошлом письме и которое стало известно, по всей видимости, от меня же. Кажется, я упомянула о нем в разговоре с Дженет Демпси.

Кстати, Боб сказал мне, что на последнем кафедральном семинаре Моррис Цапп задал перцу Робину. Как выяснилось, мистер Цапп, несмотря на внешность неандертальца и скверные манеры, далеко не глуп и все знает о вошедших нынче в моду именах — о Хомском, Соссюре и Леви-Строссе, которыми вас всех запугивал Робин. По крайней мере, знает о них достаточно, чтобы выставить Робина дураком. По-моему, всем присутствующим это зрелище должно было доставить некоторое удовольствие. Так или иначе, я несколько расположилась после этого к мистеру Цаппу, что оказалось для него очень кстати, так как вчера вечером он пришел к нам просить меня об очень странном одолжении.

Он не сразу об этом заговорил, а все сидел и оглядывал комнату и расспрашивал о доме, сколько в нем спален, и не одиноко ли мне, так что я со страхом подумала, не хочет ли он к нам переехать. Выяснилось, что нет, что он ищет жилье для своей приятельницы, молодой женщины, и не могла бы я, в качестве большого одолжения, позволить ей снять у нас комнату. Я ответила, что когда-то мы сдавали жилье студентам, но это был сущий ад, так что мы дали себе зарок больше никогда не брать постояльцев. Это его заметно огорчило, и я спросила, не искали ли они жилье через газеты. Он, уныло покачав головой, ответил, что из этого ничего не вышло: они уже проверили несколько адресов, но никто не согласился пустить девушку. Он сказал, что у людей на этот счет есть предубеждения. Она темнокожая? — спросила я с сочувствием. Нет, ответил он, беременная.

Ну, после того как ты написал мне, какой репутацией пользуется мистер Цапп, я сразу сделала соответствующие выводы, и это, очевидно, отразилось на моем лице, так как он поспешил заверить меня, что он тут ни при чем. Он познакомился с ней в самолете по дороге в Англию, и он единственный человек, которого она здесь

знает, вот она и обратилась к нему за помощью. Она — американка, приехавшая в Англию делать аборт, но в последний момент решившая оставить ребенка. Здесь же она хочет его и родить, чтобы он имел двойное гражданство, а если будет мальчик, то он к тому же избежит призыва в армию, если война во Вьетнаме через двадцать лет все еще не кончится. Она нелегально работала в Сохо официанткой, но теперь уже не может, так как беременность стала заметна. Вдобавок у нее украли деньги.

Все это звучало столь неправдоподобно, что я подумала, неужели он сам все это сочинил. И не знала, что ему сказать. А где эта девушка сейчас? — спросила я. В моей машине, на улице, ответил он, так что я даже опешила. Ночь на улице была морозная, и я велела ему немедленно привести девушку в дом. Он вылетел пулей, а я пошла за ним следом. Все это напоминало сцену из викторианского романа — снег, падшая женщина и т.д., с той только разницей, что она не уходит из дома, а приходит в дом — ну, ты понимаешь. Сознаюсь, что, когда она переступила порог, с тающими на длинных белокурых волосах снежинками, сердце мое дрогнуло. Бедняжка посинела от холода и потому, а может, от застенчивости, не могла вы-

молвить ни слова. Зовут ее Мэри Мейкпис. Мне ничего не оставалось делать, как предложить ей переночевать, так что я сварила суп (профессор Цапп слопал три тарелки), а потом отправила ее в постель с грелкой. Мистеру Цаппу я сказала, что позволю ей пожить несколько дней, пока они что-нибудь не придумают, но на неопределенный срок оставить ее не могу. Теперь же я всерьез подумываю разрешить ей остаться. Она оказалась очень милой девушкой, так что по вечерам у меня будет компания. Ты знаешь, что меня все еще мучают ночные страхи — это глупо, конечно, но ничего не поделаешь. Конечно, надо еще посмотреть, как мы поладим при более близком знакомстве, поэтому никаких обещаний я ей не давала. Если же я оставлю у себя Мэри, ты, как я полагаю, не будешь иметь возражений? Она, разумеется, будет платить за комнату и стол — насколько я поняла, у нее украли не все деньги, да и мистер Цапп уверил меня, что окажет финансовую помощь. Я думаю, он может себе это позволить. Он приехал на невероятно низкой и дорогой на вид оранжевой спортивной машине, купленной взамен той, от которой ты отказался.

Кстати — надеюсь, Чарлз Бун вносит свою долю за жилье. Если же нет, то намек на эту тему,

пожалуй, поможет тебе избавиться от него.

Мы все тебя целуем.

Хилари.

P.S. Мистер Цапп попросил меня, если я буду писать тебе о Мэри, пусть эта информация останется между нами.

Филипп — Хилари

Дорогая!

Пишу накоротке сказать тебе, чтобы ты хорошенько подумала, прежде чем возьмешь к себе девицу Цаппа. А она наверняка его девица. Является ли он отцом ее ребенка или нет — это другой вопрос, но это не влияет на характер их отношений. Мне, конечно, понятно, что тебе стало жалко девушку и захотелось ей помочь, но, наверное, стоит при этом подумать и о себе, а также о детях, особенно об Аманде. В ее возрасте дети такие ранимые и впечатлительные — и каковы будут последствия, если поблизости будет жить мать-одиночка. Это же касается и Роберта, если уж на то пошло. Я совсем не уверен, что детям это нужно. И, без сомнения, Цапп то и дело будет наведываться в дом — и днем и, возможно, ночью. Подумала ли ты об этом? Я достаточно терпимый человек, но есть же какие-то пределы, и я не могу позволить, чтобы мистер Цапп в моем

доме забавлялся со своей беременной девицей, и хотел бы я знать, что ты будешь делать, если подобная ситуация возникнет. Кроме того, хочешь не хочешь, но следует считаться с тем, что «пойдут разговоры», и не только среди соседей, но и по университету.

Одним словом, я этого не одобряю. Но, конечно, ты можешь поступить так, как сочтешь нужным.

Ситуация на кампусе все ухудшается. Было выбито несколько стекол, а в одной из специализированных библиотек рассыпали по полу карточный каталог. Ежедневно в обеденный час происходит ставшая ритуальной стычка, которую я наблюдаю с балкона своего кабинета. Огромная толпа студентов, скорее враждебно настроенная к полиции, чем сочувствующая бастующим, собирается поглазеть на шествие пикетчиков. В результате образуется давка, полиция вмешивается, толпа гудит и вопит, летят камни, затем из этой свалки выбегают полицейские, таща за собой какого-нибудь бедолагу-студента, и ведут его для временного задержания в административное здание в сопровождении улюлюкающей толпы. В безопасности торча на своем балконе, я сам себе кажусь жалким зрителем, как те древние короли,

которые наблюдали из специально построенных башен заранее подготовленные баталии. Затем все расходятся по домам и еще раз смотрят все это по местной программе телевидения. А на следующее утро репортажи и фотографии появляются в «Стейт дейли» — университетской газете, с невероятной скоростью и профессионализмом выпускаемой студентами; по сравнению с ней наши еженедельные «Раскаты грома» кажутся жалкой самодеятельностью.

Всех целую,

Филипп.

P.S. Я надеюсь, ты понимаешь, что в глазах закона Мэри Мейкпис — практически *нелегальная иммигрантка* и что, предоставив ей приют, ты можешь нарваться на неприятности.

Хилари — Филиппу

Филипп!

Пожалуй, я сразу перейду к делу. Я получила из Эйфории то, что называют подметным письмом, анонимкой. В нем говорится, что у тебя любовная связь с дочерью Морриса Цаппа. Я этому не верю, но прошу тебя сразу же мне ответить и подтвердить, что это неправда. Я все время плачу и никому не могу назвать причину.

Целую,

Хилари.

С42АВ151 МЕЖДУН ПЛОТИН ЭЙФ 609
УЭСТЕРН ЮНИОН
МИССИС ХИЛАРИ ЛОУ
49 СЕНТ-ДЖОНС РОУД
РАММИДЖ
АНГЛИЯ

ДИКАЯ ЧЕПУХА ХА ХА ХА
ЧУШЬ СОБАЧЬЯ ЧЬЯ ЧЬЯ ТЧК
ДОЧЕРИ ЦАППА ТОЛЬКО ДЕВЯТЬ ЛЕТ ТЧК
ЖДИ ПИСЬМА
ЦЕЛУЮ ФИЛИПП

ФИЛИПП ЛОУ
1037 ПИФАГОРОВ ПРОЕЗД
ПЛОТИН ЭЙФ.

Моррис — Дезире

Сделай одолжение, Дезире, оторви задницу от стула и сходи на Пифагоров проезд, дом 1037, узнать, что за фигня там происходит. Сегодня утром я получил письмо (без подписи), в котором говорится, что по этому адресу Филипп Лоу хороводится с Мелани. Я не шучу, а прошу тебя сходить и проверить. Есть в этом какая-то зловещая логика, что заставляет меня думать, что это

может быть правдой. Все это увязывается с моим представлением о Лоу и о той роли, которую ему суждено сыграть в моей жизни. Подорвав мою академическую репутацию в литературном приложении к «Таимо, он продолжил тем, что теперь трахает мою дочь. Все одно к одному. Я весь дрожу, Дезире, я весь дрожу.

Моррис.

P.S. На конверте — университетский почтовый штемпель, значит, письмо отправил кто-то из преподавателей или секретарш. Кто?

Филипп — Хилари

Дорогая Хилари!

Мне никогда еще не было так трудно, как сейчас, когда я пишу тебе это письмо.

У Морриса Цаппа есть еще одна дочь — помимо той, которой девять лет. Ее зовут Мелани, и я действительно один раз с ней переспал. Но только один раз. Так что в моей телеграмме не все правда. Но это не было и ложью. Я только что обнаружил, что Цапп — отец Мелани, и для меня это был не меньший шок, чем для тебя. Позволь мне объяснить.

Мелани — дочь Цаппа от первого брака. Сама себя она называет Мелани Бирд, и это девичья фамилия ее матери, поскольку она не хочет,

чтобы в университете ее связывали с Цаппом, и тому есть ряд веских причин. Мелани поступила в Эйфорийский университет, поскольку, будучи ребенком штатного преподавателя, она может учиться бесплатно, но от Цаппа она держалась подальше и совсем не обнаруживала своих родственных связей. Все это я узнал вечером от миссис Цапп и самой Мелани. Я застал их вдвоем, вернувшись домой. Я должен также объяснить, что Мелани — одна из девушек, живущих в квартире на первом этаже. Вскоре после приезда сюда я совершенно случайно попал на импровизированную вечеринку в этой квартире. А я как раз вернулся с коктейлей от Хоуганов и был уже слегка навеселе. Ну, добавил еще того-сего, и меня совсем развезло, но когда они решили устроить оргию, я вежливо откланялся. То же, кстати, сделала и Мелани. Она сочла само собой разумеющимся, что я должен с ней переспать. Так, увы, оно и произошло.

Я не собираюсь оправдываться или просить у тебя прощения. Я был сам себе противен, думая о том, как я поступил с тобой. Да и не было во всем этом особого удовольствия, потому что я был одурманен алкоголем, а Мелани — в полусне. Я абсолютно уверен, что для нее это вообще

ничего не значило, и, поверь мне, это произошло один-единственный раз. К тому же потом — в менее удручающей ситуации это показалось бы забавным — она стала постоянной подружкой Чарлза Буна. В подобных обстоятельствах я не видел смысла расстраивать тебя рассказами об этом эпизоде, и он стал изглаживаться из моей памяти. Однако твое письмо разбудило мою больную совесть, хотя тогда я еще не связывай Мелани с Моррисом Цаппом. Я догадываюсь, что кто-то решил сыграть с нами злую шутку — но кто и зачем, я не мог и до сих пор не могу себе представить. Но из-за этого я оказался перед трудным моральным выбором.

Как тебе известно, я предпочел более легкий выход, убедив себя, что так будет лучше и по отношению к тебе. Но когда я узнал об истинном положении вещей, я сразу же сел за письмо, чтобы объяснить тебе, как все было. Сейчас уже почти полночь, так что ты поймешь, как мне трудно. Мне страшно жаль, что так получилось, Хилари. Пожалуйста, прости меня.

Люблю и целую,
Филипп.

Дезире — Моррису

Здравствуй, Моррис!

Уж так мне не хотелось делать тебе одолжение, но любопытство взяло верх, и я устремилась по адресу Пифагоров проезд, 1037 в соответствии с твоими нелюбезными инструкциями. Мне пришлось объезжать центр, так как на улицах были заторы из-за беспорядков на кампусе. Оттуда слышались разрывы газовых гранат, крики и вопли, а в небе кружил полицейский вертолет: ты знаешь, с каждым днем это становится все больше похоже на Вьетнам.

Номер 1037 по Пифагорову проезду — это дом, разделенный на две квартиры. Никто не ответил на звонок на первом этаже, так что я поднялась по лестнице и позвонила в верхнюю квартиру. Спустя какое-то время дверь мне открыла Мелани, вся разгоряченная и взъерошенная. Прежде чем ты начнешь скрежетать зубами и щелкать бичом, позволь мне закончить. Мы обе были удивлены, Мелани, естественно, куда больше, чем я. «Дезире! Что вы тут делаете?» — воскликнула она. «Я могу задать тебе тот же самый вопрос, — сухо отрезала я на манер детектива из телесериала. — Я думала, что здесь живет Филипп Лоу». — «Да, живет, но сейчас его нет». — «Кто это, Мел, из гестапо?» — послышался голос из квартиры. Я заглянула Мелани через плечо и увидела одето-

го в банный халат Чарлза Буна, который стоял, прислонившись к стене, с сигаретой в зубах. «Это к Филиппу», — сказала она ему. «Филиппа нет, — ответил тот. — Он в университете». «Вы не против, если я его подожду?» — спросила я. Мелани пожала плечами: «Как вам будет угодно».

Я переступила порог и проследовала в квартиру. Мелани закрыла дверь и двинулась за мной. «Это Дезире, вторая жена моего отца, — сказала она изумленному Буну. — А это...» «Я узнала мистера Буна, дорогая моя, — поспешила ответить я. — Несколько недель тому назад мы были на одной с ним вечеринке. Я не имела возможности, мистер Бун, — добавила я, — сказать вам, что я терпеть не могу вашего шоу». Он улыбнулся и пустил дым сквозь зубы, обдумывая ответный удар. Один свой глаз он нацелил на меня, а другим стрелял по комнате, будто бы в поисках вдохновения. «Если кому-либо из людей вашего возраста, — наконец ответил он, — понравится мое шоу, тогда я буду знать, что оно никуда не годится». Какое-то время мы с ним подобным образом фехтовали, меряясь силами. Было очевидно, что Бун живет в квартире Лоу, и это, я должна сказать, удивило меня, — судя по всему, Лоу этого малого на дух не выносит. И в то же время нетрудно было

догадаться, что Бун и Мелани только что вылезли из постели, а поскольку ни один из них не запаниковал, когда в двери повернулся ключ Лоу, я сделала вывод, что едва ли они от него что-нибудь скрывают. Он, конечно, поначалу оторопел, увидев меня, а потом засуетился и стал подавать нам чай, и при этом не очень-то был настроен на самозащиту. Я и впрямь начала было думать, что отношение его к Мелани чисто отеческое, и тут всплыло, что ее отец ты. Он буквально побелел, Моррис. Ну то есть как будто он обнаружил, что трахнул свою собственную дочь, и большего удара для него быть не могло. Теперь, по здравом рассуждении, я нахожу, что есть нечто кровосмесительное в том, чтобы переспать с дочерью человека, с которым ты поменялся местами. А если он и сейчас употребляет Мелани, то это явное извращение, потому что, без сомнения, Чарлз Бун тоже имеет свою долю.

Что касается автора подметного письма, рискну предположить, что это Говард Рингбаум, у которого есть на то причина и который не погнушается воспользоваться ради этого университетской почтой — он из тех, кто может позвонить вам, заказав разговор за ваш счет, и изводить вас, тяжело дыша в трубку и зная, что это сойдет ему

с рук.

Дезире.

Моррис — Дезире

Большое спасибо за скорый ответ, но почему же ты не спросила этого чертова Лоу напрямую? Я прилагаю ксерокопию анонимного письма, чтобы ты могла предъявить его Лоу. Каков подлец! У миссис Лоу в последнее время очень жалкий вид, так что у меня сильное подозрение, что она получила одно из подобных писем. Как я убедился, у нее доброе сердце, и мне ее очень жаль. Кстати, она сказала мне, что Бун был когда-то студентом Лоу. Так что они старые кореша, и вполне вероятно, что там разыгрываются весьма гнусные сцены с участием Мелани. Бедняжка Мелани! У меня прямо сердце кровью обливается. Конечно, я не думаю, что она все еще девственница или что-либо подобное, но каково молодой девушке вот так ходить по рукам. Может быть, если мы с тобой, Дезире, попробуем начать все сначала, она будет жить с нами?

Моррис.

Дезире — Моррису

Здравствуй, Моррис!

Ради Бога, перестань разыгрывать из себя

озабоченного папашу, не то я умру со смеху. Поздновато заводить разговоры о домашнем уюте для малютки Мелани. Об этом ты должен был подумать до того, как бросил ее и ее мать. Малютка Мелани, в случае если ты запамятовал, тебе этого так и не простила, а так как ты бросил ее из-за меня (насколько я помню, оставив ей на конфеты пятидолларовую бумажку — одна из гнуснейших попыток расплатиться со своей совестью за всю историю подобных сделок), то она и ко мне отнюдь не питает большой любви.

Я вовсе не намерена размахивать перед Филиппом Лоу твоими мерзкими бумажками. Ни он, ни Мелани не обязаны ничего мне объяснять. Если тебе это так нужно, напиши им сам и спроси. Но прежде чем ты начнешь накапливать в себе праведный гнев, и раз уж на повестку дня поставлены объяснения, то, может быть, заодно и ты прольешь свет на эпизод с белокурой красоткой, которую ты пристроил к сердобольной миссис Лоу? Тут ходят слухи, что она беременна. Уж не собрался ли ты загадить всю планету маленькими Цаппами, а, Цапп? Я слыхала о том, что англичане лицемеры, но не знала, что это заразная болезнь.

Дезире.

Филипп — Хилари

Дорогая Хилари!

Прошло две недели с тех пор, как я послал тебе письмо, и теперь я с большим нетерпением жду твоего ответа. Если ты еще не садилась за него, пожалуйста, не томи меня, сделай это. Я надеялся, что, если выложить все начистоту, то ты сможешь простить и забыть, и с тобой вдвоем мы все это преодолеем.

Я также надеюсь, что ты не подумываешь о разводе или тому подобных глупостях.

Мне очень трудно объясняться с тобой посредством писем. Как можно уладить недоразумение на расстоянии в десять тысяч километров? Нам надо увидеться, поговорить, расцеловаться и все уладить. И вот я подумал — почему бы тебе не прилететь сюда на Пасху, недели на две? Конечно, билеты дорогие, да черт с ними, с деньгами. И, может быть, твоя мать возьмет к себе детей на каникулы? Или оставь их с этой Мэри Мейкпис. А мы себе устроили бы настоящий праздник, вдали от детей и всего прочего. Как говорится, второй медовый месяц — фраза, конечно, весьма банальная, но идея сама по себе не так уж плоха. Ты помнишь, как весело мы проводили деньки в той убогой квартире в Эссефе?

Подумай об этом серьезно, милая, и пусть тебя

не пугают студенческие беспорядки. Все идет к тому, что к концу зимнего семестра страсти поулягутся и между студентами и администрацией будет достигнут компромисс. Сегодня, впервые за несколько недель, никто не был арестован. Возможно, это погода сказывается. Наступила весна, холмы покрылись зеленью, небо голубеет, и в тени уже двадцать шесть градусов. Бухта сверкает на солнце, а тросы подвесного Серебряного моста подрагивают на горизонте, будто струны гигантской арфы. Сегодня в обед я прогуливался по кампусу, и во всем чувствовалась смена настроения. Девушки надели летние платья, а парни взяли в руки гитары. Тебе здесь понравится.

Люблю и целую,
Филипп.

Моррис — Дезире

Конечно, ты этому не поверишь, но с Мэри Мейкпис у меня только приятельские отношения. И я с ней ни разу не спал. Не стану врать — меня посещали подобные мысли, но когда мы с ней познакомились, она была уже беременна, а мне как-то не в кайф ложиться в постель с девицей, которую обрюхатил кто-то другой. Есть в этом что-то нечистоплотное, если ты понимаешь, что я имею в виду. Особенно в данном случае, поскольку

ку отец ребенка — католический священник. Я разве не говорил тебе, что самолет, которым я летел, был битком набит женщинами, направлявшимися в Англию делать аборт? Мэри одна из них — она сидела рядом со мной, и мы разговорились. Несколько недель назад, вернувшись из университета, я с порога попал в объятия доктора О'Шея, который выскочил из-за дедушкиных часов и затащил меня в гостиную, в это время года скорее напоминающую Северный полюс с маячащими в тумане айсбергами зачехленных кресел. О'Шей был в крайнем волнении. Он сказал, что молодая женщина, без сомнения, «в интересном положении», но без кольца, спрашивала меня и настояла на том, чтобы дождаться меня наверху. Конечно, это была Мэри — она решила остаться в Англии и родить ребенка, но потеряла работу и у нее украли деньги, так что она обратилась за помощью к своему единственному знакомому в этой стране— ко мне. Я постарался успокоить О'Шея, но в нем глубоко засел страх Божий и опасения за миссис О'Шей. Стало очевидно, что мне не удастся убедить его в том, что к «интересному положению» Мэри Мейкпис я совершенно непричастен. Он выдвинул ультиматум: или Мэри покинет дом, или же я. Конечно, бросить девушку

в таком состоянии я не мог, так что мы попытались найти ей жилье. Но в тот вечер в Раммидже все было безнадежно. Домохозяйки, с которыми мы говорили, без сомнения, принимали Мэри за шлюху, а меня — за мелкотравчатого бандита. Мы даже не смогли найти гостиницу, в которой оказалась бы свободная комната. Когда мы проезжали дом миссис Лоу, я подумал — а почему бы не попытать счастья у нее? Мы так и сделали, и все обернулось очень удачно. Теперь они крепко сдружились, и, похоже, Мэри останется у нее, пока не родит ребенка. Я не хотел докучать тебе этой канителью и не мог предположить, что Лоу опустится до того, чтобы выложить тебе всю эту историю.

Моррис.

Хилари — Филиппу

Филипп!

Большое спасибо за письмо. Извини, что не сразу ответила на предыдущее, но поскольку тебе понадобилось шесть или семь недель, чтобы рассказать мне о Мелани Цапп (или Бирд), мне показалось, что и я могу дать себе время на обдумывание ответа.

Все это не означает, что я вынашиваю идею развода, — мне кажется, это какая-то на удивление

паническая реакция с твоей стороны. Я вижу, что ты вполне откровенен со мной и что ты больше никак не связан с этой девушкой. Надо же было так случиться, чтобы из множества эйфорийских девушек тебе попалась именно дочь мистера Цаппа! Я вижу также некую иронию (если не лицемерие) в том, что ты так обеспокоен *его* дурным влиянием на *твою* дочь. Я показала Мэри твои письма, и она сказала, что твоя навязчивая озабоченность тем, чтобы сберечь непорочность Аманды, означает, что ты сам в нее влюблен и что твоя связь с Мелани — это суррогатное удовлетворение твоей страсти к кровосмешению. Любопытная теория, ты не находишь? А Мелани хоть чем-нибудь похожа на Аманду?

Что же касается твоей идеи насчет моей поездки в Эйфорию на каникулы, то, боюсь, ничего из этого не выйдет. Во-первых, я не допускаю даже мысли о том, чтобы просить свою мать или Мэри взять на себя ответственность за детей, а мы едва ли можем позволить себе прилететь в Эйфорию все вместе — впрочем, это касается и меня одной. Видишь ли, Филипп, я решила больше не тянуть с центральным отоплением, а установить его прямо сейчас, в рассрочку. Это было первое, что *я* сделала, получив от тебя письмо, где ты пишешь

о Мелани, — я взяла телефонный справочник и стала обзванивать подрядчиков, чтобы узнать расценки. Возможно, это покажется смешным, но в этом есть своя логика, Я просто сказала себе: я здесь тружусь в поте лица, в одиночку веду хозяйство ради карьеры своего мужа и образования наших детей, и почему я при этом должна мерзнуть? Уж если он не может подождать с половой жизнью, пока не вернется домой, почему я должна неизвестно сколько дожидаться центрального отопления? Наверное, более темпераментная женщина завела бы в отместку любовника.

Мистер Цапп любезно помог мне с расчетами и даже ухитрился сократить на сто фунтов самую дешевую смету — спасибо ему за это. Но конечно, взносы довольно приличные, а задаток превысил наш банковский счет, так что будь добр, вышли нам денег.

Но даже помимо всех затрат и проблемы с детьми, Филипп, я как-то не уверена, что у меня есть желание лететь за океан. Я очень внимательно прочла твое письмо и никак не могу отделаться от мысли, что твое желание видеть меня имеет целью законную половую связь. Возможно, ты больше не рискуешь пускаться в другие внебрачные приключения, но эйфо-

рийская весна разгорячила твою кровь до такой степени, что ты готов перебросить меня на расстояние в десять тысяч километров. Боюсь, мой приезд в подобном контексте окажется для меня несколько обременительным, Филипп. А если даже двухнедельный тур обойдется в сто шестьдесят пять фунтов пятнадцать шиллингов и шесть пенсов, то что я могу сделать в постели такого, чтобы оправдать эти деньги?

Не слишком ли язвительно это звучит? Мне бы этого не хотелось. Мэри говорит, что мужчины всегда пытаются закончить спор с женщиной изнасилованием — буквальным или символическим, и ты вполне вписываешься в эту схему. Она говорит, что сейчас в Америке поднимается движение за освобождение женщин. Ты ничего подобного не замечал?

Рада была узнать, что у вас на кампусе стало поспокойнее. У нас же, поверишь ты или нет, кажется, назревают какие-то студенческие волнения. Поговаривают о сидячей забастовке в следующем семестре. Это вызвало панику среди преподавателей старшего поколения. По словам Морриса, Гордон Мастерс совсем съехал с катушек — стал появляться на кафедре в своей старой форме армии народного ополчения.

Целую,
Хилари.

Дезире — Моррису

Здравствуй, Моррис!

Ты будешь удивлен, но я поверила в твою историю с Мэри Мейкпис, только эти твои рассуждения о чистоплотности вызывают отвращение, и ты сам знаешь это как никто другой. Но не надо обвинять за утечку информации Филиппа Лоу. Это все твоя ирландская деваха, щербатая Бернадетта, — если судить по орфографии, именно она продала тебя и твою «бландинистую патаскуху» в своем измызганном, с жирными пятнами и залитом слезами послании без подписи, которое я получила на днях.

Ты никогда не слышал о движении феминисток, Моррис? Я только что узнала о его существовании. Конечно, я читала что-то о том, как они сорвали конкурс «Мисс Америка» в прошлом ноябре, но тогда я подумала, что это просто кучка шизофреничек. Совсем нет. Они начали в Плотине серию дискуссий, и я как-то раз сходила на одну из них. И пришла в полный восторг. Погоди, Моррис, они до тебя доберутся!

Дезире.

Из газет

Супружеская пара тридцати с небольшим лет, жена в теле, хочет познакомиться со скромной супружеской парой.

Земная парочка в уютном гнездышке познакомится с водными собратьями для совместного обитания в мире и согласии.

Природа там, где ее найдешь. Миллер, Дилан, Гессе, Бах, крошка-енот, трава, морские берега, острота чувств, творчество, секс, любовь. Хочу оттянуться с девушкой, разделяющей мои пристрастия.

Познакомлюсь с двумя или несколькими бисексуалками для веселого времяпрепровождения втроем или более с привлекательным тридцатилетним мужчиной. Замужняя жена с пышными формами приветствуется. А также, при желании, ее хорошенький миловидный кузен-трансвестит. Принимаются парные и одиночные заявки. Особое предпочтение начинающим одиночкам или скучающим женам, желающим попробовать себя в групповом сексе. Конфиденциальность гаран-

тируется. Фото необязательно, но будет принято с благодарностью. Если сомневаетесь — все равно напишите.

«Эйфория таймс», частные объявления

Женщины Плотина на марше

В субботу феминистки города Плотина вышли на улицу для своей первой публичной акции — празднования Международного женского дня. На транспарантах лозунги: «А умно ли валять дурочку?», «У настоящих шлюх доходы больше», «Даешь бесплатные круглосуточные детские заведения!». Последний призыв так подействовал на одну пуэрториканскую домохозяйку, что она стала спрашивать демонстранток, где найти такое заведение? Участницы марша с сожалением пояснили, что таких заведений пока нет.

«Плотин газетт»

Плотину — Народный сад

Студенты и хиппи в выходные дни собрались на пустыре на Поплар авеню между улицами Клифтон и Кинг, чтобы заложить так называемый Народный сад. Два года назад этот земельный участок был приобретен университетом, но с тех пор использовался под несанкционированную автомобильную стоянку.

Как сказал представитель устроителей сада, «это ничейная земля, когда-то она принадлежала индейцам костаньо, но была отнята у них силой двести лет назад. Если кто-то из индейцев появится, мы с радостью уступим землю. А пока мы хотим подарить жителям Плотина место для отдыха. Университет же продемонстрировал свое безразличие к нуждам общественности».

Садовники-добровольцы трудились все выходные, вскапывая и выравнивая землю и покрывая ее дерном. «Вот уж не думал, что увижу, как работают хиппи», — сказал житель одной из соседних улиц.

«Плотин газетт»

Внеочередное собрание Совета Студенческого союза города Раммиджа

Нижеследующая резолюция принимается в соответствии с пунктом 46 повестки дня. Совет Студенческого союза:

1. Предлагает исполнительным органам Совета предпринять прямые акции в случае, если ректорат университета на своем собрании в ближайшую среду не согласится выполнить следующие требования:

а) принять целиком документ «Участие студентов», представленный Студенческим союзом

в Ученый совет и ректорат в ноябре прошлого года;

б) безотлагательно организовать комиссию по рассмотрению структуры и функций университета;

в) приостановить занятия на всех факультетах для проведения двухдневного семинара по обсуждению состава и компетенций вышеуказанной комиссии.

Оползень

По заявлению представителей здравоохранения, в результате небольшого оползня в Пифагоровом проезде расположенный там дом под номером 1037 стал непригоден для жилья. В прошлую субботу жители этого дома были разбужены в половине второго ночи тем, что здание развернулось на сорок пять градусов из-за оседания грунта после сильного ливня. Жертв нет.

«Плотин газетт»

О земельном участке на Поплар авеню между улицами Клифтон и Кинг

Данная земля была приобретена в собственность и расчищена университетом примерно полтора года назад. Из-за недостатка финансирования университет оказался не в состоянии сразу

по приобретении участка приступить к устройству на нем спортивных площадок. В настоящий момент средства на это отпущены и началась разработка плана по устройству площадок.

Считаем необходимым довести до сведения тех, кто работал на участке в последние несколько недель, — а многие из работавших руководствовались самыми искренними побуждениями, — что на сегодняшний день потребности в привлечении дополнительных рук нет. Территория в самое ближайшее время будет подвергнута расчистке, с тем чтобы подготовить участок к проведению строительных работ.

Информационное бюро Эйфорийского университета

Обретенный Рай

Новый Эдем создается в Народном саду в Плотине — и это поистине стихийное движение энтузиастов в непрекращающейся борьбе между университетско-военно-промышленным комплексом и Альтернативным Сообществом Любви и Согласия. Не только студенты и бездомные бродяги вместе трудятся и играют в этом саду, но и простые мужчины и женщины, домохозяйки и дети — и даже профессора!

«Эйфория таймс»

Гран-при в Раммидже

Вчера недавно образованная Ассоциация бизнесменов Раммиджа и любителей автомобильных гонок выдвинула план по проведению соревнований «Формула-1» на внутренней кольцевой дороге. «Новая кольцевая идеально подходит для спортивных гонок, — сказал представитель ассоциации Джек Скотт (более известный под прозвищем «Сальник»). — Можно подумать, что проектировщики, разрабатывая кольцевую, как раз гонки и имели в виду».

«Ивнинг мейл», Раммидж

Арест профессора и студентов, уличенных в краже кирпичей

Шестнадцать человек, включая приглашенного из Англии профессора, а также нескольких студентов, были арестованы в субботу за кражу кирпичей на месте сноса лютеранской церкви на улице Бьюкенен. Кирпичи, стоимость которых оценивается в семь долларов пятьдесят центов, по всей видимости, предназначались для Народного сада, где в настоящий момент сооружается Народный пруд.

«Плотин газетт»

Захват воинственно настроенными студен-

тами

актового зала Раммиджского университета

Членам ректората Раммиджского университета пришлось прокладывать себе дорогу сквозь студенческие пикеты — иначе они не могли попасть на свое очередное собрание. Студенты потребовали, чтобы на собрании, призванном обсудить документ Студенческого союза «Участие студентов», присутствовали все желающие. Президенту Студенческого союза и двум его товарищам было позволено обратиться к ректорату, но его члены отказались дать немедленный ответ на требования студентов.

Как только это стало известно, сто пятьдесят студентов с заранее заготовленными спальными мешками и одеялами заняли актовый зал университета. По завершении дискуссии о предполагаемой структуре реорганизованного университета состоялась импровизированная дискотека. К двум часам ночи в зале еще находилось более восьмидесяти студентов. Днем состоится чрезвычайное общее собрание Студенческого союза для обсуждения предложений по санкционированию и расширению актов захвата университетских зданий.

«Морнинг пост», Раммидж

Приглашенный профессор и студенты отпущены на свободу

Профессор Филипп Лоу, приехавший из Великобритании по приглашению английской кафедры, находился среди шестнадцати человек, арестованных в субботу по подозрению в краже кирпичей на улице Бьюкенен. Обвинения, выдвинутые против арестованных, среди которых преобладали эйфорийские студенты, были сняты с них вчера муниципальным судом Плотина, после того как владелец кирпичей, мистер Джо Маттисен, отказался подписать свое заявление. Некоторые из студентов профессора Лоу собрались у здания суда, чтобы поприветствовать его. «Меня никогда еще не сажали в каталажку, — улыбаясь, сказал профессор. — Это запомнится надолго, но я не хотел бы повторения подобного».

«Стейт дейли». Эйфория

Заявление ректора Байнда

Нам был дарован Сад, который мы не планировали и о котором никого не просили, в связи с чем мы не можем выразить свое удовлетворение. Людей, которые работали в Саду, тревожит судьба их подарка. Местных жителей беспокоят сборища людей, шум, а также поведение неко-

торых посетителей Сада. Городские служители порядка озабочены проблемами преступности, обострившимися в связи с появлением Сада. Многие налогоплательщики негодуют по поводу того, что они называют незаконным захватом университетской (а следовательно, принадлежащей штату) собственностью. Руководители университетских спортивных кружков огорчены перспективой потери игровых площадок. Большая часть общественности опасается возможной конфронтации, хотя другие явно на нее рассчитывают. Что касается меня лично, то весь груз этих опасений, равно как и ряда других, не упомянутых мною, ложится на мои плечи.

Каковы наши дальнейшие шаги? Прежде всего, мы будем вынуждены возвести ограждения, дабы напомнить о всеми забытом факте принадлежности земельного участка Университету и исключить присутствие на нем посторонних лиц. Это трудное решение, но именно так мы собираемся поступить.

Пресс-релиз ректората Эйфорийского университета

Все на защиту Сада!

Мы торжественно поклялись встать на защиту Сада, и, если университет выступит против

него, мы нанесем ответный удар. Если мы будем сражаться так же, как работаем, — дружной командой, полные решимости и связанные братством, — мы победим!

Долой заборы, разделяющие людей!

Долой бульдозеры!

Мы — рыцари безмолвия, рыцари ночи с лопатами и оружием!

Власть вооруженному народу и его оружию!

Садовники.

Манифест, распространяемый на улицах Плотина

В поддержку захвата

Студенты Раммиджа! Поддержим захват университетских зданий на сегодняшнем собрании! Присоединяйтесь к нам в актовом зале! Покажем администрации, что это наш университет, а не их!

Листовка, выпущенная
Комитетом по управлению захватом

Полиция защищает Сад. 35 выстрелов.
Демонстрация на авеню Кейбл.
Газовая атака.
Раненые среди студентов и прохожих.
Комендантский час

Вчерашний митинг и демонстрация протеста против отчуждения университетом Народного сада вылились в ожесточенную схватку между полицией и демонстрантами, которая продолжалась весь вечер. Шестьдесят человек были госпитализированы, а когда стемнело, в южной части кампуса и близлежащих жилых районах был применен слезоточивый газ. Полиция, открыто используя оружие, стреляла дробью по толпе демонстрантов, многие из которых обратились в бегство, обливаясь кровью. Один полицейский получил тяжелые ножевые ранения, трое других — незначительные повреждения от осколков стекла и ударов камнями. Губернатор Дак привлек силы Национальной гвардии, и с десяти вечера до шести утра был установлен комендантский час.

Вчера в шесть часов утра, после того как полиция очистила Сад от ночевавших там студентов и прочих граждан, туда прибыла из Эссефа компания по установке заграждений для возведения стального трехметрового

(Продолжение на посл. стр.)

«Стейт дейли», Эйфория

Сидячая забастовка в Раммидже продолжается

Чрезвычайное собрание Студенческого союза Раммиджского университета, на которое пришли более тысячи студентов, сегодня проголосовало за одобрение и продолжение сидячей забастовки, начатой вчера вечером ста пятьюдесятью левыми экстремистами. По завершении собрания его участники перешли в актовый зал, а некоторые из них проникли в кабинет секретаря ректора и потребовали, чтобы ректор мистер Стюарт Страуд выслушал их претензии.

«Мы зря потратили время, — так прокомментировал один из студентов состоявшуюся встречу. — Он продемонстрировал полное непонимание законных требований студентов по поводу их участия на демократической основе в решениях, принимаемых руководством университета».

По словам одного из членов руководства, студенты заняли несколько административных помещений в главном здании, вызвав тем самым «значительное беспокойство» среди вспомогательного персонала.

«Ивнинг мейл», Раммидж

Садовники и полицейские. Национальная гвардия
в центре Плотина

В выходные дни защитники теперь уже ограж-

денного Народного сада предприняли рискованную тактику игры в кошки-мышки с силами полиции и Национальной гвардии. В субботу они вторглись в торговую зону в центре Плотина. Продвинувшись на три квартала по Шемрок авеню, они были встречены шеренгой гвардейцев, которая оттеснила их с помощью штыков.

Приблизительно в час пополудни помощники шерифа округа Миранда избили дубинками молодого человека, писавшего на витрине универмага Купера с помощью баллончика с распылителем лозунг «Добро пожаловать в Прагу». Он был доставлен в отделение полиции с сильным кровотечением. Задержанным оказался некий Вайли Смит, чернокожий студент двадцати одного года.

В воскресенье огромная процессия защитников Сада двинулась по улицам Плотина, высаживая по ходу следования на всех свободных участках земли миниатюрные «народные сады». На вопрос, почему он отдал приказ своим людям уничтожать траву и цветы, шериф О'Кини ответил: «Это посягательство на частную собственность».

«Эссеф кроникл»

В университете идет война, предупреждает профессор

Гордон Мастерс, профессор английской литера-

туры Раммиджского университета, гневно осудил сидячую забастовку студентов.

«Ситуация очень напоминает ту, что сложилась в Европе в 1940 году, — сказал вчера профессор. — Неприемлемый ультиматум, последовавший за ним блицкриг, а затем оккупация соседней территории — такова была стратегия Гитлера. Однако мы не уступили тогда, не уступим и сейчас».

В кабинете профессора Мастерса висит большая карта с планом университетской системы центрального отопления. «Трубы проложены в подземных туннелях, — пояснил профессор, — и это будет прекрасным плацдармом для оборонительных операций, если администрации университета придется уйти в подполье. Не сомневаюсь, что у ректора имеется секретный бункер, в котором он сможет найти укрытие в самый короткий срок».

В приемной ректора эти слова были оставлены без комментария.

«Морнинг пост», Раммидж

Смерть пострадавшего в столкновениях Робертса

Объявлено о проведении студенческого референдума

Заседание Ученого совета по поводу «Народ-

ного сада»

Заголовки, «Стейт дейли», Эйфория

Мы обвиняем! Победа будет за нами!

Граждане Плотина знают, кто несет ответственность за смерть Джона Робертса.

Это ректор Байнд, который объявил войну против народа из-за клочка земли.

Это шериф О'Кини, выпустивший на улицу своих вооруженных ружьями головорезов.

Это оставшийся неизвестным подонок, всадивший в спину беззащитному человеку два заряда картечи.

Нашу землю осквернили, но дух «Народного сада» живет на Шемрок авеню и площади Хоул. Народ сплотился против подонков и тиранов. Падут ненавистные преграды, и вместо них против подонков вырастут баррикады любви. Наркоманы, политиканы, богатые сынки, солдаты Армии спасения, спортсмены и домохозяйки — все во имя мира сбрасывают с себя разъединяющие их маски и сердца их тянутся друг к другу.

«Эйфория таймс»

Отставка профессора

Профессор английской литературы Раммиджского университета Гордон Х. Мастерс вчера

подал ректору прошение об отставке, которое было принято «с сожалением».

В последнее время профессор Мастерс, которому предстояло уйти на пенсию лишь через несколько лет, жаловался на плохое самочувствие. По сообщению его близких друзей, студенческие волнения в университете явились для него причиной тяжелого стресса.

Отставка профессора Мастерса вступает в силу с октября, однако он уже сейчас покинул Раммидж для отдыха и восстановления здоровья.

«Морнинг пост», Раммидж

Газ с вертолета — против демонстрантов. Ядовитое облако над кампусом

Вертолет Национальной гвардии кружился вчера над университетским кампусом, распыляя слезоточивый газ над семьюстами студентами и преподавателями, оцепленными на площади Хоул плотным кольцом гвардейцев.

Газовую атаку санкционировал шериф округа Миранда О'Кини, имея целью разгон остатка от трех тысяч демонстрантов, устроивших процессию в память погибшего Джона Робертса. Ветер подхватил облако газа и отнес его на несколько сотен метров. Оно накрыло жилые дома, газ проник в университетские аудитории

и кабинеты, просочился в палаты университетской больницы. От газа также пострадали жены и дети университетских преподавателей в плавательном бассейне «Черничный ручей», расположенном в километре от кампуса. Группа преподавателей выразила решительный протест ректору Байнду, осуждая санкционированное им применение газа силами поддержания порядка.

«Эссеф кроникл»

Кризис глазами восьмилетнего ребенка

Я вообще-то «Народного сада» не видел, но мне кажется, что он очень красивый. В саду все было сделано чувствами, а не только руками, люди все делали с душой и хотели, чтобы все сохранилось, и этот сад построили сотни людей.

А полиция губит их жизни, потому что она полиция, и полиция это не люди. Они ведут себя как какие-то нервные животные.

Прислано школьным преподавателем.

«Стейт дейли», Эйфория

Семинар протеста в актовом зале

В эти выходные организаторы сидячей забастовки устроили в актовом зале семинар протеста на тему «Университет и студенчество».

Какова роль университета в современном об-

ществе?

В чем социальный смысл университетского образования?

Что думают об университете и студентах простые люди?

Вот некоторые вопросы, которые будут обсуждаться на семинаре.

Информационный листок, Раммиджский университет

Школьники Раммиджа — о студентах

многим студентам исправится как все устроино в колледжах и университетах поэтаму они протестуют и бастуют. А когда студенты подрастут, они увидют, что все было устроино хорошо. И студенты проста отнимают время у людей и политции, наверно проста валяют дурака. И они все хиппи и видут себя очень глупа, и зачем им тогда мозги, они бы и другим людям згодились.

я думаю студенты дураки, они бросают на людей ванючие бомбы потамучто хотят чтобы их заметили. И вабще они брадяги и волосы у них длиные и грязные. И вид такой какбудта они немоюца. И одежда у них пазорная и у них нет денег. И они лезут в телевизор и у всех навиду курют наркотики. И они устраивают драки на улицах и все ломают что им попадеца. А есть сту-

денты нормальный, они хорошо одетый и волосы у них чистый и они живут в хороших домах и они совсем неглупый.

если студент подойдет ко мне и чтонибудь скажет, я проста уйду. Вот еслибы я был кошка, а студент взял бы меня и все подумают что он добрый. А они разрежут вас и будут ставить опыты. Но есть хорошие студенты но они уж больна гордые.

я студентов не люблю они все друг за другом павтаряют и носют одинаковую одежду и говорят как американцы и курют наркотики и делают уколы чтобы быть щисливыми и говорят о любви и мире, а сами они нещасные.

и еслибы я был в политции я бы их повесил.

Прислано в газету «Раскаты грома»
студентом педагогического факультета

Преподаватели Раммиджа выдвигают посредника

Объединение преподавателей Раммиджского университета предложило выдвинуть посредника на переговорах между университетской администрацией и представителями Студенческого союза с целью поиска путей к завершению сидячей забастовки. Ранее студенты проголосовали за продолжение забастовки.

Моррис Цапп, приглашенный профессор Эйфорийского университета (США), был выдвинут кандидатом на роль посредника при проведении переговоров.

«Ивнинг мейл», Раммидж

Средство от землетрясений

Землетрясения, по сообщению одного из выступавших на вчерашнем университетском семинаре по экологии и политике, — это протест природы против бетона, который кладется на почвенную поверхность. Занимаясь посадками, мы освобождаем землю и таким образом предотвращаем землетрясения.

«Плотин газетт»

Ректор предлагает сдать Сад в аренду.
Мэр выражает сомнение.
Огромное шествие планируется на День поминовения

[18]

Как сообщил вчера на пресс-конференции ректор Байнд, наболевший вопрос с «Народным садом» можно решить, если университет сдаст часть его территории городу Плотину для

---

[18] Примечания: 18
30 мая, день памяти погибших в войнах.

устройства на ней парка при условии сохранения запланированных сооружений.

Городской совет Плотина, возможно, рассмотрит это предложение на своем очередном заседании, но уже стало известно, что мэр города Холмс его не поддерживает. Есть также сомнения в том, что губернатор Дак, входящий в совет правления университета, даст добро на аренду, поскольку он решительно настроен против всяких уступок Садовникам.

Тем временем последние планируют колоссальное шествие по улицам Плотина в День поминовения. Как подчеркивают организаторы, это будет мирный, неагрессивный протест; однако местные жители, узнав о том, что на это мероприятие в Плотине могут собраться пятьдесят тысяч человек, включая прибывших из Мэдисона и Нью-Йорка, высказывают по этому поводу серьезные опасения.

«Заявка на проведение шествия уже подана, — сообщил нам сотрудник городского совета, — сейчас она рассматривается в соответствующих инстанциях».

«Эссеф кроникл»

Куском льда пробило крышу

Глыба льда зеленоватого цвета размером с

футбольный мяч насквозь пробила крышу дома в южном районе Раммиджа, вызвав повреждения в комнате на верхнем этаже. В комнате в тот момент никого не было, так что жертв нет.

Ученые, прибывшие для обследования ледяной глыбы, которую поначалу приняли за колоссальную градину, установили, что это замерзшая моча. Полагают, что глыба была незаконно сброшена с самолета, пролетавшего над городом на большой высоте.

Владелец дома, доктор Брендан О'Шей, сказал нам сегодня утром: «Я в шоке. Даже не знаю, распространяется ли на подобные случаи моя страховка. Некоторые люди могут сказать, что это Божий промысел».

«Ивнинг мейл», Раммидж

Обмен

— Значит, ты считаешь, что он не так уж мал?

— По-моему, да.

— А мне всегда казалось, что он все-таки маловат.

— По результатам недавнего опроса, девяносто процентов американских мужчин считают, что их член меньше средних размеров.

— Можно понять их желание попасть в первые десять процентов…

— Да нет такой первой десятки, глупый, есть просто десять процентов, которых это не беспокоит. А суть в том, что у девяноста процентов не может быть член меньше средних размеров.

— Ага. Я вообще неважно разбираюсь в статистике.

— Ты знаешь, Филипп, ты меня разочаровал, откровенно говоря. Я полагала, что ты вовсе не помешан на своих мужских достоинствах. Именно это мне в тебе и нравилось.

— Мой маленький член?

— Нет, то, что ты не требуешь аплодисментов за демонстрацию своей потенции. Ас Моррисом

всякий раз это должно было быть на пять с плюсом. И если я не буду стонать, закатывать глаза и биться с пеной на губах, он станет обвинять меня в том, что я к нему охладела.

— А он тоже входит в те девяносто процентов?

— Это уж нет.

— Понятно.

— Ты знаешь, он тебе кажется меньше, потому что ты смотришь на него сверху. В перспективе он укорачивается.

— А это мысль.

— Пойди и взгляни на себя в зеркало.

— Да ладно, я верю тебе на слово.

Однако на следующее утро, вытираясь после душа, Филипп влез на стул, чтобы окинуть взглядом свой торс в висящем над раковиной зеркале. И действительно, обычный угол зрения давал определенный укорачивающий эффект, хотя, может быть, и не такой большой, как хотелось бы. Сорок лет, возможно, еще не возраст, чтобы начать беспокоиться на этот счет, но у него лишь недавно появились некоторые данные для сравнения. До приезда в Эйфорию у него, пожалуй, со школы не было возможности как следует рассмотреть чей-нибудь мужской орган. А здесь члены посыпались на него со всех сторон. Первым был Чарлз

Бун, который пренебрегал пижамой и вечно разгуливал по дому в Пифагоровом проезде в чем мать родила. Затем, музыкальный магазин на Кейбл авеню выставил альбом Джона Леннона и Йоко Оно с фотографией совершенно обнаженной пары на конверте. Далее, на экраны вышел эротический фильм «А я странный и желтый», который они поехали смотреть в Эссеф и два часа простояли в очереди, как выразилась Дезире, с парой сотен других страдающих вуайеризмом перестарков в надежде разогреть кровь (и, следует признать, так и произошло), а еще был человек из публики в зрительном зале авангардного театра, который перещеголял актеров, успев раньше их сбросить с себя одежду. Вся эта демонстрация производила на Филиппа сильное впечатление, одновременно внушая ему чувство собственной неполноценности. Дезире отнюдь не была с ним солидарна.

— Теперь ты понимаешь, что значит быть плоскогрудой в обществе, где царствует пышный бюст, — сказала она.

— Я должен сказать, что мне нравится твоя грудь.

— А у твоей жены?

— У Хилари?

— У нее есть за что подержаться?

— Фигура у нее неплохая. Только она…

— Что только?

— Не может обходиться без лифчика, как, например, ты.

— Почему не может?

— Ну, потому что она будет болтаться и подпрыгивать.

— Она? Ты хочешь сказать, они?

— Да-да, именно.

— А кто говорит, что они не должны болтаться? Кто говорит, что они должны торчать, как балкон на консолях? Я скажу тебе кто — производители бюстгальтеров.

— Наверное, ты права.

— Моррис вечно гонялся за большими титьками. Даже не знаю, почему он женился на мне. А я не знаю, почему за него вышла. Почему люди женятся? Почему ты женился на Хилари?

— Да как тебе сказать. Мне было тогда одиноко.

— Вот. Именно так. Я думаю, что одиночеством почти все и объясняется.

Филипп слез со стула, закончил вытираться и стал присыпать кожу тальком, не без некоего нарциссического удовольствия ощущая под

рукой легкий жирок, наметавшийся на груди и бедрах. Бросив курить, он начал прибавлять в весе и решил, что это ему идет. Его грудная клетка теперь оделась гладким слоем плоти, а кадык больше не торчал с устрашающей откровенностью, наводя на мысль о том, что он проглотил плечики для одежды.

Затем он накинул хлопковый халат, который одолжила ему Дезире. Его собственный остался на Пифагоровом проезде, да и тот у него позаимствовал Чарлз Бун, так что он не надеялся получить его назад. Бун или ходил по квартире нагишом, или вечно таскал у Филиппа одежду. Насколько приятней все было на Сократ авеню. Задним числом в этом оползне можно было усмотреть провидение Божье, отправившее его по другому адресу. Халат, в разводах цвета морской волны и с подкладкой из белой махровой ткани, был необыкновенно уютен. В нем он казался себе и даже ощущал себя несколько атлетичным и деспотичным, будто японский борец. Он нахмурился на свое отражение в зеркале, прищурив глаза и расширив ноздри. В последнее время он частенько смотрелся в зеркало — очевидно, в надежде удивить самого себя каким-нибудь откровенным и все объясняющим выражением.

Выйдя из ванной, он неслышно перебежал в свою спальню, откинул одеяло на постели и примял подушку — его последняя рудиментарная дань условности: когда он спал с Дезире, он поднимался пораньше и приходил в свою комнату разворошить постель. Кому он этим хотел отвести глаза — он и сам не знал. Уж конечно не близнецам, поскольку Дезире, в агрессивной манере передовых американских родителей, была убеждена в том, что с детьми следует обращаться как со взрослыми, и, несомненно, разъяснила им истинный характер сложившихся между ними отношений. «Уж разъяснила бы заодно и мне, — невесело подумал он, всматриваясь еще в одно зеркало. — Разрази меня гром, если я хоть что-то в этом понимаю».

Не будучи по природе жаворонком, Филипп без труда поднимался спозаранок в эти солнечные утра в доме номер 3462 по Сократ авеню. Он полюбил принимать душ, стоя под горячими и острыми, как лазерные лучи, струями воды, гулять босиком по устланному коврами спящему дому и хозяйничать в кухне, сверкавшей белизной и нержавеющей сталью и больше походившей на панель управления космического корабля — столько там было циферблатов и

технических новинок плюс огромный гулкий холодильник. Филипп накрыл завтрак для себя и близнецов, налил в кувшин ледяного апельсинового сока, положил ломтики бекона в гриль, включил его на минимум и залил пакетик с чаем подоспевшим кипятком. Сунув ноги в брошенные по дороге шлепанцы, он вышел с чаем в сад и, сев на корточки у северной стены, залюбовался неизменным видом на бухту. Утро было очень тихое и ясное. Водная гладь казалась туго натянутой, а у подвесного Серебряного моста можно было пересчитать канаты. Далеко внизу на набережной, как заводные, сновали легковые автомобили и грузовики, но шум и гарь от них сюда не долетали. Здесь воздух был свеж и сладок и благоухал ароматом тропической растительности, в изобилии родящейся в садах зажиточного Плотина.

Серебристый лайнер, приглушив моторы, планировал с севера на уровне его глаз, и он следил за медленным его перемещением по широкоформатному небосклону. Этот час был хорош для прибытия в Эйфорию. И нетрудно было себе представить, что почувствовали первые мореплаватели, заплывшие сюда, возможно, случайно, по узкому проливу, теперь перекрытому Серебряным мостом, и обнаружившие эту необъятную

бухту в ее первозданном виде. Как там сказано об этом в «Великом Гэтсби»? «...Нетронутое зеленое лоно нового мира... должно быть, на один короткий, очарованный миг человек затаил дыхание перед новым континентом...» [19] Пока Филипп припоминал цитату, утреннее спокойствие было грубо нарушено отвратительным треском, будто над головой пролетела гигантская газонокосилка, и по склону холма метнулась темная членистоногая тень. Это спикировал на кампус Эйфорийского университета первый вертолет из полицейского наряда.

Филипп вернулся в дом. Элизабет и Дарси уже встали. Они вышли на кухню в пижамах, зевая, протирая глаза и приглаживая длинные нечесаные волосы. Хотя близнецы были разнополые, Филипп вечно путал их, потому что Дарси был по-девичьи миловиден, и только зубные пластины во рту у Элизабет помогали ему различать их. Загадочная это была парочка. Общаясь друг с другом посредством телепатии, они здорово экономили на словах обычного языка. Филипп явно отдыхал с ними после своих не по годам речистых и до изнеможения любознательных

[19] Примечания: 19

Ф. С. Фитцджеральд. «Великий Гэтсби». — Пер. с англ. Е. Калашниковой.

детей, однако была в этом и некая неловкость. Хотелось бы ему знать, что они о нем думают, но они ничем себя не выдавали.

— Доброе утро! — бодро поприветствовал он их. — Похоже, сегодня будет жарко.

— Привет, — вежливо пробормотали они. — Привет, Филипп. — Они уселись за стол и стали с аппетитом поглощать какие-то патентованные засахаренные хлопья.

— Хотите бекона?

Они замотали головами — рты у них были набиты. Филипп вынул из гриля хрустящие и неотличимые друг от друга ломтики бекона и, сделав себе бутерброд, налил еще одну чашку чая.

— Что вы хотите сегодня на ленч? — спросил он. Близнецы переглянулись.

— Арахисовое масло и джем, — сказал Дарси.

— Хорошо. А ты, Элизабет? — Можно было и не спрашивать.

— Пожалуйста, то же самое.

Он сделал бутерброды из заранее нарезанного витаминизированного и абсолютно безвкусного хлеба, который любили близнецы, и сунул их в коробки, положив туда еще по яблоку. Близнецы принялись за вторую порцию хлопьев. В «Эйфо-

рия таймс» недавно напечатали об эксперименте, в результате которого крысы, которых кормили пачками от хлопьев, оказались здоровее тех, которых кормили самими хлопьями. Он сказал им об этом. Они вежливо улыбнулись.

— Вы умылись? — поинтересовался он.

Пока они умывались, Филипп вскипятил воду, чтобы приготовить кофе для Дезире, и взял вчерашнюю «Кроникл». «Как подчеркивают организаторы, это будет мирный, неагрессивный протест, — прочел он. — Однако местные жители, узнав о том, что на это мероприятие в Плотине могут собраться пятьдесят тысяч человек, включая прибывших из Мэдисона и Нью-Йорка, высказывают по этому поводу серьезные опасения». Он выглянул в окно, туда, где над центральной частью Плотина завис стрекозой полицейский вертолет. В город было введено двухтысячное войско, часть которого расположилась биваком в «Народном саду». Поговаривали, что солдаты тайком поливают цветы. Вообще у них был такой вид, как будто они вот-вот бросят оружие и присоединятся к протестующим студентам, особенно когда девушки — защитницы Сада дразнили их, раздеваясь до пояса и противопоставляя штыкам голые груди — такой контраст холодного металла

и теплой плоти фотографы из «Эйфория Таймс», конечно, пропустить не могли. Многие солдаты были совсем юными парнями, вступившими в Национальную гвардию, чтобы не попасть во Вьетнам, да и похожи они были на тех рядовых во Вьетнаме, которых показывали в телевизионных новостях, — смущенных и несчастных, иногда набиравшихся смелости перед камерой, чтобы поднять пальцы в виде буквы «V». В действительности же вся эта история с садом и была Вьетнамом в миниатюре, где университет был марионеточным режимом, Национальная гвардия — американской армией, а студенты и хиппи — вьетнамцами: эскалация вооружения, массовые убийства, вертолеты, уничтожение лесов, партизанская война — все это прекрасно вписывалось в общую картину. Будет о чем поговорить на шоу Чарлза Буна. А больше, пожалуй, ему и говорить-то не о чем.

Близнецы снова появились в кухне, чтобы забрать свои коробки с едой. Одеты они были в джинсы, выцветшие футболки и полукеды и теперь выглядели чуть чище и опрятней.

— Вы с мамой попрощались?

Небрежно крикнув «пока, Дезире!» и получив в ответ невнятный возглас, они вышли из дома.

Филипп поставил на поднос кофе, апельсиновый сок, подогретые пончики и мед и понес все это в спальню Дезире.

— Привет, — сказала она. — Ты точен как часы.

— Чудный день сегодня, — ответил он, поставил поднос, подошел к окну и опустил жалюзи, так что солнце стало пробиваться в комнату длинными полосками. Рыжие пряди Дезире загорелись огнем на темно-оранжевых подушках исполинской кровати.

— Это что, вертолет нам чуть крышу с дома не снес? — спросила она, со смаком приступая к завтраку.

— Да, я как раз был в саду.

— Вот гады. Дети в школу ушли?

— Да. Я сделал им бутерброды с арахисовым маслом. Прикончил последнюю банку.

— Надо сегодня в магазин зайти. У тебя какие планы?

— С утра мне надо в университет. Преподаватели нашей кафедры сегодня проводят бдение у главного здания.

— Что проводят??

— Мне тоже кажется, что это не то слово, но они так это называют. Бдение обычно всенощное, так ведь? Я думаю, мы просто постоим на ступеньках

часок-другой. В знак молчаливого протеста.

— И ты думаешь, Дак призовет Национальную гвардию, если члены английской кафедры на пару часов перестанут трепать языками? Конечно, это будет большое достижение, но…

— По-моему, наш протест направлен против Байнда. Его надо уломать, чтобы он выступил против Дака и О'Кини.

— Байнда? — Дезире презрительно хмыкнула. — Двуликий ректор.

— Ну, ты понимаешь, он в трудном положении. Что бы ты сделала на его месте?

— Я на его месте никогда не окажусь. За всю историю Эйфорийского университета ректором ни разу не была женщина. А вечером ты будешь дома? Если нет, придется просить кого-нибудь посидеть с детьми. У меня сегодня тренировка по карате.

— Меня допоздна не будет. Сегодня надо идти на эту идиотскую передачу с Чарлзом Буном.

— Ах да. О чем вы будете говорить?

— Мне кажется, я должен буду поделиться своими впечатлениями об эйфорийских делах с точки зрения британца.

— Ну, это тебе раз плюнуть.

— Но я себя уже не ощущаю британцем. По

крайней мере, не так, как раньше. «Блуждаю между двух миров, один уж мертв, в другом нет силы для рожденья…» [20]

— Ну, по крайней мере, будет масса вопросов о Саде. Ты ведь прославился как его защитник.

— Но ты же прекрасно знаешь, что все это было совершенно случайно.

— В мире не бывает ничего совершенно случайного.

— Но я испытывал к защитникам Сада всего лишь умеренное сочувствие. И нога моя туда не ступала. А теперь люди, даже совершенно незнакомые, подходят ко мне, жмут руку, поздравляют с арестом. Прямо в конфуз вводят.

— В делах людских есть свои приливы и отливы, Филипп. Тебя накрыло волной исторического процесса.

— Я чувствую себя настоящим шарлатаном.

— А зачем тогда идешь на это бдение?

— Если я не пойду, это будет выглядеть так, будто я поддерживаю другую сторону, а это, конечно, неправда. Вдобавок я за то, чтобы с кампуса вывели войска.

— Смотри, чтобы тебя снова не арестовали.

---

[20] Примечания: 20
Арнольд Мэтью. «Стансы из Большой Обители» (1855).

Может, в следующий раз не так просто будет освободить тебя под залог.

Дезире доела пончик, облизала пальцы и откинулась на подушки с чашкой кофе в руке.

— Знаешь, — сказала она, — тебе очень идет этот халат.

— Где они продаются?

— Возьми его себе. Моррис ни разу не соизволил надеть его. Я его купила ему в подарок на Рождество два года назад. Кстати, ты Хилари написал? Или надеешься, что еще одна анонимка все за тебя решит?

— Я не знаю, что ей сказать. — Он зашагал по комнате, стараясь, непонятно почему, не наступать на солнечные полоски. Троица его собственных зеркальных отражений заспешила навстречу ему в триптихе зеркал над туалетным столиком Дезире и демонстративно отпрянула, когда он повернул назад.

— Расскажи ей о том, что произошло и что ты дальше собираешься делать.

— Но я не знаю, что собираюсь делать дальше. У меня нет никаких планов.

— Но ведь твой срок здесь подходит к концу?

— Да знаю, знаю, — с досадой сказал он, запустив пальцы в шевелюру. — Но все это так для

меня непривычно. У меня нет опыта супружеской измены. И я не знаю, что будет лучше для Хилари, для детей, для меня, для тебя…

— Обо мне не беспокойся, — сказала Дезире. — Не обращай на меня внимания.

— Да как это можно?

— Я вот что тебе скажу. У меня нет никакого намерения еще раз выходить замуж. В случае, если тебя посещала подобная идея.

— Но ведь ты собираешься разводиться?

— Собираюсь. И теперь буду свободной женщиной. Я буду стоять на собственных ногах, а пару яиц иметь исключительно на завтрак. — Возможно, это обидело его, так что она добавила: — Это к тебе не относится, Филипп, ты знаешь, что ты мне очень нравишься. И нам хорошо вместе. И детям ты понравился.

— Правда? Это мне трудно понять.

— Да-да, ты с ними в парк ходишь гулять и тому подобное. Моррис никогда этого не делал.

— Ты будешь смеяться, но это одна из тех вещей, от которых я надеялся избавиться, когда приехал сюда. Это, наверное, уже мания.

— Ты можешь жить у нас сколько хочешь. Если захочешь съехать, я тебя держать не буду. Ты волен делать все, что сочтешь нужным.

— Я именно так и чувствовал себя в эти последние недели, — сказал он. — Никогда в жизни я не чувствовал себя более свободным.

Дезире улыбнулась ему, что для нее было редкостью:

— Вот это хорошо.

Она вылезла из кровати и почесалась сквозь хлопковую ночную рубашку.

— Как было бы славно, если бы все это так и продолжалось. Ты, я и близнецы. А Хилари с детьми где-то там, и ничего не знают, и тоже довольны.

— Сколько времени у тебя осталось?

— Официально срок обмена заканчивается через месяц.

— А если бы ты захотел, ты бы мог остаться в университете? То есть смог бы ты получить работу?

— Никакой надежды.

— Кто-то мне сказал, что в «Бюллетене курсов» на тебя составили потрясающий отзыв.

— Это всего лишь Вайли Смит.

— Не скромничай, Филипп. — Стягивая через голову ночную рубашку, Дезире удалилась в ванную. Филипп с признательностью последовал за ней и, пока она принимала душ, сидел на крышке унитаза.

— А может быть, поискать работу в каком-нибудь из местных колледжей? — спросила Дезире сквозь шум льющейся воды.

— Может быть. Но возникнут проблемы с визами. Конечно, будь я женат на американке, таких проблем не было бы.

— Ну, это похоже на шантаж.

— Что ты, я и в мыслях такого не имел. — Он поднялся и встретился со своим отражением в зеркале над раковиной.

— Надо побриться. Ладно, все это фантазии. Конечно, через месяц я уеду. Вернусь к Хилари и детям. Назад в Раммидж. Назад в Англию.

— А ты этого хочешь?

— Вот уж нет.

— Я могу взять тебя к себе на работу.

— К себе?

— Домработницей. У тебя это здорово получается. Гораздо лучше, чем у меня. А я пойду работать.

Он рассмеялся.

— И сколько же ты мне будешь платить?

— Немного. Зато не будет проблем с визой. Ты не подашь мне из шкафа полотенце, милый?

Он распахнул полотенце и, когда она, блестя мокрой кожей, выступила из-под душа, начал

проворно растирать ее.

— М-м-м, как приятно. — Немного погодя она сказала:

— Тебе все-таки надо написать домой.

— А ты Моррису уже сказала?

— Я не обязана ему ничего объяснять. К тому же он в два счета прилипнет к твоей жене.

— А я об этом не подумал. Конечно, они оба знают, что я здесь жил…

— Но они думают, что Мелани тоже здесь, в качестве надсмотрщика. Или это я должна присматривать за тобой и Мелани? Я совсем запуталась.

— Я уже давно запутался, — сказал Филипп, замедляя свои движения. Он стоял перед ней на коленях, вытирая ей ноги. — Ты знаешь, это возбуждает.

— Остынь, детка, — ответила Дезире. — У тебя сегодня бдение, забыл?

Дорогая моя!

Большое спасибо за письмо. Я рад, что ты избавилась от простуды. У меня пока нет моей обычной сенной лихорадки, и я надеюсь, что местная пыльца не вызовет аллергии. Кстати, у меня роман с миссис Цапп. Я все собирался тебе об этом сказать, но как-то забывал…

Здравствуй, Хилари!

Не «дорогая», потому что я утратил право на нежные слова. Не прошло и пары месяцев после романа с Мелани…

Моя дорогая Хилари!

Как ты верно заметила, мои письма стали веселее и непринужденнее. Если говорить без всяких прикрас, в последнее время Дезире Цапп укладывает меня с собой постель по три-четыре раза в неделю, и мне от этого стало гораздо лучше…

По дороге в университет Филипп сочинял в голове письма Хилари и сразу же мысленно рвал их на части. Пытаясь привести к общему знаменателю образы, связанные с его домом в Раммидже, Хилари и детьми, и свою нынешнюю жизнь, он мгновенно скатывался к абсурду, сентиментальности или непристойности. Ему уже с трудом верилось, что, сев в самолет, он через несколько часов вернется снова к бесцветному, отсырелому и унылому пейзажу, когда-то им покинутому. Куда проще было бы представить себе, что, войдя в зеркало на туалетном столике Дезире, он окажется дома в собственной спальне. Ах, если бы можно было послать домой, когда наступит срок, свою живую копию, робота Лоу,

запрограммированного мыть посуду, сидеть на семинарах, ежемесячно платить за дом по третьим числам, и в то же время залечь здесь в Эйфории, расслабиться и потихоньку поживать бок о бок с Дезире… Никто в Раммидже и не заметит. А если он заявится домой таким, каков он есть сейчас, все сразу скажут, что это самозванец. *Просим подняться настоящего Филиппа Лоу!* Мне бы тоже хотелось на него взглянуть, думал Филипп, вписывая «корвет» в крутые повороты Сократ авеню. Шины тихонько повизгивали на гладком шоссе, а в зеркале заднего вида каруселью вертелись дома и сады. Дело кончилось тем, что он сел за руль машины Морриса Цаппа. «Я думаю, надо зарядить аккумулятор, — сказала Дезире через несколько дней после того, как он въехал к ней в дом. — Не могу спокойно смотреть, как ты каждое утро бежишь на автобус, при том что в гараже стоит свободная машина».

Ты знаешь, все началось в ту ночь, когда случился оползень. Мы с миссис Цапп снова оказались на одной вечеринке, и она предложила подбросить меня домой, потому что на улице разыгрался почти что тропический шторм… Пифагоров проезд превратился в вышедшую из берегов реку. Дождь колыхался тяжелыми складками в

лучах автомобильных фар, барабанил по крыше, дворники едва справлялись с потоками воды. Уличные фонари погасли, наверное, от короткого замыкания. Это было похоже на плавание по дну моря.

— Боже мой, — пробормотала Дезире, вглядываясь в темноту через ветровое стекло. — Когда я вас довезу, мне надо будет это пересидеть.

Из вежливости Филипп пригласил ее в дом на чашку кофе, и, к его удивлению, она согласилась.

— Боюсь только, что вы сильно промокнете, — сказал он.

— У меня есть зонтик. Мы бегом.

И они побежали — прямо к фасаду дома.

— Ничего не понимаю, — сказал Филипп. — Здесь должна быть входная дверь.

— Вы, наверное, здорово приняли, — сказала Дезире без всякого сочувствия. Несмотря на зонтик, она промокла до нитки. Филиппа тоже уже можно было выжимать. Более того, вместо садовой дорожки они угодили в глубокую грязь.

— Я совершенно трезв, — ответил он, пытаясь в темноте нащупать рукой ступеньки.

— Наверное, кто-то развернул дом, — саркастически заметила Дезире.

Что, в некотором роде, оказалось правдой.

Обогнув угол в поисках входной двери, они наткнулись на трех перепуганных девушек в испачканных грязью ночных рубашках. Это были Мелани, Кэрол и Дидри, которых выбросило из кроватей в тот момент, когда дом повернулся, описав большую дугу (Чарлзу Буну повезло — он в это время сидел в своей уютной студии).

— Мы думали, это землетрясение, — сказали они. — Или конец света.

— Поехали-ка все ко мне домой, — сказала Дезире.

Как ты понимаешь, все это было из чистого милосердия и только на время. Просто дать нам крышу над головой, пока мы не сможем вернуться на Пифагоров проезд или не подыщем что-нибудь другое… Кэрол и Дидри скоро съехали. Мелани поселилась с Чарлзом Буном в южной части кампуса — они всецело посвятили себя защите Сада и хотели быть поближе к месту событий. В результате из всех пострадавших от оползня в доме Цаппов остался лишь Филипп. Он медлил, желая понять, сможет ли дом в Пифагоровом проезде снова стать пригодным для жилья, — Дезире велела ему не беспокоиться об этом. Он без особого усердия начал подыскивать себе новую квартиру — Дезире посоветовала ему не спешить. Он и не

казался себе большой для нее обузой: она часто ходила по вечерам на собрания, и благодаря ему отпала необходимость в поисках приходящих нянь. Кроме того, она любила подольше поспать и оценила его готовность подавать близнецам завтрак и отправлять их в школу. Незаметно их новая жизнь вошла в привычку. Это было похоже на брак. По воскресеньям он вывозил близнецов в большой парк на другой стороне городского холма и бродил с ними по сосновым рощам. Он чувствовал, что снова возвращается к своей английской жизни, но только в более комфортном и необременительном варианте. По мере своего удаления в прошлое период жизни в Пифагоровом проезде стал казаться ему дурным сном. В конце концов, было в этом что-то неестественное и нездоровое, это была какая-то постыдная и нелепая роль, выпавшая на его долю, — не первой молодости паразит на теле чужеродного ему общества, путающийся в ногах у молодняка с собачьей преданностью в глазах, изо всех сил старающийся угодить или не дай Бог не обидеть, в тайной надежде быть принятым в игру, которая так и не была разыграна с его участием, — в ту самую, начало которой он захватил в свой первый вечер в квартире девушек

на первом этаже с Ковбоем, Военной Униформой и Черным Кимоно. Подобной игры они больше не затевали или же занимались этим в его отсутствие. С тех самых пор он ни разу не уловил и намека на оргию, хотя бдительно следил за малейшими ее признаками. Единственным же местом, где он столкнулся с групповым сексом, были частные объявления в «Эйфория таймс». Возможно, и ему следовало туда обратиться: *Английский профессор со скромными мужскими достоинствами, любит Джейн Остен, «Горячую десятку», джин с тоником, примет участие в оргии, опыта не имеет* . Или же личное послание: *Мелани. Дай мне еще один шанс. Ты мне нужна, но я не могу тебе это сказать. Я лежу в своей комнате без сна и жду, когда ты придешь* . Лежа в своей комнате без сна и в поту и прислушиваясь к приглушенным звукам из соседней комнаты, где она занималась любовью с Чарлзом Буном. Это было уже похоже на болезнь. Подоспевший оползень смел с лица земли Содом и Гоморру всех его тайных желаний и неисполнившихся мечтаний. В тихой и поначалу лишенной всякой сексуальности обстановке роскошного высокогорного гнездышка Дезире Цапп он почувствовал себя заново родившимся. Он стал лучше питаться

и лучше спать. За компанию с Дезире он бросил курить. «Если вы выбросите свою вонючую трубку, я выброшу свои вонючие сигареты, идет?» Она сказала, что решила бросить курить из-за карате — не вынесла унижения, поскольку после десяти минут тренировки начинала задыхаться. Филипп с удивлением обнаружил, как легко ему отказаться от трубки, и решил, что она ему, собственно, никогда и не нравилась. И был рад избавиться от всяких курительных причиндалов — в эти теплые дни он перешел на легкие брюки и тонкие футболки, и ничто больше не выпирало как опухоль в различных местах его тела. Впрочем, пить он стал больше — пару бокалов джина с тоником перед обедом, вино или пиво за столом и напоследок скотч с Дезире перед телевизором под мятежные новости уходящего дня. Как-то вечером он сказал ей:

— Я сегодня смотрел неплохую квартиру. На улице Поул.

— А почему бы вам не остаться у нас? — спросила Дезире, не отводя глаз от телевизионного экрана. — Места хватает.

— Сколько я могу сидеть у вас на шее…

— Если хотите, можете платить мне за постой.

— Хорошо, — сказал он. — Сколько?

— Как насчет пятнадцати долларов в неделю за комнату плюс двадцать долларов в неделю за еду и выпивку плюс три доллара за свет и тепло, что дает тридцать восемь долларов в неделю, или сто шестьдесят долларов за календарный месяц?

— Боже мой, — сказал Филипп, — ну и быстро же вы считаете!

— А я об этом уже думала. Меня бы это очень устроило. Кстати, вы будете дома завтра вечером? У меня семинар по пробуждению сознания.

Филипп остановился на красный свет и опустил стекло. Судя по треску вертолета над головой, он уже въехал в милитаризованную зону, хотя, находясь в этой части кампуса, никто бы не догадался, что в университете неспокойно, думал Филипп, минуя широкие западные ворота, заросли кустарника и лужайки, где от вращающихся дождевателей в воздухе зависла радуга из водяных капель, а одинокий часовой в укрытии небрежно помахал ему рукой. Но по мере приближения к главному зданию следы конфликта становились все более очевидными: разбитые и заколоченные досками окна, усеянные листовками и газовыми баллончиками дорожки, гвардейцы и полицейские, патрулирующие дороги, бдительно охраняющие здания и непрерывно

что-то бормочущие в переговорные устройства.

Он нашел свободное место на автостоянке позади филфака и припарковался бок о бок с Люком Хоуганом, который только что подкатил на большом зеленом «тандерберде».

— Хорошая у тебя машина, Фил, — сказал завкафедрой. — У Морриса Цаппа была точно такая же.

Филипп перевел разговор в иное русло.

— Если что и можно сказать в пользу волнений на кампусе, — заметил он, — так это то, что с парковкой стало полегче.

Хоуган безрадостно покивал. Для него, зажатого между радикально и консервативно настроенными коллегами, в этом кризисе было мало смешного.

— Очень жаль, Фил, что ты попал к нам в такое время.

— Что ты, все это очень интересно. Куда более интересно, чем могло бы быть.

— Тебе нужно будет приехать к нам как-нибудь в другой раз.

— А что, если я попрошу тебя взять меня на работу? — полушутя спросил Филипп, вспомнив свой разговор с Дезире.

Но Хоуган ответил на полном серьезе. На

его большом и темном лице, обветренном и опаленном солнцем, как западный ландшафт, отразилась невыразимая печаль:

— Эх, Фил, если бы я мог…

— Я пошутил.

— Кстати, в «Бюллетене курсов» тебя чертовски здорово оценили. А в наши дни преподавание кое-что значит…

— Но у меня совсем нет публикаций.

— Да, ты знаешь, Фил… — Люк Хоуган вздохнул. — Чтобы тебе получить работу соответственно возрасту и опыту, у тебя на счету должна быть книга, а то и две. Конечно, если бы ты был черным, тогда другое дело. А еще лучше — индейцем. Чего бы я только не дал за чистокровного индейца с докторской степенью, — пробормотал он мечтательно, словно человек на необитаемом острове, возжелавший бифштекса с жареной картошкой. Одним из требований, выдвинутых во время забастовки в прошлом семестре, был прием на работу представителей третьего мира, но другие университеты тоже начали охоту за этой дичью, так что запасы ее стали иссякать.

— Но у меня к тому же нет докторской степени, — заметил Филипп.

Этот факт был известен Хоугану, но, очевидно,

сочтя дурным вкусом заострять на нем внимание Филиппа, он оставил его реплику без ответа. Они вошли в здание и молча стали дожидаться лифта. Намалеванная на стене надпись гласила: «Бдение английской кафедры — у главного здания в 11 часов».

Двери лифта открылись, они шагнули внутрь, и вслед за ними туда вскочил Карл Круп. Это был коротконогий очкарик с лысоватой макушкой — на удивление негероический тип, подумал Филипп, когда увидел его впервые. На лацкане у него, как медаль ветерана войны, все еще красовался значок «Нет увольнению Крупа». Возможно, он носил его, чтобы досадить Хоугану, которому пришлось санкционировать его увольнение, а затем прием на работу.

— Привет, Люк, здорово, Филипп, — бодро поприветствовал он их. — Идете на бдение?

Люк ответил с кислой улыбкой:

— Ты знаешь, у меня с утра комиссия, Карл.— Едва дверь лифта открылась, как он выскочил и исчез в своем кабинете.

— Либерал хренов, — пробормотал Круп.

— Я тоже либерал, — возразил Филипп.

— Тогда мне хотелось бы, — сказал Круп, похлопывая Филиппа по спине, — чтобы было

побольше таких либералов, как ты, Филипп, защищающих свой либерализм на передовой, готовых ради него пойти в тюрьму. Ты идешь на бдение?

— Да-да, — сказал Филипп и покраснел.

На кафедре, куда он зашел проверить почту, его приветствовала секретарша Мейбл Ли:

— Профессор Лоу, мистер Бун оставил вам записку, — сказала она с наигранной улыбкой. — Я слышала, вы будете у него на шоу сегодня вечером. Я обязательно послушаю.

— О Боже, вот уж чего бы не посоветовал.

Он взял из лежащей на столе кипы газет номер «Стейт дейли» и пробежал глазами заголовки на первой странице: «Приказ, ограничивающий полномочия шерифа О'Кини… Другие кампусы выражают свою поддержку… Предположения врачей и ученых об использовании газа кожно-нарывного действия… Женщины и дети на Марше в защиту Сада…» Там же была и фотография Сада, не по дням, а по часам превращающегося в грязный пустырь с остатками игрового оборудования и чахлыми кустами в углу, со всех сторон обнесенный ограждением из колючей проволоки. По ту сторону забора находилась кучка безучастных солдат, а снаружи

— толпа женщин и детей, что-то вроде сюрреалистического концлагеря наоборот. Может, сгодится для шоу Чарлза Буна? «И кто же здесь настоящие пленники? Кто за колючей проволокой, кто на свободе?» И так далее в том же духе. Филипп открыл свой ящик для корреспонденции, к величайшему изумлению его американских коллег называемый им на английский манер «голубиным гнездом». При виде небольшого потрепанного пакета с адресом, написанным рукой Хилари, ему на какое-то мгновенье стало не по себе, пока он не сообразил, что пакет был отправлен наземной почтой несколько месяцев тому назад. Почта, приходившая из-за пределов Эйфории, в последнее время стала его беспокоить, напоминая ему о связях и обязательствах совсем в других краях; особенно он вздрагивая от писем Хилари, тонких бледно-голубых посланий, на которых даже профиль королевы в правом углу являл его виноватому взору скорбное неодобрение его поведения. Однако в письмах Хилари не было и следа недовольства или подозрений. С дружелюбной словоохотливостью она писала о детях, о Мэри Мейкпис и о Моррисе Цаппе, который явно выходил в Раммидже на первые роли и уже успешно предотвратил начавшуюся

было студенческую заварушку… Однако Филипп плохо воспринимал эти новости, бегло скользя взглядом по ровным, округлым буквам и в первую очередь пытаясь убедиться, что слухи о его супружеской неверности еще не докочевали до Раммиджа и не аукнулись возмущением и гневом. В Плотине ни для кого не было секретом, что он живет в доме Цаппов, но люди, похоже, были слишком озабочены проблемами Сада, чтобы задавать дальнейшие вопросы. Или это было так, или, как полагала Дезире, его считали голубым, поскольку он пустил в свою квартиру Чарлза Буна, а ее — лесбиянкой, поскольку она увлеклась феминизмом, так что едва ли кто-нибудь мог подумать, что они завели роман. К тому же Говарду Рингбауму, которого в первую очередь подозревали как автора подметного письма о Мелани (Ковбой, его студент, мог послужить источником информации), предложили работу в Канаде, и он уехал из Эйфории, мгновенно отпущенный вздохнувшим с облегчением Хоуганом.

Филипп прочел записку Чарлза Буна с напоминанием о времени и месте радиопередачи. Он вспомнил о том, как они встретились в самолете — с тех пор, казалось, прошли годы. «А кстати, вам надо будет как-нибудь прийти ко мне на пе-

редачу!..» Да, многое изменилось, включая и его отношение к Чарлзу Буну, которое прошло широкий спектр чувств — удивления, раздражения, зависти, злобы, мучительной сексуальной ревности и теперь, когда страсти поутихли, какого-то сдержанного уважения. В эти дни Буна можно было видеть повсюду — на улицах и на телеэкране, там, где случались шествия или демонстрации, — он так и лез в глаза со своей загипсованной рукой на перевязи, словно набиваясь на то, чтобы полицейские сломали ему и другую. Его наглости, дерзости и самоуверенности не было предела, и все это можно было принять за мужество. Влюбленность в него Мелани, которая со временем отнюдь не шла на убыль, теперь стала более понятной.

Филипп скомкал записку и бросил ее в мусорную корзину. Бандероль из Англии он откроет в приватной обстановке своего кабинета. По дороге туда он зашел в мужской туалет на четвертом этаже — тот самый, в котором в день его приезда взорвалась бомба, — теперь отремонтированный и заново покрашенный. 1 Считалось, что, если стать у писсуара, то лучшего вида из окна на бухту и подвесной Серебряный мост не сыскать, но сегодня Филипп устремил свой взгляд вниз.

Да, в перспективе точно укорачивается.

Поверь мне, Хилари, что о постели и речи быть не могло. В тех редких случаях, когда мы встречались, мы не особенно друг другу нравились — мало того, Дезире только и говорила что о движении феминисток и вообще была настроена против мужчин. Кстати, именно это и привлекло ее в наших отношениях…

— Боже мой! — вздохнула Дезире, в первый раз оказавшись в постели с Филиппом.

— Что такое?

— А как все было хорошо!

— Все было потрясающе, — сказал он. — Я не слишком быстро кончил?

— Да я не о том, глупый. Как все было хорошо, когда мы жили в целомудрии.

— В целомудрии?

— Да, мне всегда этого хотелось. Согласись, славно мы жили эти последние недели — как брат с сестрой. А теперь вот завели интрижку, теперь все как у людей. Банально.

— Но если ты этого не хочешь, мы можем не продолжать, — ответил он.

— Нет, когда начнешь, назад дороги нет. Только вперед.

— Хорошо, — сказал он и в подтверждение этих

слов разбудил ее на следующее утро пораньше, чтобы снова заняться любовью. Возбудилась она не сразу, но, достигнув оргазма, выгнула спину и так заходила ходуном, что Филипп слетел с кровати.

— Если бы я не знала, что вагинальный оргазм — это выдумки, — сказала она потом, — то ты мог бы ввести меня в заблуждение. С Моррисом никогда не было так хорошо.

— Верится с трудом, — ответил он. — Но спасибо на добром слове.

— Нет, правда. Техника у него была отменная, по крайней мере, во время оно, но я всегда чувствовала себя как двигатель на испытательном стенде. Как это у них там называется, тест на разнос?

Филипп зашел в свой кабинет, открыл окно и сел за стол. Бандероль, присланная Хилари, по всей видимости, содержала книгу и имела штамп «Получено в поврежденном от морской воды виде», что и объясняло ее странное, чуть ли не зловещее обличье. Он развернул упаковку, скрывавшую покоробленный и вылинявший том, который он сразу и не узнал. Корешок у книги отсутствовал, страницы слиплись. С трудом развалив книгу посередине, он прочел: «Возвра-

щение к прошлому следует использовать очень умеренно, по возможности избегая его. Оно замедляет развитие сюжета и вводит читателя в заблуждение. Жизнь, в конце концов, идет вперед, а не назад».

Все в нерешительности собрались на ступеньках главного здания — профессора, старшие и младшие преподаватели английской кафедры. Между ними сновал Карл Круп, раздавая черные повязки. Кое-где маячили самодельные плакаты, гласившие: «Войска — вон с кампуса!» и «Прекратить оккупацию!». Филипп кивал и улыбался друзьям и знакомым в одетой по-летнему толпе. Для массового выступления день выдался хоть куда, И все это было больше похоже на пикник, чем на бдение. То же самое, судя по всему, думал и Карл Круп, так как он, похлопав в ладони, призвал компанию к порядку.

— Предполагается, что это молчаливая акция, ребята, — сказал он. — И я думаю, что вы будете выглядеть еще более достойно, если, выражая протест, на время прекратите курить.

— И пить, и заниматься сексом, — добавил какой-то остряк в заднем ряду. Сай Готблатт, стоявший рядом с Филиппом, хмыкнул и бросил сигарету.

— Тебе хорошо, — сказал он, — ты завязал. Как тебе это удалось?

— Я в качестве компенсации увеличил дозу алкоголя и секса, — ответил Филипп с улыбкой. Он пришел к выводу, что в Эйфории лучший способ сохранить что-то в тайне — это высказать все начистоту под видом шутки.

— А как насчет сигаретки после этого дела? Не тянет?

— Дело в том, что я курил трубку.

— И запомните, — строго сказал Карл Круп, — если полиция или вояки станут разгонять нас, сопротивления не оказывать. Если какая сволочь станет распускать руки, обязательно узнайте его номер, а то эти долбаные придурки не всегда с жетонами ходят. Вопросы есть?

— А что, если они пустят газ? — спросил кто-то.

— Тогда дело швах. Расходитесь, не теряя достоинства. Бежать не надо.

Толпа наконец посерьезнела. Вообще на английской кафедре истинных радикалов было раз-два и обчелся, и уж совсем никого, кто готовил бы себя в мученики. Слова Карла Крупа просто напомнили им о том, что в нынешней взрывоопасной ситуации они хоть чуть-чуть, но высунули головы. Формально же это было

нарушением запрета губернатора на публичные сборища в пределах кампуса.

Все началось с того, что меня арестовали. Если бы не это, ничего бы не произошло. И, понимаешь, как раз благодаря Дезире меня и выпустили под залог…

— Алло, Дезире, это вы?

— Наконец-то! Вы что, забыли, что сегодня вечером мне надо уйти?

— Нет, не забыл.

— И где тогда вас черти носят?

— Вообще-то я сейчас в тюрьме.

— В тюрьме?

— Меня арестовали за кражу кирпичей.

— Бог ты мой! Вы что, действительно их украли?

— Да нет, конечно. Ну то есть они были у меня в машине, но я их не крал… Это долгая история.

— Лучше покороче, профессор, — сказал охранявший его полицейский.

— Послушайте, Дезире, вы не можете приехать и взять меня под залог? Они говорят, что это будет стоить полторы сотни.

— Наличными, — сказал полицейский.

— Наличными, — сказал Филипп.

— У меня с собой столько нет, а банки уже

закрыты. Они принимают кредитные карты «Американ экспресс»?

— Вы принимаете кредитные карты? — спросил Филипп полицейского.

— Нет.

— Нет, не принимают.

— Ну хорошо, я где-нибудь достану деньги, — сказала Дезире. — Не волнуйтесь.

— Да я и не волнуюсь, — жалобно сказал Филипп. Он услышал, как Дезире повесила трубку, и тоже положил свою на рычаг.

— Вам разрешается сделать еще один телефонный звонок, — сказал полицейский.

— Я отложу его на потом, — ответил он.

— Звоните сейчас, потом не будет. И лучше не рассчитывайте на то, что вас выпустят под залог, по крайней мере до понедельника. Вы — иностранец, понимаете? Это вызовет осложнения.

— О Господи. А что со мной будет сейчас?

— Сейчас будет то, что я вас посажу под замок. Вот только камера, куда сажают за мелкие преступления, уже набита до отказа такими же, как вы, кто без спросу берет чужие кирпичи. Поэтому я посажу вас в камеру с уголовниками.

— С уголовниками? — Слово жутковато резануло ему слух, и дурные предчувствия не

улетучились при виде двух могучих негров, которые с хищным проворством вскочили на ноги, завидев, как открывается дверь.

— Вот вам профессор, ребята, — сказал полицейский, втолкнув Филиппа в камеру и закрывая за ним дверь. — Смотрите, будьте с ним повежливей.

Уголовники обошли Филиппа кругом.

— И за что замели, профессор?

— За кражу кирпичей.

— Ты слышал, Ал?

— Я слышал, Лу.

— И много было кирпичей, профессор?

— Штук двадцать пять.

Уголовники с удивлением переглянулись.

— Наверное, это были золотые кирпичи, — сказал один. Другой издал пронзительный лающий смешок.

— Сигаретка будет, профессор?

— Извините, нет. — Это был единственный раз, когда он пожалел, что бросил курить.

— А какие у профессора клевые брючата, Ал.

— И не говори, Лу.

— А ты знаешь, я люблю, когда брючата вот так ловко обтягивают задницу, Ал.

— И я тоже, Лу.

Филипп быстро сел на стоящую вдоль стены деревянную скамейку и не вставал с нее, пока Дезире не освободила его под залог. «Как вы вовремя, — сказал он ей, когда они отъезжали от полицейского управления. — Если бы я остался там на ночь, меня бы изнасиловали».

Теперь все это казалось забавным, но повторять подобный опыт у него не было ни малейшего желания. Если бы сейчас в главные ворота ворвался наряд полицейских, чтобы всех арестовать, он бы одним из первых смял ряды и побежал искать убежища в своем кабинете. К счастью, этот день на кампусе выдался тихим, и бдение едва ли могло нарушить покой. Прохожие просто оглядывались на них и улыбались. Некоторые из них выкидывали два пальца в знак победы или отдавали им негритянский салют, выкрикивая «Так держать!» и «Власть народу!» Телевизионщики, репортер с оператором, кряхтя тащившим на спине похожую на гранатомет аппаратуру, несколько минут снимали их, медленно ведя камерой по рядам собравшихся, что невольно вызывало в памяти школьные выпускные фотографии. Сай Готблатт прикрыл лицо газетой.

— Откуда я знаю, что они не работают на ФБР? — пояснил он.

Вот как все это началось. Однажды в субботу после обеда я ехал через Плотин — я делал в центре покупки — и по дороге домой мне попалась разрушенная церковь. Там была толпа народу, в основном студенты, и все тащили кирпичи на тачках и тележках из супермаркета. Я обогнал одну группу — они несли кирпичи в бумажных мешках и проволочных корзинах, и среди них я узнал одного из своих студентов… Вайли Смит. Он был с двумя темнокожими приятелями из гетто и белой босоногой девушкой в кафтане. Они с готовностью приняли его предложение подбросить их до Сада, загрузили кирпичи в багажник «корвета» и прыгнули в машину. Когда Филипп подъехал к перекрестку неподалеку от Сада, Вайли Смит вдруг завопил «Атас!», три двери «корвета» одновременно распахнулись и пассажиры Филиппа бросились наутек в четырех разных направлениях. Двое полисменов в машине, подъехавшей к нему, и не думали преследовать их. Они нацелились на Филиппа, застывшего от страха за рулем своего «корвета».

— Неужели я на красный свет проехал? — с дрожью в голосе спросил он.

— Откройте, пожалуйста, багажник.

— Да там только немного старых кирпичей.

— Багажник откройте.

От волнения Филипп забыл, что у «корвета» двигатель сзади, и по ошибке открыл капот.

— Брось шутки шутить, парень, мне некогда.

— Простите, ради Бога! — Филипп открыл багажник.

— Откуда кирпичи?

— Ну, они… Э-э-э… там недалеко здание, церковь, ее сносят, вы, наверное, видели. И народ разбирает старые кирпичи.

— У вас есть письменное разрешение на вывоз кирпичей?

— Послушайте, инспектор, я кирпичей не брал. Они принадлежат студентам, которые сидели у меня в машине. Я только согласился подвезти их.

— Назовите их имена и адреса.

Филипп помедлил. Адрес Вайли Смита был ему известен, и в его правилах было говорить полицейским правду.

— Я ничего не знаю, — ответил он. — Я думал, у них есть разрешение.

— Никто не давал такого разрешения. Эти кирпичи украдены.

— Да что вы! Неужели они представляют какую-то ценность? Я их немедленно отвезу назад,

к церкви.

— Ни к какой церкви вы их не отвезете. Ваши документы.

Филипп протянул университетское удостоверение и британские водительские права. При появлении первого последовала краткая нотация в адрес профессоров, толкающих своих студентов на путь кражи чужой собственности, а вторые вызвали глубокое молчаливое подозрение. Оба документа были конфискованы. Подъехала вторая патрульная машина, и полицейские принялись перекладывать кирпичи из машины Филиппа в свои багажники. Затем все направились в полицейское управление.

В крошечной душной комнате, куда привели Филиппа, не было даже окон. Его сурово предупредили насчет ответственности за нанесение повреждений и порчу стен непристойными надписями, обыскали на предмет оружия и на полчаса оставили в одиночестве поразмышлять над содеянным. Затем вывели и зарегистрировали как подозреваемого. Университетское удостоверение и британские водительские права снова были подвергнуты скрупулезному изучению. Затем ему вывернули карманы и конфисковали их содержимое — малоприятная

процедура, напомнившая ему о давней игре в Пифагоровом проезде. Обступившие стол полицейские особенно оживились при появлении из кармана пиджака стеклянного шарика, принадлежащего Дарси («Ха-ха, у вас, профессор, теперь шарика будет не хватать!»). Когда же выяснилось, что машина, которую вел Филипп, а также дом, в котором он проживает, принадлежат вовсе не той женщине, чья фотография находится в его бумажнике, всеобщее веселье сменилось осуждением с примешанной к нему плотоядной завистью. Его сфотографировали. Затем у него взяли отпечатки пальцев. Затем позволили позвонить Дезире, а потом заперли в камере с уголовниками. Дезире удалось освободить его под залог в семь вечера, когда он уже потерял надежду выбраться из тюрьмы до понедельника. Она поджидала его в холле здания суда, такая невозмутимая, полная бодрости и уверенности в себе в своем кремовом брючном костюме и с заброшенной за спину охапкой рыжих волос. Филипп бросился ей на шею.

— Дезире… Слава Богу, что вы пришли!

— Да, вид у вас помятый. Вас там, часом, не били?

— Нет, но все это было так… скверно.

Впервые за время их знакомства Дезире проявила мягкость и даже нежность. Она встала на цыпочки, поцеловала его в губы, а потом, обняв за плечи, повела к выходу.

— Расскажите, что там у вас произошло, — попросила она.

И он поведал ей всю историю сбивчивыми, бессвязными фразами. Это был не просто шок, который он испытал, оказавшись на свободе, — как и в прошлый раз, от неожиданного поцелуя у него внутри растаял какой-то ледок, и снова вдруг нахлынули внезапные переживания и забытые ощущения. И он уже больше не думал об аресте, а думал только о том, что вот они впервые коснулись друг друга. Дезире, как ему показалось, думала о том же. На его путаный рассказ она откликалась бессвязными репликами; сидя за рулем, она рискованно отрывала взгляд от дороги и подолгу смотрела на него, а в смехе и даже в бранных словах ее слышалась легкая истерика. Ловя и читая эти сигналы, он еще более возбуждался и приходил в еще большее замешательство. Выйдя из машины, он на непослушных ногах вошел в дом. «А где близнецы?» — спросил он. «У соседей», — ответила Дезире и странно на него поглядела. Она закрыла входную дверь и сняла пиджак. А

потом туфли. А потом брюки. А потом блузку. А потом трусики. А бюстгальтера на ней не было.

— Извини, Фил, — прошептал Сай Готблатт, — но мне кажется, у тебя эрекция, а это нехорошо смотрится на бдении.

После полудня бдение тихо завершилось, и его участники, болтая, разошлись на обед. Филипп съел сандвич с креветками в компании Сая Готблатта в университетском ресторане «Серебряный бычок». Затем Сай вернулся к себе, чтобы настучать на своей электрической пишущей машинке еще одну статью о Хукере. Филипп, которому не работалось (за последние недели он не прочел ни одной стоящей книги), решил подышать свежим воздухом. Наслаждаясь солнцем, он медленно побрел через университетскую площадь мимо киосков и прилавков студенческих политических группировок; это было что-то вроде идеологической ярмарки, на которой можно было вступить в ряды организации «Студенты за демократическое общество», купить литературу о банде «Черные пантеры», сдать деньги в фонд защиты Народного сада, присоединиться к движению «Спасите бухту», сдать кровь для жертв войны во Вьетнаме, получить инструкцию по оказанию первой помощи при газовых атаках,

подписать требование о легализации наркотиков — одним словом, проявить себя сотней интереснейших способов. По разным сторонам улицы проповедник-фундаменталист и кучка завывающих монахов-буддистов состязались в заманивании праздных душ. Этот день в Плотине выдался спокойным. И хотя на всех перекрестках вдоль главной улицы по-прежнему дежурил и полицейские, регулируя движение, расчищая тротуары и разгоняя скопления народа, напряжения в воздухе почти не чувствовалось, а толпа была мирной и добродушной. Как будто был объявлен антракт между жестокостью недавних кровопролитий и газовых атак и непредсказуемостью Большого марша. Защитники Сада усиленно готовились к этому событию, полиция же, снискав себе дурную славу в столкновениях с ними, старалась не высовываться. Торговля на главной улице шла вовсю, хотя некоторые витрины были выбиты и заколочены досками, а в книжном магазине «Бета», излюбленном месте встречи радикалов, все еще витал крепкий перечный дух; полиция накидала сюда так много газовых фанат, что студента, купившего книги в этом магазине, можно было определить по катящимся градом слезам. Более благотворные и аппетитные аро-

маты гамбургеров, запеченного сыра и бастурмы просачивались на улицы из переполненных баров и кафе; из магазинов, торгующих пластинками, через внешние динамики доносились звуки последнего рок-хита «Счастливый день», на легком ветерке покачивались погремушки бамбуковых занавесок насквозь пропитавшихся благовониями индийских сувенирных лавок, а из зажатых в пробке автомобилей слышалась разноголосица настроенных на двадцать пять радиостанций магнитол, сплетающаяся с витиеватыми мелодиями ситарной музыки.

Филипп оккупировал крошечный столик рядом с открытым окном в кафе «У Пьера», заказал себе мороженое с кофе по-ирландски и принялся разглядывать шествующую мимо процессию: бородатые иисусы с босоногими Магдалинами в хлопковых хитонах, нефы с африканскими прическами, похожими на ядерный гриб, и в темных очках с металлической оправой, пускающих революционно настроенных солнечных зайчиков своим собратьям на другой стороне улицы, наркота и алкаши, одуревшие до потери пульса, идущие по стеночке или сидящие, привалившись к нагретой солнцем стене, дети негритянских гетто и марк-твеновские беспризорники, опустошающие

автоматы для оплаты парковки и клянчащие гривенники у водителей, которые откупались из боязни остаться с поцарапанными крыльями, священники и полицейские, расклейщики афиш и сборщики мусора, какой-то юноша, застенчиво раздающий листовки с приглашением на курсы по сайентологии, хиппи в истертых и обтрепанных кожаных куртках с гитарами наперевес и девушки, девушки всех сортов и размеров, девушки с распущенными по пояс волосами, девушки с косичками, девушки с кудряшками, девушки в мини-юбках, девушки в юбках до земли, девушки в джинсах, девушки в брюках клеш, девушки в бермудах, девушки без лифчиков, девушки, судя по всему, без трусиков, девушки белые, смуглые, желтые, черные, девушки в сарафанах, в сари, в тонких свитерках, в шароварах, в сорочках, в гавайских платьях, в бабушкиных капотах, в военных френчах, в сандалиях, в полукедах, в ботинках, в шлепанцах, босые, девушки с бусами, с цветами, со снизками браслетов на руках и ногах, девушки с серьгами, девушки в соломенных канотье, в сомбреро, в фуражках а-ля Фидель Кастро, девушки толстые и тонкие, высокие и малорослые, мытые и немытые, полногрудые и плоскогрудые, девушки с крепкими, упругими

и дерзкими попками и девушки с рыхлыми, висячими полушариями плоти, подрагивающими при каждом шаге, и еще одна девушка, привлекшая особое внимание Филиппа, когда она стояла на тротуаре, собираясь перейти улицу, одетая в мини-юбку короче некуда, с длинными голыми ногами и с красовавшимся на одном бедре синяком в форме человеческого рта.

И вот, сидя здесь и взирая на все это с таким же праздным удовольствием, с каким он потягивал сквозь взбитые сливки крепкий кофе, Филипп почувствовал себя бесповоротно обращенным эмигрантом и частью грандиозного исторического процесса — текущего вспять культурного Гольфстрима, который увлек в Европу сонмище американцев в поисках Новых Впечатлений. Теперь же не Европа, но западное американское побережье стало передним рубежом эксперимента в жизни и в искусстве — именно сюда направили свои стопы паломники, жаждущие свободы и просвещения, и теперь европейцы обратились к американской литературе, чтобы увидеть в ней, как зеркале, свои духовные искания. Он вспомнил о «Послах» Генри Джеймса, о наставлении Стрезера маленькому Билхэму в парижском саду («жить… жить что есть сил…

потому что грех всем этим не воспользоваться») и в равной степени ощутил себя и тем и другим персонажами — старшим, слишком поздно постигшим эту истину, и младшим, еще имевшим шанс извлечь из нее выгоду. Подумал он и о Генри Миллере, потягивающем пивко в задрипанной парижской забегаловке с блокнотом на коленях и еще не выветрившимся с пальцев запахом женских срамных губ, и почувствовал какую-то далекую родственную связь с его бесстыдной, грубой, фаллической фантазией. И впервые в жизни этим вечером, сидя в кафе «У Пьера» на главной улице Плотина и наблюдая текущую мимо жизнь города, он воспринял в себя всю американскую литературу и постиг всю ее невоздержанность, неблагопристойность и самоуверенную разнохарактерность, и понял вдруг Уолта Уитмена, сочленявшего слова, дотоле не встречавшиеся в одной компании нигде, кроме словаря, и Германа Мелвилла, расщепившего атом традиционного романа в попытке сделать охоту на китов всеобщей метафорой и тайком протащившего в книгу, адресованную самой пуританской в мире читающей публике, главу о китовой крайней плоти (чего никто и не заметил), и вдруг уразумел, почему Марк Твен собирался написать продолжение

«Гекльберри Финна», в котором Том Сойер продает Гека в рабство, и почему Стивен Крейн начал создал свой знаменитый военный роман «Алый знак доблести» и лишь потом приобрел военный опыт, и что имела в виду Гертруда Стайн, говоря: «Все, что вспоминается, — это повторение, а все, что переживается, все сущее, и слышимое, и воспринимаемое — это не повторение». И все это он осознал, хотя едва ли мог объяснить своим студентам — ведь некоторые мысли слишком глубоки для семинаров, а также понял наконец, что же он хотел сказать Хилари.

А все потому, Хилари, что я уже не тот, и изменился я куда больше, чем мог бы о себе подумать. И я не только, как тебе известно, живу у Дезире Цапп с той самой ночи, когда случился оползень, но и со дня моего ареста начал с ней регулярно спать, и, не кривя душой, скажу, что не чувствую за собой такой вины, чтобы сожалеть о случившемся. Конечно, мне меньше всего хотелось бы причинить тебе боль, но когда я спрашиваю себя: какую рану я тебе нанес ? что я такого отнял у тебя?—я не могу найти ответа. И камень преткновения — не в моих отношениях с Дезире, а в нашем браке. Мы обладали друг другом целиком и полностью, но без всякой радости. Мне кажется,

что за тринадцать лет нашей супружеской жизни только эта моя поездка в Америку разлучила нас больше чем на один день. И за все это время, пожалуй, не было и часа, когда ты не знала бы или не догадывалась, чем занят я, и когда бы я не знал или не догадывался, чем занята ты. Наверное, каждый из нас знал даже, о чем думает другой, так что едва ли была необходимость говорить друг с другом. И сегодняшний день был как две капли похож на вчерашний, и таким же был каждый завтрашний день. Мы хорошо знали, во что мы оба верим: в трудолюбие, в бережливость, в образование, в умеренность во всем. Наш брак — и дом, и дети — был как машина, которой мы служили и которую обслуживали с молчаливой экономией усилий двух монтеров, так долго проработавших в одной связке, что они не натыкались друг на друга, не просили подать инструмент, никогда не делали ошибок и не имели разногласий — только работа эта нагоняла на них смертельную скуку.

Ты видишь, я невольно перешел на прошедшее время — наверное, потому что и помыслить не могу о возврате к прежним отношениям. Это, конечно, не означает, что я хочу развестись с тобой или разъехаться, но если мы останемся вместе, так дальше продолжаться не может.

Жизнь, в конце концов, идет вперед, а не назад. Я все-таки думаю, что было бы неплохо, если бы ты смогла приехать сюда на пару недель, чтобы понять все, о чем я говорю, так сказать, в контексте, и принять по этому поводу свое собственное решение. Я не уверен, что смог бы объяснить тебе все это в Раммидже.

Кстати, что касается Дезире: ни она не имеет на меня никаких видов, ни я на нее. Я всегда буду относиться к ней с симпатией и благодарностью, и ничто не заставит меня пожалеть о наших отношениях, но это не значит, что я прошу тебя приехать, чтобы жить втроем. Я скоро переезжаю на другую квартиру…

Да, пожалуй, это подойдет, подумал Филипп, оплачивая счет. Прямо сейчас я его отсылать не буду, но когда придет время, это будет в самый раз.

— Я думаю, следует признать, — без тени шутки сказал Филипп в микрофон, — что те, кому в голову пришла идея Сада, были радикалами, ищущими повода, чтобы противопоставить себя истеблишменту. Это был сугубо политический акт, который предприняли левые радикалы, чтобы спровоцировать органы охраны правопорядка на демонстрацию грубой силы, тем самым

подтверждая тезис о том, что нынешнее так называемое демократическое общество на деле есть общество тоталитарное, репрессивное и нетерпимое к инакомыслию.

— Если я правильно вас понял, профессор Лоу, — гнусаво произнес звонивший, — вы хотите сказать, что люди, решившие разбить Сад, в конечном счете несут ответственность за последовавшее за этим применение насилия?

— Вы действительно так думаете, Фил? — вмешался Бун.

— В некотором смысле — да. Но в этом есть и другой смысл, возможно, более важный, который подтверждает мой тезис. А именно, если крошечную территорию занимает двухтысячное войско, если весь день над кампусом снуют вертолеты, ночью объявляют комендантский час, людей расстреливают на улицах, травят газом, арестовывают кого ни попадя, и все это чтобы запретить небольшой городской сад, тогда следует признать, что есть что-то порочное в нынешней системе. Аналогично, идея Народного сада, возможно, и была политическим маневром для ее авторов, но в процессе реализации она приобрела истинность и ценность. Надеюсь, вам не покажется, что я пытаюсь уклониться от ответа.

— Нет, — ответил голос в наушниках. — Нет. Все это очень интересно. Скажите, профессор Лоу, случалось ли что-нибудь подобное в вашем университете в Англии?

— Нет, — ответил Филипп.

— Спасибо за звонок, — сказал Бун.

— Спасибо вам, — ответил звонивший.

Бун отключил тумблер прямой линии и пропел в микрофон позывные своей радиостанции. Левая рука его была закована в гипс, на котором красовалась надпись, гласившая: «Сломано помощником шерифа округа Аркадия 17 марта, в субботу, на перекрестке Шемрок авеню и улицы Эддисон. Требуются свидетели».

— Так, у нас осталось времени лишь на один-два звонка, — сказал Бун. Замигала красная лампочка. — Алло, добрый вечер! Вас слушает Чарлз Бун и мой сегодняшний гость профессор Филипп Лоу. Чем вы хотите с нами поделиться?

На этот раз звонила пожилая дама, очевидно, постоянная слушательница, так как, услышав ее дребезжащий голос, Бун в отчаянии закатил один глаз.

— Не кажется ли вам, профессор, — сказала она, — что в высшем образовании нынешней молодежи не хватает курсов по самоконтролю и

самоограничению?

— В общем…

— Так вот, когда я была девочкой — давно это было, должна я вам сказать, да… Может, вы попробуете угадать, сколько мне лет, профессор?

Чарлз Бун безжалостно перебил ее:

— О'кей, бабуля, так что вы хотели нам поведать? Что девушка должна знать, когда сказать «нет»?

После короткой паузы голос задребезжал вновь:

— Подумать только, мистер Бун, именно это я и собиралась сказать!

— А каково ваше мнение, Фил? — спросил Чарлз Бун. — Что вы думаете насчет того, что своевременный отказ — это панацея на все времена? — Он взял стоящую перед ним бутылку кока-колы и сделал натренированный беззвучный глоток. Сквозь стеклянную панель слева от Буна Филиппу было видно, как звукооператор сидит, позевывая, над табло и кнопками со скучающей и недовольной физиономией. Филиппу же, напротив, было совсем не скучно. Передача ему необычайно понравилась. Он целых два часа щедро делился со слушателями либеральными суждениями по всем мыслимым вопросам

— Народный сад, наркотики, закон и порядок, образовательные стандарты, Вьетнам, охрана окружающей среды, ядерные испытания, аборты, групповой психотренинг, нелегальная пресса, смерть романа, и вот под конец у него осталось достаточно сил и энтузиазма, чтобы высказаться перед престарелой дамой по поводу сексуальной революции.

— Что ж, — сказал он, — сексуальная мораль всегда была яблоком раздора между поколениями. Но теперь в этих вопросах мы наблюдаем больше честности и меньше лицемерия, и это, я уверен, к лучшему.

Этого Чарлз Бун вынести уже не мог. Он отключил бабулю и стал закруглять свое шоу. Однако красная лампочка замигала вновь, и он сказал, о'кей, это будет последний звонок. Голос зазвучал издалека, но слышно было хорошо.

— Это ты, Филипп?

— Хилари!

— Ну наконец-то!

— Господи! Откуда ты звонишь?

— Из дома, разумеется. Ты и представить себе не можешь, с каким трудом я дозвонилась!

— Сейчас не надо со мной говорить!

— Или сейчас, или никогда, Филипп!

Чарлз Бун напряженно сидел на своем месте, прижимая наушники здоровой рукой, как будто ему удалось перехватить разговор из открытого космоса. Звукооператор за стеклянным экраном перестал зевать и отчаянно засигналил руками.

— Это частный звонок, который попал сюда по ошибке, — сказал Филипп, — пожалуйста, разъедините нас.

— Ни в коем случае, — сказал Хилари. — Я целый час пыталась к тебе пробиться.

— А где ты раздобыла этот номер?

— Мне его дала миссис Цапп.

— А она, часом, не сказала, что это номер радиопередачи с прямым эфиром?

— Что? Она сказала, что ты изо всех сил пытался связаться со мной. Ты вспомнил о моем дне рождения?

— О Боже, я совсем о нем забыл!

— Что ж, ничего, это все пустяки.

— Послушай, Хилари, тебе лучше положить трубку.

Он потянулся через покрытый зеленым сукном стол к контрольному выключателю, но Бун с сатанинской ухмылкой преградил ему дорогу закованной в гипс рукой и подал знак звукооператору прибавить громкости. Его блудливый глаз

так и стрелял по сторонам от возбуждения.

— Так что ты хотела, Хилари? — страдальчески спросил Филипп.

— Ты должен немедленно вернуться домой, Филипп, если хочешь спасти наш брак.

Филипп издал краткий истерический смешок.

— Почему ты смеешься?

— Я писал тебе примерно о том же самом.

— Но я не шучу, Филипп.

— И я тоже. Кстати, ты можешь себе представить, сколько народу слушает наш разговор?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Вот именно! Поэтому не сочти за труд, немедленно повесь на рычаг чертову трубку!

— Ну если это все, что ты можешь сказать мне… А я-то надеялась, ты понял, что я собираюсь завести роман.

— А я уже завел роман! — закричал Филипп. — Но меньше всего мне хотелось бы, чтобы об этом узнал весь мир!

До Хилари наконец дошло. Она охнула, замолчала, и телефон отключился.

— Потрясающе, — сказал Чарлз Бун, когда все красные и зеленые лампочки погасли и замолчал микрофон. — Потрясающе. Высший класс. Фантастика, а не передача!

Прогноз погоды обещал, что будет облачно с прояснениями, и в первый погожий денек Моррис проснулся спозаранок от солнечных лучей, упавших ему на лицо из-за тонкой хлопковой занавески. Облачно с прояснениями. «Кто назначает эти прояснения? — все спрашивал он своих английских знакомых. — Какой такой умник сидит там наверху и что-то проясняет?» Впрочем, больше это никому не казалось забавным, и теперь даже он стал привыкать к причудливой метеорологической идиоматике. «Температура в пределах сезонной нормы». «Немного прохладно». «Местами дожди». «Переменная облачность». Отсутствие точности во всей этой терминологии уже перестало его беспокоить. Он смирился с тем, что, как и весь английский лексикон, это тоже своеобразный язык недомолвки и компромисса, рассчитанный на то, чтобы лишить погоду всякого драматизма. И никаких разговоров о максимумах и минимумах — все вокруг умеренно, заранее определено и сдержанно.

Он немного полежал на спине, прикрыв глаза от солнца и от таких же слепяще цветастых обоев, украшающих стены гостевой спальни в доме Лоу, и прислушиваясь к тому, как дом пробуждается ото сна и весь его остов потягивается и кряхтит,

как набитая стариками ночлежка. Потрескивают половицы, гудят и клокочут водопроводные трубы, скрипят дверные петли, а в рамах дребезжат стекла. От этого шума можно просто оглохнуть. К общему хору Моррис добавил свой голос, испустив затяжной непристойный звук, от которого он чуть не подпрыгнул на матрасе. Это был его традиционный салют наступившему дню; что-то было в этом Раммидже, возможно, вода, от чего у него развился ужасный метеоризм.

При звуке шагов за дверью он навострил уши. Хилари? Он выскочил из кровати, бросился к окну, распахнул его настежь и встряхнул, проветривая, постельное белье.

Напрасные усилия. Это была Мэри Мейкпис: он распознал ее тяжелую беременную поступь. А ему-то на какой-то миг показалось, что Хилари смилостивилась и решила заглянуть к нему в комнату, чтобы немного покувыркаться в сене на утренней зорьке. Моррис захлопнул окно и, дрожа от холода, прыгнул обратно в кровать. А как близко он подошел вчера к тому, чтобы затащить Хилари в постель!

Она захандрила, потому что вчера был день ее рождения, а Лоу не прислал ей не то что подарка, но и дешевенькой открытки. «Когда не надо, он

шлет мне розы через «Интерфлору», а когда надо, не может вспомнить про мой день рождения, — пожаловалась она с грустной усмешкой. — В таких вещах он совершенно безнадежен. Обычно ему дети напоминают». Чтобы поднять ей настроение, Моррис пригласил ее поужинать. Она стала возражать. Он настаивал. Его поддержала Мэри, а потом и Аманда. Наконец Хилари позволила уговорить себя. Она приняла душ, вымыла голову и нарядилась в очень идущее ей черное длинное платье, которого Моррис прежде не видел, с глубоким вырезом, открывавшим ее гладкие кремовые плечи и бюст. «Да вы потрясающе выглядите!» — со всей откровенностью сказал Моррис, и она залилась румянцем по самое декольте. И все теребила бретельки на платье и натягивала на плечи шаль — пока не осушила второй мартини, после чего раскованно навалилась грудью на стол и ничего не имела против, когда он запускал в вырез ее платья продолжительные оценивающие взгляды.

Он пригласил ее в более или менее сносный итальянский ресторанчик, а потом они зашли в «Петронеллу», небольшой полуподвальный бар недалеко от вокзала, с приличной музыкой и не слишком молодой публикой. В тот вечер на

сцене выступала группа под названием «Смерть Артура», играющая в стиле фольклорного блюза, с меланхоличной солисткой, поющей под Джоан Баэз и других певиц подобного типа. Однако все могло быть гораздо хуже — группа тяжелого рока Хилари уж точно не пришлась бы по вкусу. Все вокруг, похоже, ей нравилось, так как она, изумленно оглядываясь на глинобитную лепнину а-ля Тюдор и с энтузиазмом аплодируя после каждой песни, сказала: «Я и не знала, что в Раммидже есть такие местечки, — и как вы только его обнаружили?» Он не стал говорить, не желая ее разочаровывать, что «Петронелла», как и десятки других подобных заведений, каждый вечер рекламирует себя в местной газете, но, скорее всего, Хилари и ее сверстники просто не замечали, что происходит в городе вокруг них. А между тем, пусть в это верилось с трудом, в Раммидже теплилась какая-никакая светская жизнь, хотя отдельные ее проявления, например клубы для «голубых» или вест-индские притоны, обнаружить было очень непросто. Но были и другие, не менее интересные и вполне доступные заведения — например коктейль-бар в «Ритце», одном из лучших отелей Раммиджа, в субботу вечером, когда там собирались водители с же-

нами или подружками, чтобы отвести душу за бутылкой. Как ни старались в отеле удерживать цены на высоте в попытке сохранить марку, водителей было не запугать. Они рассаживались за столом или торчали у стойки, а их женщины, поправляя огромные, как осиные гнезда, парики, громоздились над своими крепкими, широкоплечими кавалерами, которые сидели как истуканы в новых с иголочки костюмах с торчащими из рукавов жесткими мозолистыми кулаками и заказывали по кругу дайкири, коктейли с виски, «Белую леди», «Апельсиновый цвет» и собственные изобретения Гарольда, владельца бара и обладателя ресторанных призов, — «Ядерный гриб», «Усиленный заряд», «Шаровую молнию» и «Росу Раммиджа»…

— Мы как-нибудь туда сходим, — пообещал он Хилари.

— Господи, да вы уже все тут знаете, Моррис. Можно подумать, что вы прожили в Раммидже долгие годы.

— Мне самому иногда так кажется, — мягко пошутил он.

— Вам, наверное, уже не терпится вернуться домой, в Эйфорию.

— Да как вам сказать… Жаль было бы пропу-

стить розыгрыш первого гран-при Раммиджа.

— Ну, а наш климат… И ваша семья?..

— Я буду рад повидать близнецов. Возможно, в последний раз. Вы же знаете, что Дезире хочет со мной развестись.

У Хилари на глаза навернулась пьяненькая слеза.

— Мне очень жаль, — сказала она.

Моррис передернул плечами, и лицо его приняло мужественное, но усталое выражение, как у обаятельного кино-гангстера. Позади Хилари на стене висело дымчатое зеркало, сверяясь с которым он вносил в свое отражение легкие и малозаметные поправки, ненадолго отвлекаясь для этого от созерцания ее декольте.

— А есть какие-нибудь шансы на примирение? — спросила она.

— Я надеялся, что эта моя поездка что-то изменит. Но судя по письмам Дезире, она не передумает.

— Мне очень жаль, — снова сказала Хилари.

Солистка «Смерти Артура» пела «Кто знает, куда уходит время», вполне сносно имитируя Джуди Коллинз.

— А у вас с Филиппом были какие-нибудь проблемы? — отважился спросить Моррис.

— Нет, никогда. Ну, то есть до сих пор… — Она в смущении запнулась.

Он протянул руку и накрыл ее ладонь своей.

— Вы знаете, что мне известно насчет Мелани.

— Да, знаю… — Она уставилась на его большую темную руку с пальцами, заросшими густыми волосами. «Похоже на медвежью лапу», — обычно говорила Дезире. Но Хилари своей руки не отняла.

— Это случилось впервые, — сказала она.

— Откуда вы знаете?

— Уж я-то знаю… — Она подняла на него глаза. — Мне очень жаль, что это оказалась ваша дочь.

Придумать подходящий ответ на подобное сочувствие Моррису не удалось. Он снова пожал плечами.

— Но вы ему это уже простили? — спросил он.

— Да, конечно. Думаю, что да.

— Хотел бы я, чтобы у Дезире было столько же понимания, — вздохнул он.

— Возможно, ей приходится понимать куда больше? — робко спросила она.

Он бесшабашно ухмыльнулся:

— Возможно.

К певице присоединились соло– и бас-гитары, и все вместе они запели популярную песенку про

волшебного дракона, подражая группе «Питер, Пол и Мэри». Моррис пришел к выводу, что сологитара совсем никуда не годится. Возможно, это и был Артур. В таком случае, название группы символизировало конечную цель, достижение которой было весьма желательно.

— Ну что, заглянем куда-нибудь еще? — спросил Моррис.

Пабы к этому времени закрылись, и «Петронелла» стала заполняться менее утонченной публикой — забубёнными выпивохами и уличными девицами не первой свежести. В любую минуту «Смерть Артура» могла закончить свою программу, за чем последовало бы шумное диско. Моррис знал еще одну придорожную закусочную, в которой музыкальный автомат был заряжен исключительно свингом сороковых годов.

— Я думаю, нам пора домой, — сказала Хилари. Моррис взглянул на часы.

— Куда спешить? С детьми сидит Мэри.

— Нет, все равно пора. Меня что-то совсем разморило. Не привыкла я столько пить по вечерам.

Сев в машину, она откинулась на сиденье и закрыла глаза.

— Спасибо за чудесный вечер, Моррис.

— Спасибо вам. — Он наклонился и в порядке

эксперимента поцеловал ее *к* губы. Она обняла его за шею и приняла поцелуй раскованно и с удовольствием. И Моррис решил все-таки отвезти ее домой.

Когда они вернулись, дом уже спал. Они молча поднялись на цыпочках по лестнице. Пока Хилари накрывала стол к завтраку, чтобы не возиться утром, Моррис пошел в ванную, быстренько подмылся, почистил зубы, надел чистую пижаму и шелковое кимоно и засел в ожидании в своей комнате. Наконец Хилари поднялась к себе. Он выждал еще несколько минут, затем тихонько пересек коридор и вошел к ней в спальню. Хилари в комбинации сидела у зеркала и расчесывала волосы. Обернувшись, она вздрогнула от неожиданности.

— Вы что, Моррис?

— Я просто подумал, что, может быть, сегодня я буду спать здесь. Разве вам этого не хотелось?

Она в ужасе затрясла головой:

— Нет-нет, что вы!

— А почему нет?

— Только не здесь! Дети рядом. И Мэри.

— Но где же еще? Завтра я возвращаюсь к О'Шею. Крышу уже починили.

— Я знаю. Извините меня, Моррис.

— Да будет вам, Хилари! Расслабьтесь! Вы чем-то встревожены. Давайте-ка я сделаю вам массажик.

Он встал позади Хилари, положил ей руки на шею и стал разминать плечевые мышцы. Но она ничуть не расслабилась и напряженно склонила вбок голову, так что в зеркале они отразились вдвоем как живая картинка, демонстрирующая истязателя и его жертву.

— Извините меня, Моррис, но лучше не надо, — пробормотала она.

— О'кей, — холодно сказал он и оставил ее, неподвижно застывшую перед зеркалом.

Через несколько минут они снова встретились в коридоре между ванной и спальнями. У Хилари под халатом была надета ночная рубашка, лицо блестело от крема. У Морриса вид был откровенно мрачный и обиженный. Проходя мимо, она дотронулась до него рукой.

— Моррис, извините меня, — прошептала она.

— Забудьте об этом.

— Если бы это было возможно... Если бы... Вы были так добры ко мне! — она слегка покачнулась в его сторону. Он поймал ее, поцеловал, скользнул рукой под халат, и все пошло просто замечательно, но вдруг где-то рядом громко

скрипнула половица, Хилари вырвалась и метнулась в свою комнату. Разумеется, поблизости никого не было. Это просто треклятый старый дом снова завел сам с собой беседу. Хилари говорила, что от центрального отопления старое дерево стало одновременно усыхать и расширяться. Возможно, что и так. В комнате Морриса между половицами зияли такие широкие щели, что сейчас из кухни этажом ниже сюда стал просачиваться аппетитный аромат бекона и кофе. Моррис решил, что пора вставать.

В кухне Мэри Мейкпис, одетая в один из халатов Хилари, который с трудом сходился на ее выпяченном животе, готовила для детей завтрак.

— Что вы такое сотворили вчера с Хилари? — поприветствовала она Морриса.

— О чем это ты?

— Что-то ее с утра не видно. Как следует напоили?

— Не больше двух мартини.

— Яйца с беконом будете?

— Да, парочку, омлет, пожалуйста.

— Вы что, думаете, здесь ресторан?

— Ага, и на гарнир картошечки позажаристей. — Он подмигнул Мэтью, который с открытым ртом сидел над чашкой кукурузных хлопьев.

Юные Лоу совсем не привыкли к словесной перепалке за утренним столом.

— Моррис, не могли бы вы подбросить меня до вокзала по дороге на работу?

— Конечно. А куда ты собралась?

— Помните, я говорила вам, что хочу навестить семейную могилу в графстве Дарем?

— Но это довольно далеко.

— Я там и заночую. Вернусь завтра утром.

Моррис вздохнул.

— Завтра мы здесь уже не увидимся. О'Шей починил крышу, так что я возвращаюсь в свою квартиру. Чего мне будет не хватать, так это здешней стряпни.

— А вам не страшно туда возвращаться?

— Ну, ты же знаешь, как говорят в народе: глыба замерзшей мочи два раза в одно место не падает.

— Дети, поторапливайтесь, не то в школу опоздаете!

Мэри поставила перед Моррисом омлет с беконом, и он с пониманием дела принялся его уписывать.

— Послушай, Мэри, — сказал он, когда дети ушли из кухни. — С твоими талантами не пристало быть матерью-одиночкой. Почему бы тебе не уговорить твоего попа стать протестантом? Тогда

он с полным правом мог бы на тебе жениться.

— Странно, что вы об этом заговорили, — ответила она, вынув из кармана почтовый конверт и помахав им в воздухе. — Он пишет, что сложил с себя церковный сан.

— Здорово! И хочет на тебе жениться?

— По крайней мере, жить со мной вместе.

— И что ты собираешься в связи с этим делать?

— Я решила подумать. Все-таки интересно, что случилось с Хилари? Мне хотелось бы переговорить с ней перед отъездом.

В дверях появилась Аманда в школьной форме — в темно-бордовом пиджачке, белой блузке с галстуком и серой юбке. Ученицы раммиджской школы для девочек юбки носили настолько короткие, что вид у них был как у мифических гибридов вроде русалок или кентавров: выше пояса суровая чопорность, а ниже — раздвоенная и неприкрытая живая плоть. В это время дня окрестные автобусные остановки были сущим раем для зачарованных созерцателей недостижимых услад. Под пристальным взглядом Морриса Аманда покраснела.

— Я пошла, Мэри, — сказала она.

— Погоди, детка, сбегай-ка наверх и спроси у мамы, будет ли она пить чай.

— Мамы наверху нет, она у папы в кабинете.

— Правда? Мне нужно кое-что сказать ей насчет ужина. — Мэри торопливо вышла.

— Кажется, через неделю в Раммидже будут давать концерт «Би Джиз», — сказал Моррис Аманде. — Хочешь, куплю билеты?

Глаза ее засверкали:

— Ой, купите, пожалуйста!

— А может, и Мэри с нами пойдет или даже твоя мама. Тебе нравится «Би Джиз»? — спросил он Мэри, когда та вернулась.

— Я их ненавижу. Аманда, тебе пора идти. Мама твоя висит на телефоне.

Когда подошло время уезжать, Хилари все еще сидела у аппарата. Мэри написала ей записку, пока Моррис выгонял на дорогу свой «лотус», от шума выхлопной трубы которого в холле задрожали все стекла.

— Во сколько у тебя поезд? — спросил он, глядя, как Мэри, осторожно маневрируя своим животом, усаживается на сиденье.

— Без десяти девять. Успеем?

— Успеем.

— Да, эта машина не для беременных женщин!

— Спинка сиденья откидывается. Так лучше?

— Отлично! Ничего, если я порелаксирую?

— Валяй.

И они сразу попали в хвост дорожной пробки на шоссе Мидленд. Очередь на автобусной остановке с любопытством взирала на то, как Мэри Мейкпис занимается поверхностным дыханием в ковшеобразном сиденье «лотуса».

— А это для чего? — поинтересовался Моррис.

— Психопрофилактика. Чтобы вам было понятней, способствует безболезненным родам. Меня этому Хилари научила.

— И ты в это веришь?

— Верю. Русские уже давно ее применяют.

— Держу пари, это потому, что им не по карману обезболивающие средства.

— Зачем нужно обезболивание в самый ответственный момент в жизни женщины?

— Дезире вообще хотела, чтобы ее отключили на все девять месяцев.

— Ей просто заморочили голову, с позволения сказать. Медикам очень успешно удается убедить женщин в том, что беременность — это род болезни, вылечить которую может только врач.

— А что думает об этом О'Шей?

— Он придерживается старомодного убеждения, что нужно перетерпеть боль.

— Это на него похоже. Ты знаешь, Мэри, мне

до сих пор непонятно, как ты ему доверилась. Он смахивает на тех врачей, которые в дурных гангстерских фильмах вынимают у бандитов пули.

— Здесь такая система. Чтобы получить направление в больницу, надо стать на учет у районного врача. А О'Шей был единственным, кого я знала.

— Мне даже подумать неприятно о том, что он тебя обследует. У него же грязь под ногтями!

— Ну, осмотр он перепоручает больничным врачам. Он лишь раз прочел мне лекцию по гигиене беременных и сам засмущался до потери пульса. Уставился на скверную репродукцию Пресвятого Сердца, которая висит у него на стене, и бормотал про себя, будто молился.

Моррис рассмеялся:

— Это точно О'Шей!

— И вообще, во всем этом было что-то потустороннее. Да еще эта медсестра…

— Медсестра?

— Такая темноволосая щербатая девица.

— Нет у него медсестры, это Бернадетта, ирландская родственница, бесплатная прислуга.

— Но на ней был медицинский халат!

— Это фокус с переодеванием. О'Шей просто экономит деньги.

— Ну, короче, она озлобленно пялилась на меня

из угла комнаты, словно дикий зверек. Не знаю, может, она и улыбалась мне, но это больше походило на оскал.

— Не улыбалась она тебе, Мэри. На твоем месте я держался бы от нее подальше. Она ревнует.

— Ко мне?

— Она думает, что это я сделал тебе ребенка.

— Господи Боже мой!

— А что в этом удивительного? Я вполне на это способен. Во сколько, ты сказала, твой поезд? Без десяти девять?

— Да.

— Кажется, нам придется немножко нарушить правила движения.

— Не волнуйтесь, Моррис. Все это пустяки.

До перекрестка с кольцевой дорогой пробка растянулась больше чем на километр. Моррис покинул свой ряд и с ревом помчался по встречной полосе, а вслед ему протестующе загудели возмущенные водители. И прямо перед перекрестком так называемая инвалидная коляска (скорее, эвтаназия на колесах, сказал бы он: достаточно прокола передней шины в этой сумасшедшей трехколесной табакерке — и вы покойник) очень кстати замешкалась, и «лотус» вскочил обратно в ряд.

— Видала? — ликующе сказал он. Но, к сожалению, полицейский инспектор тоже наблюдал за маневрами Морриса. Он пошел ему навстречу, расстегивая карман на куртке.

— Ну вот, — сказала Мэри Мейкпис. — Теперь вас оштрафуют.

— Ты не могла бы еще немного порелаксировать?

Чтобы заглянуть в машину, полицейскому пришлось согнуться почти пополам. Моррис потыкал большим пальцем в сторону Мэри Мейкпис, которая с высунутым языком пыхтела как паровоз, закрыв глаза и обхватив руками живот.

— Неотложное дело, инспектор. Эта молодая дама вот-вот родит.

— Ах ты, — сказал инспектор. — Ну что ж, хорошо, но уж вы поосторожней, не то оба попадете в больницу. — Довольный своей шуткой, он придержал движение, и они проехали на красный свет. Моррис благодарно помахал ему рукой. И привез Мэри Мейкпис на вокзал за пять минут до отправления поезда.

В университет Моррис поехал по только что открытому участку кольцевой дороги — головокружительному сплетению туннелей и пролетов, которые должны были войти в маршрут плани-

руемого розыгрыша гран-при. Откинувшись в своем ковшеобразном сиденье, он вел машину на манер профессионального гонщика, положив на руль прямые руки. В самом длинном туннеле, вдали от полицейского ока, он вдавил в пол акселератор и с удовлетворением слушал, как гул из выхлопной трубы эхом отражается от стен. Пулей вылетев из туннеля, он вписался в длинную наклонную параболу, зависшую над крышами домов. Отсюда была видна панорама всего города, и в этот самый момент выглянуло солнце и залило светом бледные бетонные фасады современных построек, многоэтажные здания и серпантины автострады, четко вычертив их на фоне мрачной массы столетних трущоб и пришедших в упадок фабрик — как будто семена города 20 века, давно посаженные в землю, наконец проросли и потянулись к свету, пробиваясь сквозь спекшийся и истощенный фунт викторианской архитектуры. Морриса этот вид тронул за душу, так как прорастающий город, несомненно, был американским по стилю — именно на это вечно жаловались местные чинуши, — и у него появилось странное чувство, будто он оказался на американской границе в самом неожиданном месте.

В одном только не было сомнения — до при-

личной музыки на радио им еще ох как далеко. Когда он въезжал в университетские ворота, часы на башне прозвонили девять и один несносный диск-жокей на «Радио-1» сменил другого. Охранник с шиком отдал ему честь: с тех пор как Моррис успешно прекратил сидячую студенческую забастовку, он стал широко известным и уважаемым на кампусе человеком, а благодаря оранжевому «лотусу» его повсюду мгновенно узнавали. В столь ранний час с парковкой не было никаких проблем. Преподаватели Раммиджа любили жаловаться на неувязки в расписании, но истинной проблемой было их нежелание преподавать раньше десяти утра и после четырех вечера, а также в обеденные часы, а также по средам во второй половине дня, а также в любое время в конце недели. Так что они едва успевали просмотреть свою почту, не говоря уже о преподавании. Не зная о местных джентльменских традициях, Моррис назначил занятия с одной из групп на девять утра — к большому ее неудовольствию, и именно на встречу с ней направил он свои стопы — не слишком быстро, ибо студенты всегда опаздывали.

Со времени его приезда в Раммидж английская кафедра перебралась на новые квартиры. Теперь

она располагалась на восьмом этаже недавно построенного шестигранного здания — одного из тех, что просматривались с кольцевой дороги. Переезд происходил в пасхальные каникулы и вызвал много стонов и зубовного скрежета. Что там исход евреев из Египта! Проявив свойственную ей эксцентричность и вместе с тем трогательную заботу о личной свободе наперекор логике и целесообразности, администрация позволила всем сотрудникам самим решать, какую мебель они хотят взять с собой в новое здание, а какую заменить. Последовавшие за тем пертурбации вконец запутали нанятых для этого рабочих и привели к многочисленным ошибкам. В течение двух дней два каравана носильщиков сновали из одного здания в другое, таская туда и обратно примерно одинаковое количество столов, стульев и картотечных шкафов. Шестигранник, который еще толком не успели обжить, уже оброс легендами. Он был построен из блоков, и уверенность в прочности его конструкции была подорвана спешно распространенными ограничениями на общий вес книг, которые каждому преподавателю позволялось иметь на полках. Наиболее сознательные сотрудники в первые недели поселения занимались тем, что

с обиженным видом взвешивали свои книги на бытовых весах и писали на клочках бумаги длинные колонки цифр. Число лиц, которым разрешалось одновременно находиться в кабинете или аудитории, также было ограничено. Еще поговаривали, что все окна, выходящие на запад, запечатаны по одной причине: если все обитатели комнат по случайности одновременно высунутся из окна, здание завалится. Снаружи дом облицевали глазурованной керамической плиткой, которая должна была сопротивляться разрушающим атмосферным воздействиям на протяжении пятисот лет, но посадили ее на низкосортный клей, так что она уже местами начала отваливаться, и подступы к новому зданию украсились табличками «Опасная зона! Осыпается плитка». И предупреждения эти не были напрасными: как только Моррис поднялся по лестнице, под ноги ему упал и разлетелся на куски керамический квадрат.

Одним словом, не стоило удивляться тому, что переезд послужил поводом для сокрушенных жалоб со стороны сотрудников английской кафедры, но у нового здания была одна особенность, которая, на взгляд Морриса, целиком искупала его недостатки. Там был лифт, которого он в

жизни никогда не видел, с чудным названием «патерностер». [21] Лифт состоял из бесконечной цепочки открытых кабинок, движущихся вверх и вниз в двух шахтах. Движение его, естественно, было более медленным, чем у обычного лифта, поскольку лента никогда не останавливалась, и входить в него надо было на ходу, что избавляло вас от утомительного ожидания. К тому же это придавало обычной, рутинной процедуре езды на лифте своего рода экзистенциальный драматизм, поскольку входить в лифт и покидать его надо было с точным расчетом по времени и известной решительностью. Для пожилых и ослабленных «патерностер» представлял собой серьезное испытание, и многие из них предпочитали карабкаться по лестнице. Не внушали уверенности и таблички, прикрепленные к выкрашенным красной краской устройствам экстренного отключения на каждом этаже: «Для аварийной остановки лифта опустить красный рычаг. Запрещено освобождать людей, застрявших в кабине лифта или его механизме. Обслуживающий персонал устранит возникшую неисправность при первой возможности». В бу-

[21] Примечания: 21
От латинского Pater Noster — Отче Наш.

дущем собирались запустить и обычный лифт, но пока он не действовал. Моррис не жаловался: он полюбил «патерностер». Возможно, это было возвращением к его детскому увлечению качелями-каруселями; кроме того, лифт также был для него на редкость поэтичной машиной, особенно если проехаться на нем по кругу, исчезая в темноте наверху и внизу и возносясь или опускаясь к свету между этими крайними точками. Это вечное движение было готовой иллюстрацией всех систем и космологии, основанных на принципе вечного обновления, а также календарной мифологии, смерти и возрождения архетипов, теорий исторических циклов, метемпсихоза и концепции литературных модусов Нортропа Фрая.

Однако в это утро он довольствовался тем, что прямиком направился на восьмой этаж. Студенты, посещающие семинар, уже дожидались его, подпирая стены, зевая и почесываясь. Поздоровавшись с ними, он открыл дверь, на которой поверх таблички с именем Гордона Мастерса был наклеен клочок бумаги с его именем. Как только он вошел в кабинет, смежная дверь напротив отворилась и в комнату с виноватым видом просунулась Элис Слейд с большой кипой бумаг.

— Ой, — сказала она, — у вас занятия, профессор

Цапп? Я хотела спросить у вас насчет заявок в аспирантуру.

— Да, у меня занятия до десяти, Элис. Почему бы вам не обратиться к Руперту Сатклифу?

— А, хорошо. Извините, что побеспокоила. — Она ретировалась.

— Присаживайтесь, — сказал Моррис студентам, думая про себя, что ему придется вернуться в комнату Лоу. Войдя в роль посредника при переговорах между администрацией и студентами, он сказал, что нуждается в помощи секретаря и городском телефоне, и эти требования были быстро и без особых затрат удовлетворены посредством перевода его в комнату, освободившуюся вследствие скоропалительного отъезда Гордона Мастерса. По отметинам на стенах кабинета все еще можно было определить, где висели охотничьи трофеи. Теперь же, хотя его посредничество уже завершилось, перебираться обратно в комнату Лоу не имело особого смысла, однако кафедральная секретарша, привыкшая со всеми проблемами, вопросами и решениями обращаться к Мастерсу, стала, словно повинуясь природному инстинкту, приносить все эти дела Моррису Цаппу, хотя исполняющим обязанности заведующего кафедрой считался Руперт Сатклиф.

На деле же последний сам наведывался к Моррису за неофициальным советом или одобрением, равно как и другие члены кафедры. Внезапно освободившись от тридцатилетней деспотии Мастерса, английская кафедра раммиджского университета была ошеломлена и напугана собственной свободой и стала ходить кругами, как корабль без руля и без ветрил или, скорее, как корабль, чей капитан-самодур свалился темной ночью за борт и унес с собой на дно секретные сведения о конечной цели плаванья. Команда по привычке бегала на капитанский мостик за приказаниями и только обрадовалась, когда они стали поступать от первого попавшегося, кто занял капитанское место.

А место это, следует признать, было весьма комфортным — мягкое вращающееся кресло с откидывающейся спинкой для большого начальника. Именно из-за него Моррису не хотелось возвращаться в комнату Филиппа Лоу. Он плюхнулся в кресло, водрузил ноги на стол и закурил сигару.

— Ну-с, — сказал он унылой троице, — о чем вы жаждете поведать мне сегодня?

— О Джейн Остен, — промямлил бородатый юноша, перебирая газетного формата листы,

покрытые устрашающими на вид письменами.

— Так. И какая у вас тема?

— Я написал о нравственном осознании у Джейн Остен.

— Это не вполне в моем стиле.

— Я не понял темы, которую вы мне дали, профессор Цапп.

— Эрос и Агапе в романах поздней Джейн Остен — так, кажется. И в чем проблема?

Студент понурил голову. Моррису захотелось продемонстрировать свою объяснительную мощь. Агапе, сказал он, — это празднество, посредством которого ранние христиане выражали свою любовь к ближнему; это целомудренная, неиндивидуализированная любовь, в романах Джейн Остен представленная общественной жизнью, которая призвана подтвердить сплоченность земледельческих капиталистических сообществ, являющих собой средний класс, или же вовлечь в эти сообщества новых членов — то бишь балами, зваными обедами, совместными экскурсиями и так далее. Эрос же, разумеется, — это чувственная любовь, представленная у Джейн Остен сценами ухаживания, разговоров наедине, прогулок вдвоем — любой встречей героини со своим возлюбленным, истинным или

мнимым. Читателей Джейн Остен, подчеркнул он, энергично размахивая сигарой, не должно вводить в заблуждение отсутствие прямых указаний на физическую близость в ее романах — это вовсе не означает безразличие или неприязнь к ней автора. Напротив, она неизменно переходила на строну Эроса в противовес Агапе — то есть предпочитала приватное общение влюбленных публичности светской жизни и сборищ, которые неизбежно кому-то причиняли боль или страдания (взять, к примеру, катастрофические последствия групповых вылазок — в Созертон в «Мэнсфилд-парке», на Боксхилл в «Эмме», в Лайм в «Доводах рассудка»). Продолжая в том же духе, Моррис доказал, что мистер Элтон [22], по всей очевидности, был импотентом, так как в огрызке его карандаша, который достался Гарриет Смит, не оказалось графита; или тот эпизод в «Доводах рассудка», когда капитан Уэнтворт снял с плеч Энн Эллиот шаловливого мальчугана… Моррис схватил книгу и прочувственно зачитал вслух: «Но почти тотчас Энн почувствовала, что ее освобождают… пока она успела сообразить, что это сделал капитан Уэнтворт… и унес его прочь…

[22] Примечания: 22
Персонажи романа Дж. Остен «Эмма».

При таком открытии она совершенно онемела. Она не могла даже благодарить его и продолжала хлопотать над маленьким Чарлзом в полном смятении чувств». [23]

— Ну, что вы на это скажете? — с благоговением заключил он. — Если это не оргазм, то что же это? — Он поднял взгляд на три застывшие от изумления физиономии. В это время затрещал внутренний телефон.

Звонила секретарша ректора, желавшая знать, сможет ли Моррис заглянуть к нему до обеда. Это не в связи ли с тем, что председатель студсовета никак не угомонится насчет представительства в комиссии по новым назначениям? — поинтересовался Моррис. Секретарша не знала, но Моррис был готов держать пари, что он прав. Его всегда удивляла готовность, с какой председатель отказывался от участия в работе комиссии; теперь же, без сомнения, его воинственные приспешники насели на него, чтобы вновь поднять этот вопрос. Моррис понимающе улыбнулся про себя и нацарапал в своем ежедневнике время встречи — десять тридцать. Посредничая между оппонентами в этом споре, он чувствовал себя

---

[23] Примечания: 23
Дж. Остен. «Доводы рассудка». — Пер. с англ. Е. Суриц.

гроссмейстером, наблюдающим матч между двумя новичками и способным предсказать весь ход игры, в то время как они потеют над каждым шагом. Университетским людям Раммиджа его прозорливость казалась сверхъестественной, а опыт ведения переговоров — феноменальным. Откуда им было знать, что в Эйфории он так часто наблюдал все эти волнения на кампусе, что наизусть знал их основной сценарий!

— О чем мы говорили? — спросил он.

— О «Доводах рассудка».

— Ах да.

Снова зазвонил телефон.

— Вам из города звонят, — сказала Элис Слейд.

— Элис, — со вздохом сказал Моррис, — пожалуйста, не соединяйте меня больше ни с кем до окончания занятий.

— Извините. Сказать ей, чтобы перезвонила?

— Кто это?

— Миссис Лоу.

— Соедините.

— Моррис? — В голосе Хилари слышалась легкая дрожь.

— Привет.

— У вас занятия?

— Да нет, собственно говоря. — Он прикрыл

рукой трубку и сказал студентам:

— Прочтите-ка эту сцену из «Доводов рассудка», хорошо? И постарайтесь проследить, как назревает кульминация — во всех смыслах. — Подбодрив их плотоядным взглядом, он возобновил разговор с Хилари.

— Что нового?

— Я просто хотела извиниться за вчерашний вечер.

— Милая, это я должен извиняться, — не без удивления сказал Моррис.

— Да нет, я вела себя, как глупая девчонка. Ввела в искушение, а потом в панике пошла на попятный. А если подумать, то что в этом было такого?

— Вот именно. — Моррис крутанулся в кресле, повернувшись к студентам спиной. — Так что же?

— Вообще говоря, давно у меня не было такого приятного вечера.

— Можем его повторить. В самое ближайшее время.

— И вы это выдержите еще раз?

— С большим удовольствием.

— Замечательно.

Затем последовала пауза, которую заполнило

хорошо различимое дыхание Хилари.

— Ну тогда все в порядке? — спросил он.

— Да. Моррис…

— Что?

— Вы сегодня возвращаетесь к себе?

— Ага. Только вечером зайду к вам за вещами.

— Я собиралась сказать, что вы можете остаться еще на одну ночь, если хотите.

— Что ж…

— Мэри сегодня не будет. А мне иногда по ночам страшно бывает одной в доме.

— Хорошо. Я останусь.

— Это ничего, что я вас попросила?

— Что вы, что вы…

— Ну хорошо. Тогда до вечера. — Она поспешно бросила трубку. Моррис развернулся в кресле, повесил трубку и в задумчивости потер подбородок.

— Так мне читать, что я написал, или нет? — с некоторым нетерпением спросил бородатый студент.

— Что? Ах да. Читайте, читайте!

Пока молодой человек нудил о нравственном осознании у Джейн Остен, Моррис гадал, что стоит за неожиданным звонком Хилари. Могла ли она в принципе иметь в виду то, что, по его

мнению, она имела в виду? С трудом пытаясь сосредоточиться на рассуждениях студента, он почувствовал облегчение, когда часы на башне пробили десять. Студенты потянулись к выходу, а в дверь сунулся Руперт Сатклиф — высокая, сутулая и меланхоличная личность с криво сидящими очками, то и дело сползавшими на кончик носа. Сатклиф был специалистом по английской романтической поэзии начала прошлого века и жизнерадостностью не отличался, а став исполняющим обязанности завкафедрой после отъезда Мастерса, и вовсе приуныл.

— Простите, Цапп, у вас не найдется для меня минутки?

— А мы не можем за кофе поговорить?

— Боюсь, что нет, по крайней мере, не в профессорской. Дело довольно деликатное. — Он заговорщически притворил за собой дверь и на цыпочках подошел к Моррису. — У меня тут заявления в аспирантуру… — Он положил перед Моррисом ту самую пачку папок, с которой уже приходила Элис Слейд. — Нам надо решить, кого мы выдвигаем для рассмотрения на совете факультета.

— И что?

— Так вот, одно из них — от Хилари Лоу, знаете,

жены Лоу.

— Да, я знаю. Я писал ей рекомендацию.

— Да что вы, в самом деле?! А я и внимания не обратил. Тогда вы все об этом знаете?

— Ну, кое-что знаю. А в чем проблема? Она уже проучилась полсрока, но потом вышла замуж и все бросила. А теперь дети подрастают, и ей снова захотелось заняться наукой.

— Все это хорошо, но мы попадаем в непростую ситуацию. Она ведь жена нашего сотрудника…

Сатклиф был холостяком, убежденным холостяком старого образца, в отличие от педерастов и хиппи, и женщин он боялся до смерти. К тем двум, что работали на кафедре, он относился как к удостоенным звания почетных мужчин. А уж если кому-то захотелось завести себе жену, заявлял он, пусть держит ее дома и напоказ не выставляет.

— Я полагаю, Лоу мог бы по крайней мере обсудить это дело с нами и уж потом позволять своей жене подавать официальное заявление, — со вздохом сказал он.

— Я не думаю, что он хоть что-нибудь об этом знает, — беззаботно сказал Моррис.

У Сатклифа чуть не спрыгнули с носа очки.

— Вы хотите сказать — она его *обманывает?*

— Совсем нет. Она хочет, чтобы ее оценили по ее собственным заслугам, без всякой протекции.

Сатклиф посмотрел на Морриса с недоверием.

— Все это прекрасно, — пробурчал он. — Но кто будет ее научным руководителем, если она пройдет?

— Мне кажется, она надеется, что им будете вы, Руперт, — с издевкой в голосе сказал Моррис.

— Боже упаси! — Сатклиф подхватил папки и направился к выходу, словно испугавшись, что Хилари вдруг выскочит из шкафа и потребует научного руководства. Взявшись за дверную ручку, он приостановился:

— Кстати, вы будете сегодня на заседании кафедры?

— Не уверен, Руперт, — сказал Моррис, покидая начальственное кресло и одергивая пиджак. — У меня на десять тридцать назначена встреча с ректором.

— Очень жаль. Я надеялся, что вы будете председателем. Нам надо обсудить лекционные курсы на следующий семестр, в связи с чем обязательно возникнут разногласия. Теперь, когда Мастерса нет, эти споры…

Он удалился. Моррис вышел следом и, запирая дверь кабинета, увидел, что по коридору, звеня

в карманах ключами и монетами, бежит Боб Басби.

— Моррис! — воскликнул он, переводя дух. — Хорошо, что застал вас. Вы на заседание идете?

Моррис объяснил, что, по всей вероятности, он туда не успеет. Басби пригорюнился.

— Это плохо. Тогда Сатклиф будет председателем, а толку от него никакого. Я боюсь, что Демпси начнет проталкивать предложение насчет обязательного курса лингвистики.

— И что в этом плохого?

Басби уставился на него.

— Конечно, ничего плохого в этом нет. Однако по тому, как вы разнесли в пух и прах доклад Демпси на прошлом семинаре…

— Но я нападал на доклад, а не на дисциплину. Против лингвистики как таковой я ничего не имею.

— Да, но на практике Демпси и есть лингвистика у нас на кафедре, — сказал Басби. — При обязательной лингвистике у студентов будет обязательный Демпси, хотя я думаю, даже они этого не заслуживают.

— Возможно, вы и правы, Боб, — сказал Моррис. О Робине Демпси у него было неоднозначное мнение. В каком-то смысле на кафедре кроме него

не было никого, кто приобрел бы хоть какое-то признание как ученый-профессионал. Он был трудолюбив, тщеславен и упрям. У него не было капризов и причуд. К тому же он был очень похож на Морриса в его молодые годы (с оговоркой, что не столь блистательно умен) и даже пытался навязаться ему в друзья или на худой конец вступить с ним в тайный сговор. Моррис, однако, увидел во всех этих заигрываниях двойное дно. Он вовсе не был склонен заодно с Демпси помыкать членами английской кафедры. И даже если во многих отношениях это была компания со странностями, поладить с ними было нетрудно. Да, за всю свою академическую карьеру Моррис куда реже подвергался опасности, чем за эти последние пять месяцев.

— Вы знаете, Боб, — сказал он, — у меня назначена встреча с ректором.

— Да, мне тоже надо бежать, — сказал Басби и затрусил в направлении профессорской. — Постарайтесь все-таки попасть на собрание! — крикнул он через плечо. У Морриса же не было ни малейшего намерения туда идти. Заседания кафедры и при блажном самовластии Мастерса он высиживал с трудом. Теперь же, после его ухода, процедура принятия решений стала все

больше походить на сумасшедшее чаепитие у Мартовского Зайца.

Ловким, четко рассчитанным движением Моррис вскочил в «патерностер» и плавно поплыл на первый этаж. Выйдя из здания на яркое солнце (на дворе было обещанное прояснение), он услышал, как часы на башне бьют половину одиннадцатого, и прибавил шагу. И очень хорошо сделал, так как еще одна плитка отделилась от стены прямо у него над головой и со звучным треском, как бьющая рикошетом пуля, разлетелась в куски позади него. Это уже не смешно, подумал он, взглянув на фасад здания, который все больше становился похож на гигантский кроссворд. Того и гляди, кого-нибудь прибьет, и университет будет платить компенсацию в миллион долларов. Он сделал себе мысленную заметку насчет того, чтобы сказать об этом ректору.

— А, Цапп! Как хорошо, что вы зашли, — промямлил ректор, приподнявшись из-за стола, когда Морриса впустили в кабинет. Утопая в мягком ковре, Моррис подошел к нему и пожал вяло протянутую руку. Стюарт Страуд, при его высоком росте и крепком сложении, напускал на себя крайне обессиленный и нездоровый вид. Он часто понижал голос до шепота, а двигался с

осторожностью, словно престарелый инвалид. Теперь он рухнул обратно в кресло, будто усилия, потраченные на приветствие, вымотали его вконец.

— Садитесь поближе, старина, — сказал он. — Сигарету?

Он сделал слабую попытку подтолкнуть в сторону Морриса деревянную сигаретницу.

— Если вы не против, я закурю сигару, — сказал Моррис. — А вы не будете?

— Что вы, что вы! — Ректор улыбнулся и устало покачал головой. — У меня есть пара вопросиков, по которым я хотел бы с вами посоветоваться. — Уперев локти в подлокотники кресла и сплетя пальцы, он устроил себе полочку для подбородка.

— Комиссия по новым назначениям? — спросил Моррис.

Полочка обрушилась, и ректорская челюсть нырнула вниз.

— Откуда вы знаете?

— Я так и думал, что студенты не позволят вам исключить их из комиссии.

Лицо Страуда прояснилось.

— Да нет, любезный, студенты здесь совершенно ни при чем. — Он позволил себе почти

решительный отметающий жест. — Со всеми этими затруднениями покончено благодаря вам. Нет, у меня нечто, касающееся исключительно преподавательского состава, и дело абсолютно конфиденциальное. У меня вот тут, — он кивнул в сторону желтой папки, одиноко возлежащей на его безупречно пустом столе, — список кандидатов на ставки старших преподавателей, которые будут после обеда рассматриваться на комиссии по новым назначениям. От английской кафедры два человека — Робин Демпси, которого вы, вероятно, знаете, и ваш напарник, который сейчас в Эйфории.

— Филипп Лоу?

— Он самый. Проблема в том, что вакансий у нас меньше, чем мы предполагали, и одному из двоих в этот раз не повезет. Вопрос в том, кому именно? И кто из них более достойный кандидат? Мне хотелось бы знать ваше мнение, Цапп. Я весьма высоко ценю его, особенно в таких щепетильных вопросах. — Страуд откинулся в кресле и закрыл глаза, изнуренный столь необычно длинной речью. — Взгляните на их личные дела, голубчик, это вам поможет, — пробормотал он.

Документы подтвердили то, о чем Моррису уже было известно: Демпси был более сильным

кандидатом, если судить по исследованиям и публикациям, в то время как перевес Лоу был только в возрасте и стаже работы в университете. В преподавании ни у того, ни у другого не было очевидных преимуществ. В обычной ситуации у Морриса не возникло бы и сомнения в том, чтобы поддержать умную голову и рекомендовать Демпси. Выслуга лет, в конце концов, не Бог весть что. К тому же, по законам истинной академической политики, если Демпси не будет продвинут по службе, он скорее всего уйдет, в то время как Лоу останется и продолжит свое дело так же занудно, но добросовестно независимо от того, получит он повышение или нет. Более того, даже если Моррис и не питал особенно теплых чувств по отношению к Демпси, у него были свои причины испытывать сильную неприязнь к Лоу, который переспал с его дочерью, разнес в щепки его статью в литературном приложении к «Таймс» и устроил ему дурацкий розыгрыш с банками из-под табака. Какой же странный и кстати подвернувшийся случай предоставил в его распоряжение судьбу этого человека! И все же Моррис, мысленно поигрывая топором палача и разглядывая голую шею Филиппа Лоу, лежащую перед ним на плахе, засомневался. В конце

концов, здесь были поставлены на карту счастье и процветание не только Лоу. Это касалось и Хилари с детьми, а он искренне беспокоился об их благополучии. Повышение для Лоу будет означать больше средств к существованию для всей семьи. Да к тому же, проскочила у него мысль, что бы там ни крылось за приглашением Хилари провести в их доме еще одну ночь, прием, оказанный ему, будет только теплее, когда она узнает, что Филиппа повысили отчасти благодаря вмешательству Морриса. Так ведь? Так.

— Я бы предложил дать ставку Лоу, — сказал Моррис, возвращая личные дела.

— В самом деле? — разочарованно протянул Страуд. — Я думал, вы поддержите другого. Как ученый он, похоже, будет посильнее.

— Да, публикаций у него хватает, но это скорее внешние эффекты, чем существо дела. Так он в лингвистике ничего не добьется. Любой старшекурсник из Массачусетского технологического заткнет его за пояс.

— Да что вы?!

— Кроме того, он не популярен среди сотрудников. Если его повысят, а людей постарше обойдут, тут-то и начнется бедлам. Кафедру и так уже одолевает коллективная паранойя. К чему ослож-

нять ситуацию?

— Я уверен, что вы правы, — пробормотал Страуд, малозаметным движением золотой авторучки сделав роковую пометку в списке кандидатов. — Я очень вам благодарен, дорогой коллега.

— Всегда пожалуйста, — ответил Моррис, поднимаясь со стула.

— Не уходите, голубчик. Я еще хотел…

Ректор замолчал на полуслове и с негодованием уставился на смежную с приемной дверь, которая неожиданно распахнулась. На пороге робко топталась секретарша.

— Что такое, Хелен? Я же просил не беспокоить. — От возмущения он даже слегка оживился.

— Извините, здесь два джентльмена… и мистер Бигс из отдела безопасности. Говорят, по очень важному делу.

— Будьте добры, попросите их подождать, пока я не закончу с профессором Цаппом.

— Но они хотят видеть профессора Цаппа! Говорят, это вопрос жизни и смерти.

Страуд повел бровью, указывая на Морриса. Тот в недоумении пожал плечами, но тут его посетило смутное предчувствие. Уж не родила ли Мэри Мейкпис на девятичасовом поезде по дороге в Дарэм?

— Ну что ж, тогда пусть заходят, — сказал ректор.

В кабинет вошли трое. Один из них был начальником университетской службы безопасности. Другие двое отрекомендовали себя врачом и медбратом из частной психиатрической клиники где-то у черта на куличках. Они сразу же изложили причину своего вторжения. Прошлой ночью профессору Мастерсу удалось сбежать из-под надзора, и, по всей вероятности, он направился в сторону университета. К сожалению, есть все основания предполагать, что он может проявить агрессивность по отношению к некоторым лицам, в особенности к профессору Цаппу.

— Ко мне? — воскликнул Моррис. — При чем тут я? Что я такого сделал этому старикану?

— Как следует из наблюдений, проведенных одним из наших коллег, — сказал врач, с любопытством разглядывая Морриса, — он видит прямую связь между вами и недавними волнениями на кампусе. Он считает, что вы вошли в заговор со студентами, чтобы дискредитировать старейших сотрудников.

— Он назвал вас Квислингом. [24] Прямо так и сказал, сэр, — произнес медбрат с приветливой ухмылкой. — Говорил, что вы замышляли избавиться от него.

— Но это абсурд! Он ушел в отставку по своей воле, — вскричал Моррис, вопрошающе взглянув на Страуда, но тот кашлянул и опустил глаза.

— Нам пришлось прибегнуть к некоторому убеждению, — пробормотал он.

— Профессор Мастерс, безусловно, человек нездоровый, — сказал врач. — Подверженный маниакальным состояниям. А вы, как я заметил, профессор Цапп, — мы сначала искали вас на английской кафедре — занимаете комнату, принадлежавшую профессору Мастерсу…

— По чистой случайности!

— Пусть так. Но если он это обнаружит, то его болезненное состояние как раз и проявится.

— Я немедленно переберусь в свою прежнюю комнату.

— Я думаю, что в целях вашей безопасности вам следует держаться подальше от университета до

---

[24] Примечания: 24

Квислинг Видкун (1887–1945) — лидер фашистской партии в Норвегии, содействовал захвату Норвегии фашистской Германией (1940). Казнен как военный преступник. Его имя стало нарицательным для предателей своего народа.

тех пор, пока профессор Мастерс не будет найден и доставлен в клинику. Дело в том, что он может иметь при себе оружие…

— Да будет вам, доктор, — сказал ректор. — Не надо нагнетать панику.

— Но это вовсе не паника, — сказал начальник службы безопасности, впервые нарушивший молчание. — В конце концов, профессор Мастерс — старый солдат и к тому же спортсмен. И, насколько я понимаю, меткий стрелок.

— Господи Иисусе! — испугавшись задним числом, воскликнул Моррис. — Плитки!

— Какие плитки? — спросил ректор.

— Сегодня дважды в меня пытались попасть, а я и не догадался! Просто подумал, опять это чертово новое здание обсыпается. Боже правый, меня же могли убить! Этот чокнутый старикан в меня целился, представляете? Готов поспорить, что он сидел с оптическим прицелом на часовой башне! А мне казалось, что ваша страна считается спокойной! Я сорок лет прожил в Штатах и никогда не слышал, чтобы в кого-то стреляли по злобе! И вот я приехал сюда, и что я вижу! — Моррис вдруг понял, что он перешел на крик.

— Успокойтесь, Цапп, — еле слышно сказал ректор.

— Извините, — пробормотал Моррис. — Когда узнаешь, что весь день был на волоске от смерти, то и удар может хватить.

— Да-да, я вас понимаю, — сказал Страуд. — Почему бы вам сейчас же не пойти домой и не выходить на улицу, пока это маленькое затруднение не разрешится?

— Я думаю, это будет самое разумное, — сказал врач.

— Уговорили, — ответил Моррис, направляясь к двери. Поняв, что его никто не сопровождает, он помедлил и обернулся. Все четверо, стоя вокруг стола, ободряюще ему улыбались. Решив из гордости не просить об эскорте, Моррис сделал рукой прощальный жест, уверенно покинул кабинет, прошествовал через приемную и только спускаясь по лестнице главного здания вспомнил, что оставил в кабинете ключи от машины, так что придется зайти в шестигранник. Сделав замысловатый крюк, чтобы оставаться под прикрытием, он зашел в шестигранник с тыла, в полуподвальный этаж. Погрузившись в «патерностер», который здесь находился в низшей точке, он безмолвно вознесся на восьмой этаж. Первым, кого он увидел, ступив из лифта на лестничную площадку, был Гордон Мастерс, срывающий с

двери своего кабинета бумажку с именем Морриса. Моррис оцепенел. Топча бумажку каблуками, Мастерс поднял голову, уставился на Морриса, и в глазах его промелькнуло изумленное узнавание. Взгляд его горел диким огнем. Он рванулся вперед, терзая свои встрепанные усы. Моррис быстро ретировался в «патерностер» и поехал вверх, слыша, как Мастерс галопом несется по лестнице, винтом огибающей шахту лифта. Едва Мастерс добегал до площадки, как Моррис успевал скрыться из виду. На одиннадцатом этаже, рассчитывая обмануть преследователя, Моррис выскочил из лифта и перепрыгнул в кабинку, идущую вниз, но не раньше чем Мастерс успел заметить этот маневр, и услышал у себя над головой тяжелый стук — это Мастерс вскочил в следующую кабинку. На пятом этаже Моррис выпрыгнул и перебежал в кабинку, идущую вверх. Он уже собрался снова выйти на восьмом этаже, как тут в поле зрения появились ноги Мастерса и, повернувшись лицом к задней стенке кабины, Моррис продолжил свое путешествие вверх. Обмерев от страха, он проехал девятый, десятый, одиннадцатый и двенадцатый этажи и попал в какую-то клеть на вершине шахты со скрежещущим механизмом и мигающими лампочками.

Кабина, в которой он находился, накренилась и начала спускаться. Моррис выскочил на двенадцатом этаже, чтобы обдумать следующий шаг. Стоя в размышлении на площадке, он вдруг увидел перед собой стоящего на голове и медленно движущегося вниз Мастерса. Они с изумлением созерцали друг друга, пока Мастерс не скрылся из виду. И только потом Моррис сообразил, что Мастерс, достигнув высшей точки в маршруте «патерностера» и полагая, что кабина перевернулась вверх ногами, чтобы начать спуск, сделал стойку на голове в надежде, что он успешно спрыгнет с потолка на пол, когда кабина вернется в прежнее положение.

Теперь же, слыша, как Мастерс, точно одержимый, несется вверх по лестнице на двенадцатый этаж, Моррис впрыгнул в кабину, идущую вниз. Когда он проезжал десятый этаж, Мастерс, летя во весь опор, успел заметить его краешком глаза и, затормозив, прыгнул в кабину прямо над Моррисом. Добравшись до шестого этажа, Моррис пересек площадку и поехал вверх на девятый, сменил кабину, спустился на восьмой, убедился, что путь свободен, и вылез на седьмом, чтобы вновь подняться вверх. Пересекая площадку, чтобы запрыгнуть в кабину, идущую вверх, он чуть

не задел Мастерса, проворно устремившегося на пересадку в обратном направлении.

Моррис поднялся на девятый этаж, пересел и поехал вниз на шестой, затем вверх на десятый, затем вниз на девятый, вверх на одиннадцатый, вниз на восьмой, вверх на одиннадцатый, вниз на десятый, потом на самый верх и вылез на двенадцатом из кабины, идущей вниз.

Здесь, повернувшись спиной к Моррису и заглядывая в шахту лифта, идущего вверх, стоял Мастерс. Рассчитав бросок, Моррис что есть сил втолкнул Мастерса в кабину, и его унесло в машинное отделение. Когда ноги Мастерса исчезли из виду, Моррис сорвал печать на устройстве аварийной остановки лифта и опустил красный рычаг. Движущаяся лента кабинок вздрогнула и остановилась, и сразу резко зазвенел звонок. Откуда-то сверху послышались едва различимые сдавленные крики и гулкое буханье кулаками.

У Хилари, открывшей ему дверь, был озабоченный вид. Увидев Морриса, она побледнела, а потом покраснела.

— Ой, — тихо сказала она, — это вы. А я как раз собиралась вам звонить.

— Опять звонить?

Она впустила его и закрыла дверь.

— Вы за чем-то пришли?

— Не знаю, может, вы что-нибудь предложите? — Он игриво передернул бровями.

Хилари как-то сникла.

— У вас разве сегодня нет занятий? — спросила она.

— Нет, но это долгая история. Хотите послушать ее здесь, в дверях, или, может, пойдем присядем? — Хилари все еще в нерешительности стояла у входной двери.

— Я просто хотела сказать, что, в конце концов, может быть, вам не стоит сегодня ночевать у нас, — быстро проговорила она, избегая его взгляда.

— Да? И почему же?

— Ну мне просто кажется, что не стоит.

— О'кей. Как хотите. Тогда я сейчас возьму сумку и вернусь к О'Шею. — Он пошел по направлению к лестнице.

— Извините меня.

— Хилари, — остановившись на первой ступеньке и не поворачивая головы, устало сказал Моррис. — Если вы не хотите со мной спать, это ваше право, но ради Бога, перестаньте извиняться.

— Я… — она поперхнулась словом. — Вы обедали?

— Нет.

— Боюсь, у меня в доме ни крошки. Мне надо было сходить утром в магазин. Но у меня есть суп в банке.

— Не беспокойтесь.

— Да что вы, какое беспокойство!

Моррис поднялся в гостевую спальню за чемоданом. Когда он спустился, Хилари была уже в кухне: она разогревала спаржевый суп и поджаривала гренки. Обедать они сели за кухонный стол. Моррис поведал о своих злоключениях с Мастерсом. Хилари реагировала на его рассказ без особого увлечения, да и слушала она вполуха, вежливо, но с некоторым запозданием бормоча «Правда?», «Боже мой!» и «Какой ужас!».

— Да верите ли вы в то, что я рассказываю? — спросил он наконец. — Или вы думаете, что я сочиняю?

— А вы действительно сочиняете?

— Нет.

— Конечно, я верю вам, Моррис. И что было дальше?

— Вас все это как-то не трогает. Можно подумать, такое случается каждую неделю. А что было дальше, я не знаю. Я позвонил в отдел безопасности сказать, что Мастерс застрял в «па-

терностере», и поспешил унести оттуда ноги… Вкусно!.. — Он с жадностью отхлебнул супа. — Кстати, — сказал он, — вашего мужа повышают.

— Что? — Хилари положила на стол ложку.

— Вашему мужу дают ставку старшего преподавателя.

— Филиппу?

— Ну кому же еще?

— Но почему? Он этого не заслуживает.

— Я мог бы с вами согласиться, но мне казалось, что вы обрадуетесь.

— А откуда вам это известно?

Моррис объяснил.

— Так вот оно что, — медленно произнесла Хилари. — Вы это все подстроили.

— Ну я бы не сказал, что это моих рук дело, — скромно ответил Моррис. — Я только слегка подтолкнул Страуда в нужном направлении.

— По-моему, это отвратительно.

— Что?

— Это бесчестно. Когда подумаешь, что людей вот так можно продвигать или задвигать…

Моррис демонстративно стукнул ложкой об стол и воззвал к кухонным стенам:

— И вот вам, пожалуйста, благодарность…

— Благодарность? Так я должна вас благода-

рить? Может быть, надо расплатиться натурой? Какие у вас там в Америке расценки? — У Хилари на глаза навернулись слезы.

— Да что с вами, Хилари? — умиротворяюще произнес Моррис. — Сколько раз вы сами говорили, что, умей Филипп работать локтями, как Робин Демпси, он бы давно преуспел. Вот я и поработал слегка за него.

— Ах, какое большое спасибо! Остается только надеяться, что вы не зря старались.

— О чем это вы?

— А если он не вернется в Раммидж?

— Да что вы такое говорите?! Куда он денется?!

— Не знаю, — заплакав, сказала Хилари, и в тарелку с супом, как в лужу капли дождя, стали шлепаться крупные слезы.

Моррис поднялся, обошел вокруг стола, положил руки на плечи Хилари и слегка потряс ее.

— Да что с вами такое, скажите Бога ради!

— Сегодня утром я звонила Филиппу. Вчерашний вечер на меня подействовал… И мне захотелось, чтобы он вернулся. Прямо сейчас. А он так со мной говорил!.. Сказал, что у него роман…

— С Мелани?

— Не знаю. Да и какая мне разница. И я почувствовала себя идиоткой. Меня тут гложет вина

за то, что я вас вчера поцеловала… за то, что мне захотелось с вами переспать…

— Вам и в самом деле захотелось?

— И даже очень.

— Тогда чего мы ждем?! — Моррис попытался поднять ее на ноги, но она затрясла головой и вцепилась в стул.

— Нет-нет, теперь уже не хочется!

— Но почему нет? И зачем тогда вы меня просили переночевать у вас?

Хилари высморкалась в бумажную салфетку.

— Я передумала.

— Передумайте еще раз! Не упускайте момента! В доме никого нет. Ну же, Хилари, нам обоим так не хватает тепла!

Стоя позади нее, он стал нежно разминать ей шею и плечи вослед своему вчерашнему предложению. В этот раз она не сопротивлялась и, прислонившись к нему, закрыла глаза. Он расстегнул пуговицы на ее блузе и запустил руки в ее пышный бюст.

— Ладно, — сказала Хилари. — Пойдем наверх.

— Моррис, — сказала Хилари, тряся его за плечо.— Проснись.

Моррис открыл глаза. Хилари с румянцем во всю щеку и серьезным видом сидела в розовом

халате на краешке постели. Рядом на тумбочке дымились две чашки чая. Он отцепил с нижней губы жесткую лобковую волосинку.

— Который час? — спросил он.

— Четвертый. Выпей чаю.

Моррис уселся в постели и хлебнул обжигающей жидкости. Поверх чашки он поймал взгляд Хилари, и та покраснела.

— Послушай, — сказал он, — это было потрясающе. Я на седьмом небе. А ты?

— Все было замечательно.

— Это ты замечательная.

Хилари улыбнулась.

— Не надо преувеличивать, Моррис.

— А я серьезно! Ты в постели баба что надо, чтоб ты знала.

— Я толстая и старая.

— И что из этого? Я сам такой.

— Извини, что я тебя по голове ударила, когда ты стал… там… целовать… Опыта у меня маловато…

— Все было хорошо! А вот Дезире…

Хилари несколько помрачнела.

— Давай не будем говорить о твоей жене, Моррис! И о Филиппе. По крайней мере, не сейчас.

— О'кей, — сказал Моррис. — Давай тогда еще

немного поваляемся. — Он потянул ее в постель.

— Нет, Моррис! — слабо сопротивляясь, запросила она. — Скоро дети вернутся!

— Времени еще навалом, — ответил он, вне себя от радости, что его снова охватило желание. Внизу в прихожей зазвенел телефон.

— Телефон, — простонала Хилари.

— Пусть звонит.

Но Хилари высвободилась из его объятий.

— Если что-то случилось с детьми, я себе этого не прощу, — сказала она.

— Ну, только в темпе!

Хилари быстро вернулась с широко раскрытыми от удивления глазами.

— Это тебя, — сказала она. — Ректор.

Спустившись в прихожую в трусах, Моррис взял телефонную трубку.

— Это вы, Цапп? Простите великодушно, что побеспокоил, — забормотал ректор. — Как вы себя чувствуете после всей этой истории?

— Сейчас — просто великолепно! А что с Мастерсом?

— Профессор Мастерс, к нашей обшей радости, снова находится под врачебной опекой.

— Рад это слышать.

— А здорово вы это придумали, голубчик,

устроить ему ловушку в лифте. Ловкая работа! Примите мои поздравления.

— Спасибо.

— Вернемся к нашему утреннему разговору. Я только что с заседания комиссии по новым назначениям. Вам будет приятно узнать, что Лоу утвердили на ставку без сучка и задоринки.

— Угу.

— И если вы помните, как раз когда нас прервал доктор Смизерс, я собирался еще кое о чем спросить вас.

— О чем?

— Не догадываетесь?

— Нет.

— Все очень просто. Мне вот что интересно: вы не подумывали о том, чтобы подать заявление на заведование английской кафедрой?

— Вы имеете в виду здешнюю кафедру?

— Именно так.

— Да что вы. И в голову не приходило. Зачем вам на этом месте американец? И кафедра этого не поддержит…

— Напротив, дружище, все члены английской кафедры, которых просили высказаться по этому вопросу, назвали вашу фамилию. Я не исключаю, что за всем этим стоит желание просто свалить

все на вас, но, несомненно, вы произвели на них впечатление как человек, способный по-деловому руководить кафедрой. И конечно, стоит ли говорить о том, что, столь ярко проявив себя в разрешении конфликта вокруг сидячей забастовки, вы прекрасно зарекомендовали себя в глазах всего университета. Если говорить откровенно, мой друг, стоит вам захотеть, и кафедра ваша.

— Большое спасибо, — сказал Моррис. — Для меня это высокая честь. Но смогу ли я спать спокойно? Что, если Мастерс снова сбежит? Теперь он вполне может думать, что его подозрения на мой счет оправдались.

— Я бы не стал об этом беспокоиться, голубчик, — тихо стал утешать его Страуд. — Я думаю, вам просто показалось, что Мастерс в вас стрелял. У нас нет свидетельства, что он был вооружен или что он замышлял какой-либо акт насилия по отношению к вашей персоне.

— А зачем он тогда гонялся за мной по всему шестиграннику? — требовательно спросил Моррис. — Поцеловать меня в щечку?

— Он хотел с вами поговорить.

— Поговорить?

— Как выяснилось, несколько лет назад он весьма критически высказался о вашей статье

в литературном приложении к «Таймс», и ему показалось, что вы это обнаружили и затаили на него злобу. Вы понимаете, о чем я говорю?

— Кажется, понимаю. Знаете, господин ректор, я подумаю о месте завкафедрой.

— Уж подумайте, дружище. Можете не торопиться с ответом.

— А какая у меня будет зарплата?

— Этот вопрос можно уладить с помощью переговоров. Университет имеет специальный фонд для целенаправленной выплаты надбавок в особых случаях. Я уверен, что ваш случай будет рассмотрен как самый что ни на есть особый.

Моррис обнаружил Хилари в ванной. Она лежала в огромной старомодной ванне с ножками в форме звериных лап и, когда он ворвался к ней, прикрыла мочалками грудь и низ живота.

— Да ладно тебе! — сказал он. — Брось ты эту свою притворную стыдливость. Подвинься-ка, я тоже влезу.

— Что за глупости, Моррис! Зачем звонил ректор?

— Дай-ка я потру тебе спинку. — Он стянул трусы и забрался в ванну. Вода в ней угрожающе поднялась и начала уходить через верхнее сливное отверстие.

— Моррис! Ты сошел с ума! Я вылезаю.

Но она осталась в ванне и, наклонившись вперед, возбужденно задергала плечами под его руками.

— Брал ли Филипп хоть когда-нибудь книги у Гордона Мастерса?

— Брал постоянно. А почему ты спрашиваешь?

— Да так.

Он притянул ее к себе и, устроив между коленей, стал намыливать пышные дыни ее грудей.

— Ах, Боже мой! — простонала она. — И как мы успеем все это закончить до возвращения детей?

— Расслабься. Времени уйма.

— Так что хотел ректор?

— Он предложил мне место заведующего английской кафедрой.

Пытаясь оглянуться, Хилари скользнула по дну ванны и чуть не ушла под воду.

— Что??? Место Гордона Мастерса?

— Так точно.

— И что ты сказал?

— Сказал, что подумаю.

Хилари смыла пену и выбралась из ванны.

— Как все это странно. И ты думаешь, что сможешь жить в Англии?

— В настоящий момент в этой идее есть масса

соблазнов, — многозначительно ответил он.

— Оставь свои шутки, Моррис. — Она стыдливо прикрылась полотенцем. — Ты прекрасно знаешь, что это лишь эпизод.

— Почему ты так думаешь?

Она пристально на него посмотрела:

— И сколько женщин было в твоей жизни?

Он неловко заерзал в уже остывшей воде и открыл кран.

— Это нечестный вопрос. В определенном возрасте мужчина начинает находить удовлетворение с одной-единственной женщиной. Он хочет стабильности.

— Да, но скоро вернется Филипп.

— А ты как будто сказала, что он остается?

— Нет, его надолго не хватит. Вернется как миленький, поджав хвост. Вот уж кто точно хочет стабильности!

— А может, нам его присватать к Дезире? — пошутил Моррис.

— Бедная Дезире. Хватит с нее страданий. — В это время снова зазвонил телефон. — Пожалуйста, Моррис, вылезай побыстрее и одевайся. — Она накинула халат и вышла.

Плавая в ванне и поигрывая гениталиями, Моррис задумался над словами Хилари. Сможет ли

он жить в Англии? Полгода назад вопрос был бы неуместен, а над ответом и думать было нечего. Но теперь у него уже не было той уверенности… Некоторым образом это помогло бы решить проблему его дальнейшей карьеры. Раммидж, конечно, не самый лучший в мире университет, но человеку с его энергией и идеями здесь есть где развернуться. И едва ли кто из американских профессоров обладал в Раммидже неограниченной властью заведующего кафедрой. А встав у руля, вы можете крутить его как вам угодно. С его опытом, инициативой и международными контактами он добьется того, что о Раммидже заговорят, и это будет даже занятно… Моррис стал рисовать наполеоновское будущее своей карьеры в Раммидже: сначала он разделается с обветшалой готической программой и заменит ее безупречно логичной системой дисциплин, учитывающей научные достижения в литературоведении с начала 20 века; потом организует аспирантский центр изучения Джейн Остен; введет для студентов обязательное пользование пишущей машинкой, пригласит к себе американских ученых, бежавших от студенческих революций; будет устраивать конференции и издавать новый журнал…

Он услышал, как звякнул телефон, когда Хилари повесила трубку, и пальцем большой ноги вытянул за цепочку пробку. Вода стала постепенно снижаться, образуя островки, архипелаги и затем континенты из его ног. живота, члена, груди и плеч. Что касается семейной жизни, то, оставшись в Англии, он ничего не потеряет. Если Дезире настоит на разводе и возьмет с собой близнецов, Раммидж окажется не дальше от Нью-Йорка, чем Эйфория. А может быть, ее удастся уговорить попробовать начать все сначала в Европе. Не то чтобы Раммидж был на уме у Дезире, когда она говорила о Европе, но, по крайней мере, из местного аэропорта можно за пятьдесят минут долететь до Парижа, если появится такое желание…

Остатки воды с бульканьем исчезли, подергав его за волоски на ногах и ягодицах, и он остался лежать на дне ванны голый и мокрый, будто выброшенный на берег после кораблекрушения. Гулливер. Робинзон Крузо. Впереди — новая жизнь?

В ванную вошла Хилари.

— Да-да, — сказал он. — Я уже вылезаю. — И тут он заметил, что она странно на него смотрит. — В чем дело?

— Этот телефонный звонок…

— И кто же это был? Ректору пришло в голову что-то еще?

— Это была Дезире.

— *Дезире!* Почему ты меня не позвала? — Он выпрыгнул из ванны и схватил полотенце.

— С тобой она говорить не хотела, — сказала Хилари. — Она хотела поговорить со мной.

— С тобой? И что же она сказала?

— Та женщина, с которой у Филиппа роман…

— Да?..

— Это она. Дезире.

— Ты шутишь.

— Нет.

— Быть этого не может!

— Почему?

— Почему? Потому что я знаю Дезире. Она мужененавистница. Особенно не выносит таких бесхребетных мужиков, как твой муж.

— Откуда тебе известно, что он бесхребетный? — строго спросила Хилари с некоторым раздражением.

— Да уж известно. Дезире сожрет его с потрохами. Без соли и перца.

— Филипп может быть очень ласковым и нежным. Возможно, Дезире захотелось чего-то

необычного, — сухо сказала Хилари.

— Вот стерва! — воскликнул Моррис, шлепнув полотенцем по краю ванны. — Изворотливая стерва!

— А мне как раз показалось, что она очень чистосердечна. Сказала, что слышала мой разговор с Филиппом сегодня утром — правда, я не знаю, каким образом, потому что я позвонила вам домой, а она дала мне другой телефон… Одним словом, ей все известно, и ей показалось, что будет честнее раскрыть мне все карты, потому что у Филиппа не хватало смелости сказать мне о том, что произошло. Естественно, я подумала, что и мне следует быть столь же откровенной.

— То есть ты рассказала ей о том… о сегодняшнем вечере?

— Конечно. Особенно мне хотелось, чтобы об этом узнал Филипп.

— И что же сказала Дезире? — с опаской спросил Моррис.

— Она сказала, — ответила Хилари, — что, наверное, нам надо где-то встретиться и обсудить эту ситуацию.

— Тебе и Дезире?

— Нет, всем нам. И Филиппу тоже. Что-то вроде встречи в верхах, как она выразилась.

Конец

Натурная съемка: самолет Британской трансатлантической авиакомпании «Викерз-10» слева направо пересекает экран. Вторая половина дня. Безоблачно. Звук: шум двигателей.

Смена кадра

Студийная съемка: «Викерз-10». Вторая половина дня. Кадр под углом: Моррис и Хилари сидят в середине салона. Звук: приглушенный шум двигателей.

Хилари нервно и невнимательно листает журнал «Харперз базар». **Моррис**, зевая, смотрит в окно.

Крупным планом вид из окна. В кадре: восточное побережье Америки, Лонг-Айленд, Манхэттен.

Смена кадра

Натурная съемка: самолет Американской авиакомпании «Боинг-707» справа налево пересекает экран. Вторая половина дня. Безоблачно. Звук: шум двигателей.

Смена кадра

Студийная съемка: «Боинг-707». Вторая половина дня. Звук: спокойная оркестровая аранжировка песни «Эти маленькие глупости».

Крупный план: **Филипп** спит в наушниках, приоткрыв рот. Отъезд камеры: в кадре появляется сидящая рядом **Дезире** за чтением книги Симоны де Бовуар «Второй пол». **Дезире** выглядывает в окно, затем смотрит на часы, потом на **Филиппа** и поворачивает переключатель у него над головой. *Звук резко меняется на сказку «Три медведя».*

Звукозапись. «И папа-медведь спросил: "Кто это спал на моей кровати?". И мама-медведица спросила: "Кто это…"»

Филипп, виновато вздрогнув, просыпается и сбрасывает наушники.

Звук: приглушенный шум двигателей.

Дезире *(улыбаясь).* Просыпайся, мы подлетаем.

Филипп. Нью-Йорк? Уже?

Дезире. Уже. Хотя неизвестно, сколько нам придется кружиться в воздухе перед посадкой.

Смена кадра

Студийная съемка. «Викерз-10». Вторая половина дня.

Моррис (*обращаясь к Хилари*). Молю Бога, чтобы мы не застряли в небе над аэропортом.

Смена кадра

Натурная съемка. «Викерз-10». Вторая половина дня. Вид самолета с носа. Он начинает снижаться. Звук: шум двигателей меняет тон.

Смена кадра

Натурная съемка. «Боинг-707». Вторая половина дня. Вид самолета с носа. Он начинает крениться вправо. Звук: шум двигателей меняет тон.

Смена кадра

Студийная съемка. Кабина экипажа. «Викерз-10». Вторая половина дня. Английский командир экипажа, оглядывая небо, смотрит вправо. *Крупный план:* Тревожное лицо английского командира.

Смена кадра

Студийная съемка: Кабина экипажа. «Боинг-707». Вторая половина дня. Крупный план: ужас на лице американского командира экипажа.

Смена кадра

Студийная съемка: Кабина экипажа. «Викерз-10». Вторая половина дня. Из-за плеча английского командира виден «Боинг-707», угрожающе близко пересекающий курс следования самолета

«Викерз-10» и делающий крен, чтобы избежал, столкновения. Английский командир нажимает рычаги на панели управления и делает крен в противоположную сторону.

Смена кадра

Студийная съемка: «Боинг-707», пассажирский салон. Вторая половина дня . Тревога и смятение среди пассажиров, когда самолет делает резкий крен. *Звук: крики, плач и т.д.*

Смена кадра

Студийная съемка: «Викерз-10», пассажирский салон. Вторая половина дня . Тревога и смятение среди пассажиров, когда самолет делает резкий крен. *Звук: крики, плач и т.д* .

Смена кадра

Студийная съемка: Кабина экипажа. «Викерз-10». Вторая половина дня.

Английский командир *(бесстрастно говорит в микрофон).* «Диспетчерская аэропорта Кеннеди, как слышите. Это Викерз-десяточка. Докладываю: был на грани столкновения».

Смена кадра

Студийная съемка: Кабина экипажа. «Боинг-707». Вторая половина дня.

Американский командир *(в ярости кричит в микрофон).* «Хотел бы я знать, какого хрена вы там делаете!!!»

Смена кадра

Студийная съемка. «Викерз-10». Пассажирский салон. Вторая половина дня. Звук: голоса «Ты видел?», «В метре разошлись!», «Чуть не врезались» и т. д.

Моррис *(вытирая пот со лба).* Я всегда говорил, что если бы Богу было угодно, чтобы мы летали, он сделал бы меня похрабрее.

Хилари. Меня мутит.

Смена кадра

Студийная съемка. «Боинг-707». Пассажирский салон. Звук: приглушенные голоса.

Дезире (*дрожащим голосом, Филиппу*). Что это было?

Филипп: Думаю, мы чуть не столкнулись с другим самолетом.

Дезире. Боже святый!

Затемнение

Выход из затемнения. Студийная съемка: гостиничная комната в центре Манхэттена, интерьер в голубых тонах. Вторая половина дня.

Звук: голос комментатора бейсбольного матча, звук приглушен . Два раскрытых, но нераспакованных чемодана. **Хилари,** закрыв глаза, лежит в одежде, скинув туфли, на одной из кроватей. **Моррис** в рубашке с короткими рукавами сидит, уткнувшись в телевизор, со стаканом скотча со льдом. На прикроватной тумбочке — поднос с бутылкой, льдом, стаканами и прочим. Стук в дверь. *Кадр* : **Хилари** быстро открывает глаза.

Моррис. Да! Войдите!

Дезире (*входит, за ней Филипп*). Моррис?

Хилари быстро садится в постели и опускает ноги на пол.

Моррис. Дезире! (*Ставит стакан и идет к двери, широко раскрыв руки* .) Дорогая!

Дезире ловко перехватывает **Морриса**за запястья и останавливает его. Затем сухо целует его в щеку и отпускает его руки.

Дезире. Привет, Моррис.

Моррис *(потирая запястья).* Ого, ну и сила у тебя!

Дезире. Я брала уроки карате.

Моррис. От-лич-но! Сходи сегодня вечером в парк и потренируйся на насильниках. *(Делая жест в сторону Филиппа.)* А вы, наверное, Филипп.

Кадр: **Филипп,**не произнося ни звука, смотрит во все глаза на **Хилари.** Наезд на **Хилари,** которая, замерев, сидит в кровати и смотрит во все глаза на **Филиппа.**

Моррис. Ну а если вы не Филипп, то все оказывается сложнее, чем я мог предполагать.*(Берет Филиппа за руку и пожимает ее.)*

Филипп. Извините! Здравствуйте! *(Оглядывается на Хилари.)*

Хилари*(еле слышно).* Привет, Филипп.

Филипп.Привет, Хилари.

Дезире *(подходит к Хилари).* Хилари, я Дезире. *(Хилари поднимается.)* Да вы не вставайте!

Хилари (*извиняющимся тоном, надевая туфли*). Я просто прилегла…

Хилари и Дезире пожимают друг другу руки.

Дезире. Как долетели?

Моррис. Лучше не придумаешь! Чуть не столкнулись с другим самолетом.

Дезире (*оглядываясь на него*). И мы тоже!

Моррис *(широко открыв глаза).* И вы чуть не столкнулись?..

Филипп. Да, как раз на подлете к Нью-Йорку. Интересно, часто ли у них это случается?

Моррис *(рассудительно).* Мне кажется, сегодня это могло произойти только один раз.

Филипп.Вы хотите сказать?..

Моррис *(кивает).* Да, нас хотели представить друг другу в воздухе.

Филипп. Ф-ф-ф-у!

Хилари (*снова садится на кровать*). Какой ужас!

Дезире. Зато сколько проблем сразу бы разрешилось. Впечатляющее завершение нашей маленькой драмы.

Хилари. Да что вы такое говорите!

Моррис. Но все обошлось. Возможно, Господь Бог не гак уж на нас и сердит.

Филипп. А почему он должен быть сердит?

Моррис. Ну, вот Хилари думает…

Филипп *(обращаясь к Хилари).* Ты правда думаешь?

Хилари *(оправдываясь).* Нет, конечно. Это вот Моррис Бога боится, только он в этом не признаётся. А мне просто хотелось бы во всем разобраться.

Дезире. Вот именно. За тем мы и собрались.

Филипп (*обращаясь к Хилари*). Как дети?

Хилари. Дети нормально. За ними присматривает Мэри. А ты поправился, Филипп.

Филипп. Да, немного.

Хилари. Тебе так лучше.

Моррис*(обращаясь к Дезире).* Тебе идет брючный костюм. Как близнецы?

Дезире. Близнецы отлично. А нам дадут выпить?

Моррис. Конечно. *(Торопливо разливает напитки.)* Хилари? Филипп? Скотч?

Хилари. Я не буду, спасибо, Моррис.

Моррис. Да, насчет комнат. Мы с Дезире займем эту?

Дезире. А кто сказал, что я согласна поселиться с тобой?

Моррис*(пожимая плечами).* О'кей, милая. Вы с Филиппом займете другую комнату. А мы останемся здесь.

Хилари. Так или иначе, не слишком ли мы спешим с выводами?

Моррис (разводя руками.) О'кей. И что вы предлагаете?

Смена кадра

Студийная съемка. Комната в гостинице. Голубой интерьер. Ночь.

Филипп и Моррис на односпальных кроватях. **Филипп** в пижаме, похоже, что спит. **Моррис** с голой грудью лежит без сна, одна рука закинута за голову, другая — под простыней.

Моррис. И зачем только мы их послушались?

(*Пауза* .)

— Полный идиотизм.

(*Пауза* .)

— В гостиничных номерах всегда тянет на это дело.

(*Пауза* .)

— Филипп.

Филипп. М-м-м?

Моррис. Как ты там ладил с Дезире?

Филипп. Просто замечательно.

Моррис. Я имею в виду, в постели.

Филипп. Просто замечательно.

Моррис. Тяжелая работенка.

Филипп. Я бы так не сказал.

(*Пауза* .)

Моррис. А она хоть раз… э-э-э… брала у тебя в рот?

Филипп. Нет.

Моррис*(вздыхает).* Вот и у меня тоже.

(*Пауза* .)

Филипп. Да я ее и не просил.

(*Пауза* .)

Филипп внезапно садится в постели, совершенно проснувшись.

Филипп. А ты Хилари просил об этом?

Моррис. Конечно.

Филипп. И что?

Моррис. Ничего.

Филипп с облегчением откидывается на подушку и закрывает глаза.

(*Пауза .*)

Моррис. Она и не поняла, о чем я говорю.

Смена кадра

Студийная съемка. Комната в гостинице. Розовый интерьер. Ночь.

Дезире и Хилари спят на односпальных кроватях. Между ними на тумбочке стоит телефон. Он начинает звонить. **Дезире**, нащупав рукой, берет трубку.

Дезире*(сонно).* Алло.

Моррис и **Дезире** крупно, параллельный монтаж.

Моррис. Здравствуй, дорогая.

Дезире*(раздраженно).* Что тебе нужно? Ты меня разбудил.

Моррис. Э-э-э… Мы вот тут с Филиппом подумали *(смотрит на Филиппа),* а не прийти ли нам к более подходящему соглашению?

Дезире. Например?

Моррис. Ну, например, одна из вас поменялась бы местами с одним из нас…

Дезире. Одна из нас? И которая же? Тебе как

будто все равно?

Моррис*(с неловким смешком).* Это уж как вы решите.

Дезире. Какая мерзость! *(Кладет трубку.)*

Моррис. Дезире!

Моррис бросает трубку.

(*Мрачно* .) Стерва!

Смена кадра

Студийная съемка. Розовая комната. Ночь.

Хилари. Кто звонил?

Дезире. Моррис.

Хилари. Что он хочет?

Дезире. Одну из нас. Он не так уж привередлив.

Хилари. Что?!

Дезире. И Филипп тоже. Боюсь, что Моррис дурно на него влияет.

Хилари*(садится в постели).* Мне надо поговорить с Филиппом.

Дезире. *Сейчас?*

Хилари. Мне все равно не спится.

Дезире. Как хочешь *(Отворачивается.)*

Хилари. А тебе не хотелось бы переговорить с Моррисом?

Дезире. Нет!

Смена кадра

Студийная съемка. Коридор гостиницы. Ночь.

Хилари в халате появляется из левой двери, оставляет ее распахнутой, пересекает коридор и стучит в правую дверь. Дверь открывается. **Хилари** заходит в комнату, дверь закрывается. Вскоре правая дверь открывается, из нее выходит **Моррис** в халате, закрывает за собой дверь, пересекает коридор, входит в первую дверь и закрывает ее за собой.

Смена кадра

Студийная съемка. Голубая комната. Ночь.

Хилари (*нервничая*). Я пришла только поговорить, Филипп.

Смена кадра

Студийная съемка. Розовая комната. Ночь. Звук закрывающейся двери.

Дезире*(спокойно).* Только дотронься до меня, Цапп, — пожалеешь.

Затемнение

Смена кадра

Студийная съемка. Голубая комната. Раннее утро.

Филипп и Хилари, обнявшись, спят в одной

из кроватей.

Смена кадра

Студийная съемка. Розовая комната. Раннее утро.

Неторопливое панорамирование комнаты, в которой все вверх дном — опрокинутые стулья, сброшенные лампы, сдернутое с постели белье и т.д. **Морриса и Дезире** не видно, пока камера не обнаруживает их голые сплетенные тела на полу между кроватями. Они крепко спят.

Смена кадра

Студийная съемка. Кафе в гостинице. Утро.

Моррис, Дезире, Филипп и Хилари кончают завтракать. Они сидят в отдельной кабинке, мужчины по одну сторону стола, женщины — по другую.

Моррис. Ну, чем займемся с утра пораньше? Покажем этим двум провинциалам город, Дезире?

Дезире. Сегодня будет жарко. По радио сказали — за тридцать.

Хилари. А может, поговорим серьезно? Ну то есть о том, зачем мы все здесь собрались. Что будем делать дальше? О нашем будущем.

Моррис. Давайте рассмотрим возможные варианты. Без всяких эмоций. *(Собирается раскурить*

сигару.) Вариант первый: мы возвращаемся каждый в свой дом и к своей супруге.

Моррис закуривает сигару и разглядывает ее кончик. **Хилари** смотрит на **Филиппа**,**Филипп** смотрит на **Дезире**, **Дезире** смотрит на **Морриса**.

Дезире. Второй вариант.

Моррис. Мы можем все развестись, а потом пожениться вперекрест.

Филипп. И где мы будем жить?

Моррис. Я могу взять кафедру в Раммидже и там обосноваться. А ты, наверное, получишь работу в Эйфории.

Филипп. Я в этом совсем не уверен.

Моррис. Или ты берешь Дезире с собой в Раммидж, а я вернусь в Эйфорию с Хилари.

Хилари встает.

Хилари. Я больше не желаю слушать эти ребячьи разговоры.

Филипп. Это почему же? Ты их первая начала.

Хилари. Ну какой же это серьезный разговор! Вы сидите тут как два сценариста и обсуждаете развязку пьесы.

Моррис. Хилари, дорогая! Но мы же должны сделать выбор! И поэтому надо рассмотреть все возможности!

Хилари*(садясь).* Ну хорошо. А вы учли такую

возможность, что мы с Дезире разведемся с вами и больше не выйдем замуж?

Дезире. Вот именно!

Моррис*(задумчиво).* Верно. Другая возможность — групповой брак. Слышали? Две пары вместе живут в одном доме, и у них все вскладчину. И собственность тоже общая.

Филипп. Включая… э-э-э…

Моррис. Включая и это, разумеется.

Хилари. А дети?

Моррис. А детям лучше всех. Они друг друга развлекают, пока родители…

Дезире. Друг друга трахают.

Хилари. В жизни не слышала ничего более аморального!

Моррис. Да ладно тебе, Хилари! Мы и так уже побили рекорд по обмену женами на расстоянии. И почему бы теперь не сделать то же самое под одной крышей? Таким образом мы будем иметь мир в семье плюс разнообразие в постели. Разве мы не хотим этого? Я уж не знаю, как вы провели прошлую ночь, но у нас с Дезире это было…

Дезире. Ну хорошо, хорошо, довольно об этом.

Филипп. Я должен сказать, что в этой идее что-то есть.

Дезире. Теоретически я это поддерживаю — ну

то есть как первый шаг на пути к избавлению от нуклеарной семьи, и в этом есть свои плюсы. Но если и Моррис — за, то в этом есть какой-то подвох.

Хилари*(саркастически, обращаясь к Моррису).* Из чисто научного интереса: а как быть, если в этом групповом браке оба мужчины одновременно захотят одну и ту же женщину?

Дезире. Или обе женщины захотят спать с одним и тем же мужчиной?

(*Пауза .*)

Моррис задумчиво потирает подбородок.

Филипп*(ухмыляясь):* Я знаю, как быть. Тот, кто остался не у дел, наблюдает за теми тремя.

Моррис и Дезире фыркают от смеха, **Хилари**, борясь с собой, тоже смеется.

Хилари. Ну неужели нельзя серьезно, в самом деле?! Чем же все это кончится?

Смена кадра

Студийная съемка. Гостиница, голубая комната. Вторая половина дня.

Дверь открывается и входят **Моррис, Дезире, Хилари и Филипп**, увешанные пакетами и сумками с эмблемами универмагов Манхэттена. Они разгоряченные, вспотевшие, но в хорошем настроении. Все четверо плюхаются на стулья

и кровати.

Моррис. Ну, все обошли!

Дезире. Боже мой, я и забыла, что такое жара в Нью-Йорке!

Филипп. Слава Богу, что есть кондиционеры.

Моррис. Пойду схожу за мороженым.

Моррис уходит. **Филипп** вдруг вскакивает.

Филипп. Дезире!

Дезире. Что?

Филипп. Ты забыла, какой сегодня день?.. Сегодня же Марш!

Дезире. Марш? Ах да, Марш.

Хилари. А что это?

Филипп*(возбужденно).* Должны передавать по учебной программе.

Филипп подходит к телевизору и включает его.

Дезире. Так ведь это было утром? Уже все кончилось.

Филипп. Но в Эйфории еще утро. По тихоокеанскому времени.

Дезире. А, верно! *(Обращаясь к Хилари.)* Ты слышала о волнениях в Плотине? Из-за Народного сада?

Хилари. А, вот оно что. А ты столько пропустил в Раммидже в этом семестре, Филипп. Сидячую

забастовку и много чего другого.

Филипп. Как-то не могу себе представить, чтобы в Раммидже происходили революционные события.

Хилари. Надеюсь, ты не собираешься стать снобом от насилия, который думает, что все это пустяки, пока нет убитых?

Дезире. Сноб от насилия! Неплохо…

Филипп. Кстати сказать, сегодня в Плотине вполне могут быть жертвы.

Дезире. Ты должна войти в его положение, Хилари. Филипп был в гуще событий вокруг Сада и прочего. Он даже сидел в тюрьме.

Хилари. Боже мой! А ты мне об этом не сказал, Филипп!

Филипп*(уставившись в засветившийся экран телевизора).* Ну, сидел всего несколько часов. Я собирался тебе об этом написать, но… это было связано с другими вещами.

Хилари. А-а-а…

На экране — кадры боевика. **Филипп** переключает каналы, пока не находит репортаж о Марше из Плотина.

Филипп.Вот! (Делает погромче. Звук: Пение, возгласы, оркестровая музыка и т.д.)

Входит **Моррис** с мороженым и освежающими

напитками.

Моррис. Что это?

Дезире.Большой марш в Плотине.

Моррис.Кроме шуток?

Голос диктора.Пожалуй, теперь мы можем сказать, что Большой марш завершится мирно…

Моррисс интересом поглядывает на телевизор и разливает напитки. *Крупно:* Телевизионный экран. Мы видим колонну демонстрантов, проходящих мимо огороженного забором Сада. В Плотине теплое солнечное утро. У толпы праздничный и оживленный вид. Демонстранты несут знамена, флажки, цветы и куски дерна. За оградой солдаты Национальной гвардии стоят по команде «вольно».

Камера дает крупным планом разные группы демонстрантов. Мы видим грузовики с рок-группами и танцовщицами без верха, людей, резвящихся под струями воды из пожарных шлангов, идущих рука об руку и т.д. В толпе мы видим знакомые лица. Показ сопровождается голосом диктора и репликами **Морриса, Филиппа, Хилари и Дезире.**

Голос диктора.Люди боялись, что на улицах Плотина сегодня прольется кровь, но пока мы видим, что демонстранты настроены благодушно…

Вместо камней они кидают цветы… они вплетают цветы в сетку ограды… они укладывают дерн вдоль тротуаров. Вот как они выражают свое мнение.

Филипп.Смотрите, а вон Чарлз Бун! И Мелани!

Моррис.Мелани? Где?

Дезире.Рядом с парнем, у которого рука в гипсе.

Хилари.Хорошенькая.

Голос диктора.Пока никто не пытался перелезть через забор. Гвардейцы, как вы видите, стоят по команде «вольно». Некоторые из них приветливо машут демонстрантам.

Филипп.А вот Вайли Смит! Помнишь, Хилари, я тебе о нем писал? В углу экрана, в бейсбольной кепке. Он ходил ко мне на семинар. Так и не написал ни единого слова.

Голос диктора.Шериф О'Кини и его молодчики, которых студенты прозвали «паршивцы в синем», стараются держатся от глаз людских подальше…

Дезире.Эй, посмотрите-ка на этих танцовщиц без верха!

Филипп.Да это же Кэрол и Дидри!

Дезире.Кажется, да!

Голос диктора.Целых полчаса мы наблюдаем

Марш демонстрантов, а я все еще не вижу конца колонны.

Филипп.А вот Ковбой и Военная Униформа! Похоже, весь Плотин вышел на улицы!

Голос диктора.Мне кажется, то, что мы видим, говорит само за себя.

Хилари*(задумчиво).* Глядя на тебя, Филипп, сразу скажешь, что ты был бы сейчас не прочь оказаться в Плотине.

Дезире. Так оно и есть.

Филипп.Да нет, не совсем.

Филиппприглушает звук телевизора, оставляя картинку. Камера отъезжает, и в кадре появляются все четверо, сидящие у телевизора со стаканами в руках.

Филипп.«Тут старым нет пристанища…» [25]

Моррис.Да будет тебе, Филипп, еще не вечер.

Филипп.Нет, среди них я буду чужаком.

Дезире.Это почему же?

Филипп.Эта молодежь *(показывая на экран)* действительно болеет душой за Сад. Для них это что-то вроде любовной связи. Возьмите хотя бы Чарлза Буна и Мелани. Я бы уж точно не стал так переживать из-за общественных дел. Даже если

---

[25] Примечания: 25

У. Б. Йейтс. «Плавание в Византию» (из книги «Башня», 1928). — Пер. с англ. Г. Кружкова.

иногда мне бы этого хотелось. Для меня, если уж честно, политика всегда на заднем плане; это новости, это чуть ли не развлечение. То, что можно включить или выключить, как телевизор. А что меня на самом деле беспокоит, от чего я никак не могу отключиться, это *(вздыхает)* секс, или смерть, или лысеющий затылок. Интимные вещи. Мы, наше поколение, как-то обособлены, не так ли? Мы проводим четкую границу между жизнью частной и общественной; и то, что для нас важно, что делает нас счастливыми или несчастными, это наш личный мир. Любовь — дело сугубо частное. Собственность — частная. То, что ниже пояса, — интимная сфера. Вот почему молодые радикалы призывают к совокуплению на улицах. Это не просто дешевая шокирующая тактика. Это серьезный революционный лозунг. Слышали песню «Биттлз» «Займемся-ка этим на улице»?..

Дезире. Все это бред сивой кобылы.

Филипп. А?

Дезире. Полный вздор, Филипп. Это тебе нелегальная пресса голову заморочила. Начитался «Эйфория таймс». И, случись революция, кого начнут трахать на улицах, скажи на милость?

Филипп. Кого?

Дезире. Естественно, женщин, хотят они того или нет. Если хочешь знать, каждую ночь в Саду насилуют девушек, только газете «Эйфория таймс» неизвестно слово «изнасилование», поэтому никто об этом и не знает. Любая девушка, которая приходит в Сад ради общего дела, попадает в эту ловушку. И если она не дает, ее обвиняют в буржуазности и в чопорности, а если она идет жаловаться в полицию, там ей говорят, что она имеет то, что заслуживает. А те девушки, которых не трахают против их воли, гнут спину на кухне или возятся с детьми, в то время как мужики собираются компанией и базарят о политике. И ты называешь это революцией? Не надо меня смешить.

Хилари. Правильно! Правильно!

Филипп. Возможно, ты и права, Дезире. Я только хочу сказать, что разрыв между поколениями действительно существует, и все вращается вокруг соотношения общественного и частного. Наше поколение подписалось поя старой либеральной доктриной неприкосновенности личности. Это и составляет великую традицию литературы реализма, и все романы пишутся только об этом. Частная жизнь — на авансцене, а история — это отдаленные раскаты орудийных

выстрелов где-то за сценой. А у Джейн Остен даже и выстрелов не слышно. Роман умирает, и мы умираем вместе с ним. Поэтому неудивительно, что я ничего не добился от студентов на своем семинаре по мастерству романной прозы в Эйфорийском университете. Это неподходящее средство для описания их жизненного опыта. У этих детей *(показывая на экран)* место действия — фильм, а не роман.

Моррис. Да будет тебе, Филипп! Это ты Карла Крупа наслушался.

Филипп. А он говорит толковые вещи.

Моррис. Тот историзм, который он всем навязывает, никак нельзя назвать зрелым. К тому же он малоэстетичен.

Хилари. Я не сомневаюсь, что все это чрезвычайно интересно, но может быть, мы обсудим более житейские вещи? Например, что все мы собираемся делать в ближайшем будущем.

Дезире. Все это бесполезно, Хилари. Если уж они начали — теперь их не остановишь.

Моррис *(обращаясь к Филиппу).* Парадигмы художественной прозы по сути своей независимы от формы. На структурном уровне не имеет значения, что используется, — слова или образы.

Дезире. «Структурный уровень»! «Парадигмы»!

Как они любят эти абстрактные слова! «Историзм»!

Филипп*(обращаясь к Моррису).* Я не уверен, что это полностью подтверждается. Возьмем, к примеру, проблему концовок.

Дезире. Вот-вот, давайте возьмем!

Филипп. Помнишь тот абзац в «Нортенгерском аббатстве», где Джейн Остен высказывает опасение, что ее читатели уже догадались о приближающейся счастливой концовке романа?

Моррис *(кивает).* «Беспокойство о будущем, ставшее на этой ступени их романа уделом Генри и Кэтрин, а также всех тех, кому они были дороги, едва ли доступно воображению читателей, которые, по предельной сжатости лежащих перед ними заключительных страниц, уже почувствовали наше совместное приближение к всеобщему благополучию». [26] Конец цитаты.

Филипп. Именно так. И это как раз то, чего писатель не может скрыть, то есть факт, что его книга скоро кончится. Возможно, в наши дни конец будет и несчастливым, но автор не может утаить эту самую сжатость заключительных страниц.

Хилари и Дезире начинают слушать **Филиппа**,

---

[26] Примечания: 26

Дж. Остен. «Нортенгерское аббатство». — Пер. с англ. И. Маршака.

и он становится центром всеобщего внимания.

То есть я хочу сказать, что в мыслях своих вы готовитесь к тому, что роман будет закончен. По мере чтения вы в конце концов осознаете факт, что в книге осталась пара страниц и скоро вы ее закроете. А что касается фильма, то о нем такого не скажешь, особенно в наши дни, когда они стали неоднозначны и более свободны по структуре. Никогда не знаешь, какой кадр будет последним. Фильм продолжается, как продолжается сама жизнь, люди что-то делают, совершают поступки, пьют, разговаривают, а мы смотрим на них, и в любой выбранный режиссером момент — без предупреждения, без всяких объяснений и подведения итогов фильм просто… кончается.

*Стоп-кадр.***Филипп** замирает на полуслове.